

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ ИМЕНИ МИРЗО ТУРСУНЗАДЕ**

На правах рукописи

ГАЛИМОВА МОХИНУР БАРОТОВНА

**«И.А. КРЫЛОВ И ТАДЖИКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (проблемы
перевода его басен на таджикский язык)»**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

**Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Муллоев Шариф Бокиевич**

Душанбе – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКО-ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	11
1.1. Политические и социально – культурные взаимоотношения России и Средней Азии в XVIII веке.....	11
1.2. Запад и таджикско-персидская литература.....	32
Выводы по I главе.....	64
ГЛАВА II. И. А. КРЫЛОВ И ТАДЖИКСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	66
2.1. К вопросу изучения связи И. А. Крылова с Востоком и Западом.....	66
2.2. Исследование творчества И. А. Крылова в таджикском литературоведении.....	81
2.3. Особенности перевода произведений И. А. Крылова на таджикский язык	115
Выводы по II главе.....	143
Заключение.....	144
Библиография.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. В мире глобализационных процессов происходят существенные изменения в области литературных, культурных и других взаимоотношений и взаимовлияний между народами. Исключением не являются и таджикско-русские отношения в области литературоведения, в том, числе литературных взаимосвязей. Кроме того, эти народы всегда находились в тесной торгово-экономической, культурной связях, способствующие их развитию в названных областях. XXI - век считается веком противоречивых мнений и взглядов на те или иные проблемы связей между народами.

Исходя из мнений большинства современных исследователей, перевод; как одна из форм созидательного и культурного понятия ценностей иноязычной литературы и одновременно как нравственное явление, обнаруживает воздействие на личную культуру переводчика, то есть вхождение культуры в культуру другого народа, и эту связь осуществляет перевод. Перевод имеет в литературе давние традиции, и скорее всего он берет свои истоки с тех времен, когда ни литература, ни язык не были абсолютно сформированы.

Русско-таджикские цивилизованные литературные связи в течении длительного времени находились под особым вниманием ученых-литературоведов. Данная тема во все времена является актуальной. Предпочтение в изучении предоставленной проблемы принадлежит таджикским учёным, которые, прежде всего, заострили внимание на историю русской литературы и её отражение в персидско-таджикских классических источниках.

Таджикское литературоведение располагает огромным числом трудов, в которых предоставленная тема рассматривалась на примере творчества определенного поэта или писателя и перевода его произведений, подготовленного в историко-сопоставительном анализе. Тут

уместно подтвердить истинную сущность о том, что художественный перевод представляется значимым методом воплощения духовно-эстетических контактов между народами, способствующих прогрессу любого народа и всего человечества, запоминающим моментом взаимообогащения культур в целом.

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию вопросов творчества известного представителя русской классической литературы XVIII века, баснописца Ивана Андреевича Крылова и его взаимосвязи с литературой Востока и Запада; влиянию персидско-таджикской литературы и философской мысли корифеев Востока на просветительские, философские взгляды И. А. Крылова; исследованию творения этого мыслителя в таджикском литературоведении. По справедливому мнению Вячеслава Иванова: «Русская литература включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, делящейся в опыте современности».

Отсюда вытекает актуальность и своевременность исследования проблем перевода произведений И.А. Крылова, особенно его басен на таджикский язык. Невзирая на довольно длительный период изучения русско-таджикских литературных связей, особенно литературы современного периода, исследователи все еще сталкиваются с огромным количеством нерешенных проблем в изучаемой области. В данном ракурсе исключительный интерес для таджикской литературной науки представляет интерпретация проблем и вопросов влияния русской литературы и конкретно – творчества Крылова на таджикскую литературу XIX- XX вв. Что касается переводов произведений великого писателя, в том числе его басен на таджикский язык, то они в таджикском литературоведении до сего дня представляются монографически не исследованной проблемой.

Таджикская версия переводов басен И. А. Крылова сыграла большую роль в развитии переводческой сферы в таджикском литературоведении изучаемого периода. Следует отметить, что особое место занимают переводы, выполненные известными таджикскими переводчиками XX века:

Хикматом Рахматом, Абдусаломом Дехоти, Сухайли Джавхаризода, Мирсаидом Миршакармом, Бахромом Фирузом, Клавдией Улугзода, Мухиддином Аминзаде.

В ходе анализа выявлено, что с точки зрения синтаксиса, таджикские версии переводов басен легко читаемы и не осложнены громоздкими конструкциями. Переводчики постарались сохранить точность и оригинальность предложений баснописца, передавая культурно-национальный колорит языка произведений, чтобы продемонстрировать огромное значение басен Крылова.

В таджикском литературоведении имеется огромный запас научных работ, где изучалось творчество, проблемы перевода произведений отдельных писателей и поэтов в историко-сопоставительном анализе. К сожалению, таджикское литературоведение до сих пор сталкивается с проблемами перевода художественных произведений. Несмотря на огромный запас переводов в литературоведении, по сей день, данная сфера недостаточно разработана и не дошла до желаемого результата по всем параметрам изучения данной проблемы. Исходя из этого, необходимо глубже изучить историю зарождения, формирования, модернизации и обновления связей в общественно-политическом, культурно-литературном развитии происходящих перемен, смену общественных ценностей и природу взаимоотношений в литературе. По всей вероятности, в литературоведении отсутствуют такие пути поиска решения возникших проблем из-за недостаточности надлежащей научной базы.

В последние годы в таджикском литературоведении переводу, анализу художественных произведений уделяется особое внимание. В этой области все больше-больше появляются новые исследования, научные открытия.

Следует отметить, что часть деятелей суверенного Таджикистана считали, что монокультура, то есть замыкаться в узких рамках национальных традиций, несомненно, приведет к должному прогрессу таджикского менталитета.

На наш субъективный взгляд, деятели в разных областях жизнедеятельности общества осознали, что диалог между народами – это неотъемлемая часть общечивилизованного прогресса. В этой связи проблема перевода и тяга к взаимному обогащению привели к должному пониманию и подъему эстетической культуры таджикского и русского народов.

Исследование истории переводов произведений И. А. Крылова, особенно его басен, на таджикский язык, проблем и вопросов продуктивного влияния его творческого подхода на таджикскую прозу и поэзию, в основном сатирическую - своеобразный путь распространения его наследия в Таджикистане. Этапы и принципы творческого освоения опыта русского баснописца таджикскими литераторами представляет огромную научно-теоретическую и практическую значимость.

Иван Андреевич Крылов – яркий представитель русской классической литературы XVIII века, произведения которого проникли не только в судьбы русского народа, но всего человечества.

Объект исследования - особенности проблем переводов басен русского поэта, представителя русской классической литературы XVIII века И.А. Крылова на таджикский язык.

Предмет исследования - идейное содержание басен И.А. Крылова и их влияние на творчество таджикских литераторов XX века, эстетические взгляды И.А. Крылова и способы их передачи на таджикский язык.

Степень изученности темы. Исследование вопросов касающихся литературных контактов России с народами Средней Азии, также с таджикским народом восходит, к началу XVIII века (золотой век перевода – Г.М.) и в конце XIX – начала XX вв. приобрело последующее развитие в русской ориенталистике. В научных трактатах русских ориенталистов таких как, Н. Конрад, В. Эберман, Ю. Марр, Е.Э. Бертельс, В.А. Гурко, В.А. Жуковский отражены базовые методологические аспекты исследования творческого наследия выдающихся мастеров слова персидско-таджикской прозы и поэзии - Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Абу Али ибн Сино и

других. В советское время исследователи-литературоведы также уделяли особое внимание изучению проблем русско-таджикских литературных связей. Ими была проделана огромная работа по исследованию, анализу и сопоставлению произведений русских и восточных литераторов. В этот период были опубликованы ценные научные труды Л. Гроссмана, П.И. Тартаковского, Е. А. Илюшина, Е. Чельшева, А. Сайфуллоева, В. Самада, Х. Шодиккулова, А. Давронова, Ш. Муллоева, М.Бадалова, А. Аминова, Х. Р. Холова, Б. Рахмонова, и других, посвященные проблеме влияния персидско-таджикской литературы на творчество А.С.Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Н. Гумилева, С.Есенина.

Цель и задачи исследования. В ходе вышеизложенных рассуждений вытекают основные цели и задачи представленной диссертационной работы, где главной целью исследования является выявление творческих связей деятельности И. Крылова с Востоком и Западом, установление степени влияния творчества писателя на мировую, а именно таджикскую литературу, а также трансляция басен литератора в духовно-эстетическую жизнь таджиков.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- исследовать и сопоставить историю переводов басен И.А. Крылова на языки народов мира;
- охарактеризовать влияние идейного содержания басен И.А. Крылова на творчество таджикских поэтов и писателей XX века;
- установить степень воздействия персидской литературы на эстетические взгляды И.А. Крылова;
- проанализировать переводы произведений И.А. Крылова в изданиях на персидском и таджикском языках.

Основными источниками исследования в работе являются творческое наследие литератора, а именно его басни, пьесы, рассказы,

философские статьи, и труды, а также переводы его басен на таджикский язык.

Труды И.А. Крылова по сей день, недостаточно изучены и исследованы отечественными литературными критиками, учеными-исследователями и литераторами. В данной научной работе основной упор делается на басни И.А. Крылова и их переводы. Основу исследования составляют труды таджикских переводчиков, таких как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, С. Дехоти, В. Самад, К. Улугзода, Б. Фируз, Сирус [30], [35], [36], [39]. Для наиболее полного и всеобъемлющего раскрытия выбранной темы были использованы исторические, литературные, литературоведческие и философские источники различных эпох и времен на таджикском и русском языках, в том числе, исследование литературных и философских истоков мировоззрения И. А. Крылова, диваны и сборники персидско-таджикских и русских поэтов (в переводах на русский и таджикский языки). При оценке творчества И.А. Крылова и для определения нового значения идей писателя в современном мире были использованы монографии и научные труды русских и восточных литературных критиков, исследователей разных времен.

Методы исследования. При выборе методов исследования учитывались специфика собранного материала и характер поставленных задач. В процессе исследования за основу были взяты текстологический и сравнительно-исторический методы, способствующие сопоставлению в историко-литературном контексте сходств и различий в интерпретации ряда важных мировоззренческих вопросов.

Для решения отдельных задач диссертации потребовалось использовать методы компонентного и сопоставительного анализов, а также методологические и общетеоретические выводы, сделанные в трудах Н. Конрада, Ю. Марра, В. Эбермана, П.И. Тартаковского, Л. Гроссмана, В. Самада, Х. Шодикулова, А. Сайфуллоева, А. Давронова, Ш. Муллоева, А.Аминова, М. Бадалова, Б. Рузикулова, Г. Рустамовой, Дж. Мурувватиён и других.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в современной таджикской литературе монографическому изучению подвергается творчество И. А. Крылова, где особое внимание уделяется его басням. Также выявляется влияние персидской литературы на творчество писателя и его влияние на таджикскую литературу XX-XXI веков и советскую таджикскую литературу в период прогрессивного развития таджикской литературы, особенно поэзии советского периода. В диссертации раскрывается влияние персидско-таджикских мыслителей на мировоззрение Крылова, ставшего проводником их гуманистических идей в русской литературе.

Основные положения исследования, выносимые на защиту:

1. Персидско-таджикская литература сыграла важную роль в формировании мировоззренческих идей И.А. Крылова и явилась основополагающим источником его художественного творчества.

2. Гуманистические идеи представителей персидско-таджикской литературы и других мыслителей, оказали значимое воздействие на формирование эстетических взглядов И.А. Крылова.

3. Персидско-таджикские мотивы произведений И.А. Крылова стали мостом взаимопроникновения культуры и литературы двух народов. Его труды и переводы произведений открыли новый рубеж в истории культурных связей России и Средней Азии.

4. Воздействие эстетических мыслей персидско-таджикских классиков на мировоззрение И.А. Крылова стало пропагандой гуманистических идей в русской литературе.

5. Воздействие творческого наследия И.А. Крылова на литературу разных народов способствовало их художественному обогащению, духовному развитию и многогранному совершенствованию.

6. Для совершенствования переводческого мастерства в Таджикистане в области художественного перевода произведений И.А. Крылова

необходимо оптимизировать процесс изучения творческого наследия русского классика в целом.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации в дальнейшем могут применяться на практике; при подготовке вводного курса по истории русско-таджикских литературных связей; при чтении общих и специальных лекционных курсов (на факультативных занятиях и семинарах) для студентов и аспирантов по истории литературы, и по литературоведению. Выводы, сделанные в работе, также могут быть полезны при написании диссертационных, дипломных, курсовых и реферативных работ соискателями и студентами филологических специальностей высших учебных заведений. Основные положения диссертации вносят явный вклад в изучение крыловского наследия и могут содействовать для продолжения научно-исследовательской работы по изучению таких вопросов, как взаимовлияние русской, персидской и таджикской литературы на творчество И.А. Крылова и трудов писателя на литературу народов мира.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались автором в научных статьях, докладах на семинарах и конференциях, которые опубликованы в сборниках материалов.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном, совместном заседании кафедр иностранных языков и филологии Таджикского государственного института культуры и искусств имени М. Турсунзаде от 06.01.2021 г. (протокол заседания № 5).

Структура диссертации соответствует основным целям и задачам исследования. Она состоит из введения, двух глав, заключения и перечня библиографических источников.

ГЛАВА I. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РУССКО-ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

1.1. Политические и социально-культурные взаимоотношения России и Средней Азии в XVIII веке

Взаимопроникновение и взаимоотношения русского и таджикского народов имеют исторически сложившиеся этапы, продолжавшиеся тысячелетиями, где, несмотря на малочисленность и разрозненность информации, имеются факты, ярко демонстрирующие довольно тесные контакты между русским и таджикским народами. Одним из таких фактов является свидетельство историка Табари, жившего в первой половине X века где он рассказывает о событиях, относящихся к 644 году, и упоминает название «Русь». Выдающийся поэт таджикской литературы Абулькасим Фирдоуси (934 - 1021 гг.) в своем знаменитом эпосе «Шахнаме» сообщая об несметном богатстве Сасанидского царя Хосрова II Парвиза, указывает на один из принадлежащих ему кладов, попавших по воли судьбы в его руки. Он состоял из драгоценностей, собранных в Китае, Индии, Хазарии и Руси. Существуют и факты о ранних торговых отношениях между этими двумя народами, которые, в свою очередь, подтверждаются российскими учеными, к примеру русским ориенталистом П.С. Савельевым, который считает, что русско-среднеазиатские торговые отношения восходят к началу появления мусульманской монеты, то есть к 699-700 гг. в период захвата арабами Мавераннахра. Это в большей степени было связано с Пейкендом. Пейкенд считался в то время одним из самых цветущих городов Мавераннахра. Его называли «городом купцов», а также «меднобронным городом», так как он имел сильно укрепленную цитадель [18, 480].

Ключевую роль в русско-таджикских взаимоотношениях сыграло присоединение Средней Азии к Царской России.

Изначально Средняя Азия представляла особый политический территориальный интерес для других феодальных государств. Исторические факты доказывают, что со стороны России в основном Средней Азией интересовались только русские купцы, которые ещё в конце XVI века наладили торговлю с местными жителями. Следует отметить, что пограничные территории были особенно хорошим рынком для сбыта русских товаров. Но в начале XVIII века появляется политический интерес к Средней Азии со стороны крупных соседних государств в связи с ее географической расположенностью. В свою очередь, Средняя Азия нуждалась в экономическом и культурном подъёме. Народы Средней Азии представляли собой бедное, веками угнетенное внутренними и внешними (арабскими, татаро-монгольскими и тюркскими) завоевателями население, которое в основном занималось земледелием, кочевым скотоводством и садоводством. Только в некоторых крупных городах развивалось ремесло, и велась торговля.

Бухарское, Кокандское, Хивинское государства, в том числе некоторые свободные племена, существовавшие в Средней Азии в первой половине XIX века постоянно, враждовали между собой за власть и возможность править. Соответственно постоянные разрушительные войны и переход власти от одной руки на другую не позволяли Средней Азии стабильно развиваться.

Между Кокандским ханом Умаром и Бухарским эмиром Хайдаром был заключен «вечный мир». Но все это продолжалось недолго. После смерти отцов дети не стали продолжать заветы отцов. В этом плане первенство взял Бухарский эмират. Эмират жестоко издевался над пленниками-кокандцами вплоть до прихода русской власти.

Постоянная междоусобная борьба феодалов ослабляла эти государства в экономическом и политическом плане, после чего они долго не могли вернуться в колею стабильного развития. В результате бесконечных войн не прекращало свое существование торговля людьми, в основном, в число пленников входили персы, русские солдаты, и население ближайших

областей. В этот период Средняя Азия находилась в печальном состоянии. Разнообразные нововведённые налоги угнетали народ, судебные разбирательства совершались только в пользу ханов и эмиров. Бесправных же беспощадно наказывали за любое непослушание: закрывали в темницах, отбирали имущество, часто применялись жестокие пытки и приговаривали к смертной казни.

Посетив Среднюю Азию в первой половине XIX в., русский путешественник – Филипп Назаров, рассказывал, что в городе на протяжении десяти дней происходили масштабные казни, это произошло впоследствии еще одной попытки ташкентцев отвергнуть Кокандскую власть, но их старания обернулись крахом, так как основной ущерб пришелся на граждан Средней Азии.

Некоторые детали всей ситуации, происходящей в Туркестане, мы можем прояснить в трактате Ахмада Дониша «Исторический трактат»: «В действительности, земли во владениях правителей Мавераннахра невелики, но, тем не менее, несколько правителей претендуют здесь на самостоятельность в Коканде, Кашгаре, Хорезме, Бухаре и даже в мелких владениях, таких как Гиссар, Мастчи, Куляб. Когда эти правители приходят к власти, то дрожат над ней, словно ивовый лист, не доверяя ни одному своему приближенному. Они живут в вечном страхе, что их могут лишить власти. Если такой правитель и возвышает кого-либо, он не дает ему свободы действий, опасаясь, что тот восстанет против него» [48, 76-77].

В период примыкания Средней Азии к Царской России, Бухарский эмират был мощным государством. Конечно, будучи одним из сильнейших государств Средней Азии, Бухарский эмират не сомневался в своем первенстве среди своих среднеазиатских соседей, но и, в свою очередь, эмират прекрасно понимал, что регион станет ареной для крупных держав. Маленькие, слабые страны Средней Азии не могли оставаться ни от кого независимыми. Крупные державы всё старались проникнуть на территорию Средней Азии.

Как известно, проникновение в чужое государство осуществляется тремя способами. Во-первых, захват территории происходит через дружеские отношения; во-вторых, финансовая заинтересованность одной стороны; в-третьих, захват силой или же второй и третий способы применить одновременно.

Средняя Азия по своей географической расположенности была окружена крупными мощными государствами, которые вполне могли повлиять на внутреннюю стабильность и развитие страны. На севере находилась Российская империя, на юге – Британская, на востоке – Китай, а на западе – Персия. Но в то время Персия имела проблемы с османами, а Китаю было не до Средней Азии, потому что Китай страдал от европейских держав, только Россия проявляла неподдельный интерес к среднеазиатскому региону, стараясь наладить экономические связи и, естественно, получить возможность его завоевания и последующего освоения. Однако Россия решительных действий не предпринимала.

Во второй половине XVIII века ситуация кардинально изменилась из-за стремления Великобритании попасть в эти регионы и превратить их в свою колонию. Естественно, Россия не могла допустить вторжения Великобритании, потому что она хорошо понимала, что мирное существование страны и ее внутренняя стабильность в какой-то степени зависит от Средней Азии. Соперничество привело к тому, что Россия начала решительные военные действия против Средней Азии. В 1863 г. на заседании Особого комитета было принято решение начать активные военные действия.

Территориальная экспансия со стороны России в Средней Азии началась в первой половине XVIII века. Первый удар получило Кокандское ханство (1853-1865), где была образована Туркестанская область. В 1867-1868 гг. туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман вёл ожесточённую борьбу с Бухарским эмиратом. Эмират не хотел сдаваться. В результате окончательного завоевания на территории Бухары был образован Зеравшанский округ. За разгромленным Хивинским ханством (1873) было

оставлено право управлять страной, а также было возложено обеспечение продовольствием российских войск и освобождение персиян-рабов. В 1874 году после туркменских восстаний на месте Хивинского ханства был образован Закаспийский военный отдел.

5 февраля 1876 года последовало высочайшее повеление императора о присоединении Кокандского ханства, фактически развалившегося к этому времени, к Российской империи на территории Ферганской области. Таким образом, с момента присоединения Ферганской области к России отошли оставшиеся районы современного Северного Таджикистана – Ашт, Исфара, Канибадам. Дальнейшая судьба народов, населявших эти территории, оказалась на многие годы связанной с историческими судьбами самой России [51, 18].

Все это время Великобритания наблюдала за успешными действиями России и не предпринимала никаких открытых действий, но все же скрытое соперничество продолжалось между двумя сверхдержавами. Это соперничество в истории получило название «Большая игра». Начиная с 1813 года шла политическая борьба между двумя державами, и лишь в 1885 году во время Афганского кризиса было остановлена русская экспансия. Впоследствии между соперниками была подписана Конвенция (1907) и таким образом был объявлен конец «Большой игре».

Присоединение Средней Азии к Царской России можно оценивать по-разному. С одной стороны, вся территория Средней Азии была захвачена Россией, и был установлен полуколониальный царский режим, который угнетал народ ещё больше, а с другой стороны, можно констатировать, что общее развитие народа поднялось на новую ступень. Если народ до вторжения России страдал от собственных феодалов, ханов, мулл-ростовщиков, то теперь их угнетал и новый режим. Естественно с приходом новой власти в Бухаре был введен «новый» вид налога, в основном отразившийся на ремеслах и торговле, – базарный сбор («аминона»). Доходы эмирской казны сокращались в результате перехода крестьянских хозяйств в

число «танхо» и роста вакуфных земель. Кроме всего прочего, жестоким эмиром Насрулло для увеличения собственных доходов была внедрена система конфискации имущества («яргу»). Из «Воспоминаний» С.Айни: «Всю тяжесть податей и налогов перекладывали на шею неимущих крестьян, что еще больше способствовало их обнищанию» [2, 13-14]. Все это привело к назреванию всеобщего недовольства и возмущению народных масс. При подавлении вспышек народного гнева против эмиров и ханов истреблялось тысяче людей. Садриддин Айни рассказывает о характерном эпизоде: «Подавив одно восстание в горной Бухаре, бухарский эмир Музаффархан (1860-1885) велел отрубить головы тысяче пленных и лично наблюдал за выполнением этой массовой казни» [1, 32-33].

Исторические факты доказывают, что царское угнетение не давало возможности полноценно развиваться народу. Только с приходом советской власти народ Средней Азии (и особенно таджики) начали дышать полной грудью. Великий Октябрь спас таджикский народ от многовекового экономического, политического и духовного закабаления, от вымирания [87, 5].

В 1919 г., когда выясняется, что в Средней Азии допускаются крупные великодержавные извращения, Советское правительство направляет туда специальную комиссию в составе В.В. Куйбышева, Я.Э. Рудзутака, М.В. Фрунзе и др. В.И. Ленин в своем письме коммунистам Туркестана пишет, что «установление правильных товарищеских отношений с народами Средней Азии имеет важное значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое; что нужно делом, на примере показать слабым, донныне угнетавшим народам стремление Советского государства искоренить все следы великорусского империализма» [48, 298].

В 1920 году на территории Средней Азии еще действовали две феодально-деспотические монархии – Хивинское ханство и Бухарский эмират, которые угнетали трудящихся узбеков, таджиков, туркмен. В феврале 1920 г. после восстания народа Хивинское ханство получает

решительное поражение, и решением съезда народных представителей была образована Хорезмская Народная Советская Республика. Вслед за этим событием восстал народ Бухары. В сентябре 1920 г. с помощью советских войск под командованием М.В. Фрунзе народ Бухары создал Бухарскую народную Республику.

Только тогда, когда Средняя Азия вошла в состав России, появилась возможность для процветания и ускоренного развития народов Средней Азии, произошли большие изменения в социально-экономической, политической и культурной сфере. В результате чего бедное население Средней Азии покончило с рабством, феодальными угнетениями. Россия стала заботиться о процветании края.

Взаимосвязь двух культур дала им двустороннюю выгоду: во-первых, богатые сельскохозяйственные ресурсы и подземные богатства Средней Азии составляли значительную экономическую платформу; во-вторых, расширив свою территорию за счет среднеазиатских границ, Россия распространила там не только свой революционный настрой, но и культуру, влияние на науку и т.д;

Воссоединения двух государств – Царской России и Средней Азии оказал сильное влияние на экономику, науку, культуру, литературу, и в целом на мироощущение и мышление народов. Произошли кардинальные изменения в сфере образования и знаний людей, это послужило поводом исследования тайн природных ресурсов, более глубокого изучения географии, истории, биологии и других наук. Приход России в Среднюю Азию оказал положительное влияние на дальнейшее развитие страны: началось эстетическое пробуждение национального самосознания народов; появились первые школы, первые больницы, первые клубы и т.д.

В формировании общественного мнения о литературных явлениях большую роль играли издаваемые журналы, альманахи различных направлений. Они знакомили народ со многими произведениями русской и всей мировой литературы.

В фундамент каждой литературы закладываются кирпичики опыта других литератур, трансформируясь и растворяясь в национальном опыте [83, 4].

Самые первые газеты, появившиеся на территории Средней Азии, изначально печатались на русском языке, только некоторое время спустя стали выпускаться на языке местных жителей. Издательство «Туркестанские ведомости» считалось первым официальным и с 1870 до 1893 года. Газета выходила еженедельно, после 1893 года – два раза в неделю, с декабря 1903 – 3 раза в неделю, с марта 1904 года – 4 раза в неделю, с июля 1907 года – ежедневно и прекратила своё существование в конце 1917 года. Все эти цифры свидетельствуют о том, что местное население тоже было проинформировано о содержании газеты, дабы простой люд всегда оставался в курсе последних событий. По указу генерал-губернатора Кауфмана в издании «Туркестанские ведомости» предисловие стало переводиться на узбекский язык - «Туркистон вилоятининг газети» («Туркестанская туземная газета»). В статьях призывали народ к единству и укреплению государства Туркестан, в том числе говорили об экономике и культуре, давались многочисленные материалы о пользе распространения хлопка и о способах выгодного роста промышленности данной сферы. Такого рода пропаганда и рекомендации были направлены на то, чтобы обогатить свой край и не нуждаться более в помощи Америки. Следует также отметить, что серьезный акцент в смысловом содержании газет был сделан на быт и отрасль сельского хозяйства.

Хотя «Туркестанские ведомости» всецело отвечали политике Царской России, они, тем не менее, зарекомендовали себя и как популяризатор культурного наследия русского народа, его достижений, особенно в области литературы и искусства. В газете можно было встретить не только сухие строки официальных сообщений, но и публикации, способствовавшие интеграции в русский мир. Образцы творчества известных русских поэтов и литераторов были не редкостью в издании, что делало его востребованным и

оригинальным. Помимо литературных вкраплений «Туркестанские ведомости» уделялось пристальное внимание исследованию мира Востока, к которому относился Туркестанский край и сопредельные территории. Часто публиковались статьи краеведческого, исторического, политического и экономического характера, то есть имела место широкий тематический охват всех сфер жизни Туркестана. Так, в одном из майских номеров «Туркестанских ведомостей» за 1908 год была опубликована статья А. Д. Уфимцева, литературного деятеля, долгое время проживавшего в Бухаре, под названием «Связь русской культуры с персидской литературой», где он говорит о значении басен И. А. Крылова: «...басни И. А. Крылова являются материалом, который мы с гордостью можем преподнести читателю Востока: наш Крылов - это Саади, который с изяществом преподносит читателю образец нравственности, трудолюбия, пример для размышления и умственной одухотворённости, а также алчности, скупости, эгоизме и т.д.» [138].

Они, живя в различные эпохи, в различных пространствах человеческого этикета, в отдалённых друг от друга оазисах, сумели думать одинаково, судить одинаково, давать одинаковые напутствия, – в этом видится единство взглядов и созвучие их логического мышления» [6, 12].

В тот период с появлением периодики начался выпуск учебников на таджикском языке. Знакомство с миром Востока не вписывалось в рамки обычного процесса познания, когда читатель следовал пунктирам, определяемым исследователями. Запросы аудитории характеризовались широким спектром интересов: одних привлекали сугубо географические и краеведческие материалы, иных же – переведенные художественные тексты и перенесенные в литературу Востока, третьи акцентировали внимание на сведениях исторического, этнографического и фольклорного характера.

Вне всякого сомнения, что взаимосвязь между Россией и странами Востока на почве такого важного сегмента культуры, как литература, являло собой феномен, отвечающий поступательным процессам общемирового

значения. Именно в это время многие сюжеты народного героического эпоса, лучшие образцы персидско-таджикской лирики и литературы, став популярными на Западе, проникли в устное и письменное творчество славянских народов, «вписавшись» в контекст национальной культуры. Первоначально образцы персидско-таджикской литературы и поэзии являлись взору русского читателя опосредовано, то есть переводились с западноевропейских языков. В результате двойного перевода оригинал заметно искажался, утрачивая неповторимое звучание, вложенное в него автором. В первой половине XIX века появились прямые переводы, осуществленные непосредственно с оригинала на русский язык в таких русскоязычных изданиях как: «Азиатский вестник», «Полярная звезда», «Современник», «Мнемозина», «Пчела», «Вестник Европы», «Московский наблюдатель», «Русская мысль» и др., это непременно благоприятно сказалось на освоении культурного наследия мира Востока и сближении литератур. Первым, кто благодаря своим прямым переводам построил мост между восточной и русской литературой, открыл для русского читателя художественный мир Востока, познакомил со многими восточными поэтами, был Осип Иванович Сенковский. Время, проведенное им в путешествиях по Сирии, Ливану, Турции, Египту и Нубии, не прошло даром. Проникнувшись интересом к увиденному, он отобразил свои впечатления в «восточных повестях», которые в свою очередь привлекли внимание Кюхельбекера, Бестужева-Марлинского, Пушкина, вызвав серьезный интерес к затронутой Сенковским тематике. Сенковский будучи в столице - Константинополе, впервые прочитал «Диван» Хафиза, а уже к 1820 году в месяце марте изданием «Дневника Виленского» был опубликован небольшой сборник «Диваны Ходжи Хафиза Ширази», где можно было увидеть перевод его газелей в виде прозы. Насладившись всей прелестью и многогранностью восточной поэзии, Сенковский был до глубины души вдохновлен написанием «Крымских сюжетов» и знаменитой касыды «Фарис».

Переводы работ Саади впервые появились в Европе в XVII веке. Поэзия великого Саади, сочетавшая с действительностью, – это сочетание сатиры и дидактики, гуманизма, юношеского порыва с мудрой рассудительностью и расчетливостью, она дает необычайно яркое представление о его величайшей эпохе. Менее известны в мировой литературе, но не менее прекрасны, и к тому же широко распространены не только среди персоязычных читателей, но и среди европейских любителей восточной поэзии стихи Саади, оды и газели, собранные в многочастном «Диване».

Статьи, опубликованные о Востоке в журналах России, всегда привлекали внимание читателей, но порою некоторые из них вызвали полемические споры. Так, Н. Полевой в одной своей статье пишет: «Гёте всего лучше покажет вам идею Германии: он все – классицизм и Восток, Испания и Англия, Трагедия и Естествознание, Роман и Журнал, Песня и критическая статья, Фауст и Вильгельм Мейстер, Вертер и Доротея, переводчик Вольтерова Муггамеда Италия и стихотворений Саади – Гете все заключил в себе, все обнял и все сказал...» [48, 124].

Журнал «Азиатский вестник» к теме Востока проявлял особо повышенный интерес, в нем периодически помещались арабские пословицы, различные по жанру произведения восточных поэтов и писателей, а также множество критических статей о них.

В статье, опубликованной в 1828 году, Фирдоуси называют Гомером Персии, Хафиз – Анакреонтом сей страны, Саади – философом – поэтом. «Азиатский вестник» публикует притчи и отрывки из произведений Абдурахмана Джамии. На его страницах печатается статья Н. Ботьянова о творчестве Низами и Джамии, где приводится анализ особенностей изображения прославленных героев восточной поэзии – Юсуфа и Зулайхи, Лейли и Меджнуна, Хосрова и Ширин [115, 260].

Нужно отметить, что в России большой популярностью пользовался целый ряд таких журналов, как «Вестник Европы», «Соревнователь

просвещения и благотворения», где печатались переводы и оригинальные произведения с восточной тематикой, «Сын отечества», «Московский телеграф» и т.д. Произведения, напечатанные в этих журналах, имели не только познавательный характер, но и содействовали обогащению русской словесности.

Восток со своим исключительным колоритом словесности всегда привлекал русских писателей и поэтов.

*Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует,
Они жрецы единых муз,
Единый пламень их волнует;
Друг другу чужды по судьбе,
Они, родня по вдохновенью [62, 322] – утверждал Радищев.*

Несомненным, бесспорным фактом является мощное воздействие и влияние творчества Саади не только на европейскую литературу, которое доказано многими исследователями, но оно оказало и заметное влияние и на русскую литературу.

Следует констатировать тот факт, что у представителей русской литературы, в том числе и у И. А. Крылова и многих других представителей отчетливо проникает активное действие восточных элементов, к примеру: фольклор, мотивы, пейзажи, традиции и, в целом, глубокое претворение в жизнь всего восточного, все это, несомненно, сыграло значительную роль в развитии всей русской поэзии.

Наряду с другими литераторами И.А. Крылов тоже пытался сблизить персидскую литературу с русской с помощью аналогичных тем.

Тут было бы ещё уместно подчеркнуть влияние персидской литературы на творчество И.А. Крылова.

Так во второй части «Гулистана» в 62 рассказе Саади пишет об алчности и эгоизме: «*Душмантарини душманихоят нафси туст, ки дар синаи туст*». [71, 132].

Аналогичные темы также широко использованы и в баснях Крылова («Бедный и Богач», «Скупой и Курица», «Фортуна и Нищий»). Так, например, в первых же строках басни «Скупой и Курица» Крылов выводит мораль басни: *«Скупой теряет всё, желая всё достать»* [34, 142].

Несомненно, Крылов был знаком с восточной культурой и литературой, ему были знакомы исторические и культурные события, книги и статьи, где упоминались поэты Востока, и доказательством этого является его журнальная деятельность и его «Почта духов». Тут нужно добавить, что этими двумя словами заглавие журнала не ограничивалось, и вдобавок на титульном листе со временем появились более яркие слова, выражающие восточный дух: «Ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами», [127] где периодически печатались произведения с яркими восточными сюжетами.

Исходя из всего сказанного, можно сделать вывод, что литературные взаимосвязи веками объединяли народы, и поэты и писатели обменивались опытом, не зная друг друга, они чувствовали родство душ, и лучшие мыслители одной эпохи оставляют духовную пищу другим и, несомненно, результатом этой пищи являются басни Ивана Андреевича Крылова.

В 2008 году на встрече Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона с творческой интеллигенцией, специалистами в области языкознания, посвященной Дню Государственного языка, помимо широкого комплекса вопросов, отвечающих тематике мероприятия, были подняты проблемы, связанные с переводческой деятельности. Эксперты особо подчеркнули важность решения вопросов подготовки кадров для данной отрасли и отметили трудности, с которыми приходится сталкиваться в процессе этой работы.

На данном этапе своего развития перевод функционирует недостаточно, чему причиной послужил быстрый рост в необходимости социального международного общения. Ныне ни для кого не секрет, что

культурные взаимоотношения разных народностей – это единственный путь к процветанию разных сфер образования и науки.

Переводы таджикской литературы на русский язык сделали известным в СССР и, пожалуй, во всем мире, таких- писателей, как С. Айни, Д. Икрами, М. Турсунзаде, С. Улугзаде, М. Миршакара, М. Шукурова, С. Табарова, Р. Мусульманкулова, А. Маниязова и многих других поэтов, писателей, литературоведов. В свою очередь, переводы русской классики на таджикский язык расширили интеллектуальный кругозор читателей, ученых всех специальностей, многие из которых защищали свои диссертации в России. [137, 218].

Тектонические сдвиги в информационно-коммуникационной сфере, появление более совершенной технологии, определяют высокоскоростной культурный обмен. Современный человек без особого труда открывает для себя что-то новое, расширяет горизонты познаваемого, обогащается за счет культуры других народов планеты, тем самым познавая мир во всем его неохватном многообразии.

В этих условиях переводческая деятельность становится актом, требующим повышенной оперативности, а если учесть языковую множественность, то перед переводчиками становится проблема освоения сразу нескольких языков.

В свете обозначенной проблемы следует вспомнить об одной из сокровенных надежд человечества – создании общепланетарного мирового языка, который мог бы владеть каждый человек в мире. В частности, еще Декарт высказывал мысль о создании такого языка, столь же универсального, и понятного, как многие научные дисциплины, например, физика, химия или математика. Идея мирового, универсального языка также находила отражения в высказываниях таких ученых в отрасли логики, математики и гуманитарных наук как Л. Виткенштейн, Б. Рассел и Р. Карнап.

В середине двадцатого столетия специалистами было разработано порядка 400 универсальных языков. Эти тенденции предопределили

развитию лингвистики, и в свете развития технологий натолкнули на мысль привлечь к переводческой деятельности электронику, быстрдействие которой может компенсировать нехватку времени на перевод, осуществляемый человеком. Однако выяснилось, что компьютерные программы, какими совершенными они не были, не в состоянии заменить человеческий мозг, поскольку именно последнему по плечу многогранная ассоциативность, образность, понимание идейной сущности произведения, возможность проникнуться красотой слога. Впрочем, разработчики передовых технологий продолжают попытки создания более совершенной программы, способной оперировать со всеми мировыми языками, чтобы на их основе предложить человеку универсальный «рабочий язык». Стоит всерьез задаться вопросом: нужно ли это? Наличие подобного языка, на наш взгляд, помимо позитивных сторон, создаст негативную рефлексию, при которой носители того или иного национального, самобытного языка утратят сакральную глубинную связь со своей культурой, историей.

Перевод всегда был на пьедестале важнейших аспектов развития для народов, чьи языки были малоизучены, он выполнял функцию распространения языка в массы и лексическую функцию - пополнение словарного запаса посредством процесса заимствования из одного языка в другой. Дальнейшему содействию вышеуказанных функций способствуют переводные книги, выступающие в качестве связующего звена между частным и всеобщим. Перевод – текст, переведенный с одного языка на другой [54, 458].

Исходя из нашего умозаключения по поводу языка, следует отметить, что оно непосредственно имеет отношение к переводу, так как язык перевода не всегда соответствует оригиналу. По этому поводу очень важны высказывания генерального директора ЮНЕСКО Амаду-Махтар Мбоу о том, что «переводчики поддерживают постоянный диалог между различными цивилизациями и тем самым способствуют контактам и гармоничным отношениям между ними».

В этом контексте заметную и немаловажную роль сыграла переводческая деятельность во взаимопроникновении традиций Востока и Запада, о чем существует разного рода исследования. Испанский ориенталист Х. Рибера говорил: «освоении изнутри, о вживании двух поэтических традиций друг в друга, о скрещении, гибридизации, органическом соединении двух начал».

На наш взгляд, особенно следует обратить внимание, что философский рассказ Абу Али ибн Сино «Хай ибн Якзон» стал одним из источников появления «Божественной комедии» Данте и «Робинзона Крузо» Д. Дефо. Повесть Д. Дефо породила серию произведений: «Новый Робинзон» Кампе, «Швейцарский Робинзон» Виссе, «Школа Робинзонов» Жюль Верна и др.

В этом ключе испано-арабский писатель Ибн-Туфайл (род. ок. 1100), считавший Абу Али ибн Сино «главой философов», под впечатлением его рассказа написал «Сказание о Хай ибн Якзоне». Труды Абу Али ибн Сино заметно повлияли на творческое наследие Ибн Рушда (1126-98), Бэкона (XIII в.), Чосера (1340-1400), Лопе де Вега (1562-1635), Жана Жака Руссо (1712-78). Дени-Доменик Кардонн, французский востоковед XVIII века, переводчик, профессор турецкого и персидского языка, считал, что «Авиценна, бесспорно, был одним из величайших гениев и энциклопедистом, который когда-либо существовал на земле».

Богатые многогранные творческие работы с давних времен и поныне являются основным литературным достоянием персидско-таджикской литературы, великие труды таких авторов, как Омар Хайям, Абуабдулло Рудаки, Носир Хусрав, Саади Шерази и другие остались незабываемыми и по сей день, являясь актуальными и интересными не только таджикским, но и зарубежным исследователям.

Писатель и баснописец Саади пользовался большой славой на восточных и западных землях, уважение к его личности проявилось и французскими писателями Таллеман де Рео, Мольер, которые в свою очередь заимствовали некоторые сюжеты из рассказов «Гулистан», под авторством

Саади. От своих соратников не отстал Лафонтен, так как на его творчестве также ясно ощущалось влияние таджикского писателя.

В конце XVII столетия и начале XVIII, в эпоху Просвещения в свет вышел переведенный на французский язык экземпляр «Гулистан»-а. Данное произведение подверглось тщательной работе двух переводчиков Антуана Галлана и Ива Алегром. Следует также подметить, что впоследствии знакомства французских деятелей культуры с творчеством Саади, произошли много изменений в литературе Франции. Докторская диссертация, посвященная Саади, французского востоковеда Анри Массе, заложила мост к изучению наследия мыслителя Востока [145].

В свое время классическая персидско-таджикская поэзия для Гете стал источником вдохновения, а её мастера слова, он называл своими наставниками. «На протяжении пяти веков, – писал он, – персы из всех своих поэтов признавали только семь фигур: Фирдоуси, Низами, Анвари, Дж. Руми, Саади, Хафиза и Джами. А между тем, даже среди нецененных ими поэтов, есть люди, превосходящие меня». Во Франции творчество Джами было востребовано уже в XVII веке. Переведённая версия оригинала его произведения «Бахористан» («Весенний сад») привлекла интерес и затронула души многих читателей.

В конце XVII-начале XVIII веков во многих книгохранилищах Западной и Восточной Европы появились фонды, в которых было собрано множество образцов восточных рукописей, которые изучались и переводились. Самые чаще переводимые работы были в основном под авторством Умар Хайяма, Саади Шерази, Джаллалиддина Руми и Хафиза Шерази. Не учитывая большое количество работ, в содержании которых входили только примеры сочинений, важное место отводится книге Саади Шерази «Гулистан», которая в 1634 году была частично переведена на французский, в 1651 году на латинский, и в 1654 году на немецкий языки. А. Олеарием – переводчик, проделавший такую непростую работу.

Хафиз, оставивший за собой большое творческое наследие, которое стало предметом многочисленных исследовательских работ языковедов. Изначально его произведения переводились на турецкий язык, после чего западные литераторы переводили их уже на английский, французский, итальянский и другие европейские языки. Англичане впервые узнали о Хафизе из описаний Питера де Валле, опубликованных в виде 54 писем в 1650-1658 годах. Книга Уильяма Джонса «комментарии к азиатской поэзии» (1774) стала первым этапом научного изучения творчества Хафиза. Здесь же им были переведены «Газели» Хафиза на английский язык (1792). Также следует отметить, что в конце XIX века произведения выдающегося классика таджикской литературы Носира Хисрава были переведены на французский, английский и немецкий языки. Рубаи Омара Хайяма пользовались особой популярностью среди английских читателей. После того, как в 1859 году в Англии вышел перевод его рубаи Э. Фицджеральдом, сборник переводов переиздавался несколько раз на многих языках, включая эсперанто.

Благодаря активному изданию творческих работ в Индии, персидско-таджикская литература резко распространилась среди европейских и многих других журналах по всему миру. Первый том величественной книги Фирдоуси «Шахнаме» увидел свет в городе Калькутте в 1785 году. И далее Дж. Чемпион перевел ее на английский язык, а за ним, в 1820 году И. Гёррес также произвел перевод на немецкий, также в период с 1838 по 1878 года Жюль Моля перевел семь томов на французский язык.

В конце XIX века представители восточного культурного мира обратили взор на русскую реалистическую литературу. Великий таджикский просветитель Ахмади Дониш, совершив ряд поездок в Россию, получил возможность ознакомиться с передовыми достижениями в науке, технике, градостроительстве, искусстве.

Из числа русских поэтов А.С. Пушкин проявлял особый интерес к произведениям персидско-таджикских классиков, в особенности к Хафизу и

Саади. Подражая им, он создал ряд стихотворений, взяв из прозаического введения к поэме Т. Мура «Рай и Пери» эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану» слова Саади: «Многие, как я, созерцали этот фонтан, но их не стало и глаза их закрыты навеки». Пушкин был того мнения, что именно эти строки придают поэме должное звучание. Эта же строка перефразирована в «Евгении Онегине»:

*Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.* [61, 173].

Каждый из писателей и поэтов проявлял особый интерес к персидско-таджикской литературе. В свое время И. С. Тургенев, очарованный стихами Хафиза, попросил А. А. Фета перевести их на русский язык.

И. А. Крылов использовал в своих баснях сюжеты персидско-таджикских рассказов и латифа (через Ж. Лафонтена и Эзопа).

Благодаря персидско-таджикской поэзии, проникшей в жизнь и творчество крупнейших поэтов Европы и Азии, поэзия Запада получила новые, яркие краски, оттенки, образы и по сей день продолжает обогащаться мудростью философских раздумий и жанровым многообразием.

Известно, что современная таджикская литература – это продолжение классической персидской литературы. Вслед за классиками в Запад проникли и имена современных таджикских поэтов и писателей. С. Айни, как и многие другие таджикские писатели, стал известен на Западе благодаря переводам своих произведений на русский язык. В конце 30-х гг. на страницах периодической печати многих стран мира появляются стихотворения, рассказы и отрывки из романов выдающегося таджикского прозаика С. Айни, а затем отдельными книгами выходят его произведения. Книга Садриддина Айни «Воспоминания» везде нашла своего читателя будучи издана на девяти языках по всему миру. В 1958 году была опубликована повесть «Смерть ростовщика», а повести «Старая школа», «Бухарские палачи» и «Одина» входили в это же издание.

В 1957 году известным востоковедом Иржи Бечкой была переведена на чешский язык повесть «Смерть ростовщика» С. Айни, в 1966 году Манфредом Лоренцом, Трауте и Гюнтером Штайном она была переведена на немецкий язык.

В 1966 году софийским издательством «Народна култура» была издана книга «Избранные стихотворения и поэмы» М. Турсунзаде из серии «Советские поэты». Прямой перевод был осуществлен с таджикского языка болгарским поэтом Йорданом Милевым произведения Рудаки, Хайяма, Саади Хафиза, Джами, М. Турсунзаде, Лоика. (произведения Хафиза в переводе Йордана Милева были изданы отдельно в 1971 году в Софии).

Окружающая нас действительность во всем ее многообразии и неохватности подобна вселенной внутри вселенной, и все же мир, в котором мы живем, характеризуется монолитностью человеческого бытия, чертами, объединяющими всю общность человечества в единую, неделимую сферу. Именно поэтому и сейчас читаемы, и любимы такие авторы, как Хафиз, Саади, Руми, Икбол, Шекспир, Хэмингуэй, Гамзатов, Горький, Маяковский, Айни, Айтматов... В их произведениях отражаются чувства и мысли, близкие каждому из нас.

К сожалению, было и для нашей страны тяжелое время, когда умственный кризис, безумие, кровопролитие, безусловно, влияли на сознание нашего народа, притупляли такие человеческие качества, как чувствительность, сострадание, любовь. Естественно, что война способна изменить человека, причем кого-то в лучшую сторону, а кого-то в худшую. Но человек должен сделать вывод из всего того, что пережил. Например, читая «Судьбу человека» Шолохова, мы становимся свидетелями того, что Андрей Соколов, побывав на войне, пережив самые тяжелые моменты жизни, смог сохранить самые прекрасные человеческие качества: потеряв семью, он не ожесточился, не стал равнодушным, а усыновил мальчика, потерявшего семью на войне. Человечество не должно потерять тягу к прекрасному, к

духовным ценностям, и это прежде всего любовь к литературе – поэзии и прозе.

В нашей республике в связи с интенсивным оттоком русскоязычного населения после гражданской войны, с сокращением объема часов по русскому языку и литературе в программах средних общеобразовательных школ, с нехваткой учителей в социуме заметно снизился уровень знания. Естественно сложившаяся ситуация негативно отразилось на тех, кто был вынужден совершать поездки в Российскую Федерацию по работе.

Какой-то промежуток времени данная проблема еще находила решение. Многие таджикстанцы, проходя службу в рядах ВС России, осваивали русский язык. Однако после вывода с территории республики российских погранвойск местная молодежь стала нести службу исключительно в подразделениях национальной гвардии, лишившись, таким образом, возможности изучать русский язык.

Следует отдать должное советской эпохе, в течении которой представители народов СССР не имели никаких особых препятствий для взаимного культурного обмена и обогащения, особенно в области литературы.

Известный поэт Слуцкий Борис Абрамович высоко оценивает труд переводчика, говорит о нем, как «о труде полного высокого содержания, благодарных чувств и мыслей». Таджикско - русские взаимосвязи относятся к литературным связям народов, этнически неблизких. По сути все произведения, проникшие при помощи перевода в таджикскую среду, имеют одинаковые жизненные материалы и принципы, близки друг другу проблемно-тематической основой, жанрово-стилевыми особенностями.

1.2. ЗАПАД И ТАДЖИКСКО-ПЕРСИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Взаимодействие народов и культур является важным фактором общественного развития, так как социальное общение – это один из значимых аспектов в развитии и усовершенствовании языковых норм народов мира. Благодаря именно языку мы можем передавать из поколения в поколение историю, литературу, традиции, музыку и т.д. Но взаимодействие между культурами не единственная важная черта, также в научном мире данная тема на протяжении долгих лет остается актуальной.

Многие ориенталисты до сегодняшнего дня считали, что с Восточной литературой Россия познакомилась довольно поздно (в конце XVIII века, основательно - в XIX веке), но исследования доказывают, что в конце XVII века русская читающая публика впервые познакомилась с переводами произведений Саади. Переводы восточной литературы в России исчислялись единицами, видимо, там с той поры шел бурный процесс создания светской литературы нового типа. Стремясь творчески и оригинально освоить его достижения, русская культура в поисках лучших образцов обратилась к искусству стран Запада. Все это наблюдается в первой половине XVIII столетия.

XVIII век – это век Реформы Просвещения Екатериной II. Сама императрица серьезно вмешалась в систему образования. Создание «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» (функционировало в 1768-1783 гг.) сыграло главную роль в развитии переводческой сферы в России. Его основная задача – ознакомление русского читателя с иностранными произведениями через прямые переводы. В этом «Собрании» участвовали многие видные русские литераторы и ученые той эпохи. Благодаря Реформе во второй половине XVIII века возрос поток переводов восточных оригиналов на русский язык. Так русский читатель был ознакомлен с уникальными произведениями Востока.

В становлении русской словесности и в формировании русского просветительства, переводы с иностранных языков сыграли важную роль и дали возможность появлению и формированию целой плеяды профессиональных переводчиков [1, 9-10].

Таким образом, почти все основные литературные памятники Востока, широко известные в Европе, переводятся во второй половине XVIII века в России. Выдерживает в течение столетия пять изданий галлановская версия «Тысячи и одной ночи» в переводе А. Филатова. Кроме этого, было осуществлено еще два отдельных перевода сказок Шахерезады. В России XVIII века, возможно, впервые познакомили русского читателя с романтической историей любви Меджнуна и Лейли, переводились «Гузартские султанши», «Сказки монгольские» Т.С. Геллета (СПб, 1766).

В 1778-1779 годах публикуется перевод книги «Тысяча и один день. Персидские сказки» Пети де ла Круа, которые знакомили русского читателя с бытом, ирамами, (садами-Г.М.) верованиями и фольклором Персии. Переводчик использовал в книге большое количество иранизмов, которые снабдил соответствующими комментариями [20, 10].

Переводческая литература – это та сфера, где не установлены никакие ограничения: ни религия, ни верование – ничто не может препятствовать ее развитию. В этом плане уместно отметить первый перевод Корана, на русский язык сделанный в 1716 году Петром Васильевичем Постниковым («Алкоран о Магомете»). Это редкий фактор обращения к Востоку. Причем по непонятным причинам этот перевод приписан Кантемиру. Также следует отметить перевод Корана, сделанный М. Веревкиным в 1790 году с французского перевода де Рис. Этим обстоятельством в свое время, воспользовался А.С. Пушкин при создании своих «Подражаний Корану», в которых ярко изображена личность пророка - Мухаммада [125]. Этот факт вызвал в своё время бурную реакцию у Тургенева, и он так отозвался о «Подражании Корану»: «Кстати, давно Вы не читали восточных стихотворений Пушкина? Перечтите их – я от них безумствую» [83,10].

Свой перевод Священной Книги мусульман предложил в 1792 году Л. Колмаков. Самый удачный из европейских переводов Корана в XVIII веке, по мнению современных востоковедов, принадлежит английскому арабисту Дж Сей Ну.

В это же время в России была хорошо известна и «Восточная библиотека» Д' Эрбло. О ней упоминает и цитирует её «прапорщик и переводчик китайского языка» Морион Россохин в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» за 1757 год. В VI номере за 1793 год в журнале «Библиотека учена, экономическая» опубликована статья о Коране и о «Восточной библиотеке».

В 1735 году яркое произведение персидско-таджикской литературы «Гулистан» Саади было переведено Иоанном Ильинским. Ильинский в сокращенном виде рукописно перевел «Гулистон» Саади и даже указал на год его создания – 1258, перечислив названия восьми глав этой книги. Перевод осуществлен с латинского языка 1651 года голландца Георга Гентиуса.

И. Ильинский озаглавил свой труд «Розы из Вертограда (сада) политического Муслена Саади» и адресовал свой труд молодежи. Имя Саади не сходит с уст передовых умов человечества того времени. Журнал «Утренний свет», издававшийся одним из крупнейших русских просветителей-литераторов XVIII века Н И. Новиковым, упоминает имя Саади в декабрьском номере 1778 года, где ссылается в одной из своих статей этого номера на «Персидскую розовую долину» («Гулистон») Шейх-Садия. Отмечается интереснейший историко-литературный факт: автор статьи (возможно, сам Новиков) упоминает книгу комментариев к «Гулистону»-«Билбилистон» («Бюльбюлистон»), известную только очень узкому кругу специалистов [20, 12].

Интерес, навеянный произведениями «Гулистон» и «Бустон» Саади, журнал «Покоящийся трудолюбец», принадлежащий также Н И. Новикову в первой части 1784 года поместил раздел «Искусство править государством,

или наставление престарелого Монарха сыну его...». Рядом была помещена «восточная» притча, герой которой – «добродушный король Саади».

Само «Наставление» имеет целый ряд суждений параллельных высказываний с трудами Саади: «Вели, народ будет твоим (царь) владением жить в мире и в вольности... правосудии, никто не будет страдать, кроме преступников, осуждаемых законом...». «Пекись о дорогах. Покровительствуй купцам. Они суть (есть) подпора твоего государства...» и т.п.

За 1778 год Н. Новиков опубликовал в IV части «Утреннего света» собрание морально-философских сентенций «Истины». Авторство большинства «истин» принадлежало самому Новикову, но по смыслу и принципам извлечения морального «урока» они «во многом перекликаются с изречениями «Гулистана», навеянными этим произведением»: «Два именитых полководца, два славных писателя, два равных крючкотворца - редко бывают друзьями» («Истины»); «Два человека - враги государства и веры: жестокий царь и невежественный отшельник» («Гулистон»); «Говорить то, что делать должно, а поступать совсем иначе, значит то же, если б кто, для построения дома накупив материалы, никогда одного не построил» («Истины»); «Кто учился наукам и не применил их на деле, похож на человека, вспахавшего волон землю, но не посеявшего семени» («Гулистон») и т.д.

Попытки приспособить восточные произведения в нравоучительных целях для того, чтобы привлечь внимание читателя, привыкшего видеть в восточной литературе образцы дидактизма [1, 19], также встречаются среди сочинений Н. Новикова. «Близ царя, близ смерти» – действие одной из философских притч Новикова происходит в «Саморкавдии» (вымышленный город – подражание восточному мотиву), а имена героев – Селим, Насан-заде и т.п., введены реалии восточного быта и устройства жизни.

Творчеством А. Джами русские переводчики начали интересоваться в последнюю четверть XVIII века. В 1795 году в России появляется первый

перевод из Джамии с указанием его имени и названия цитируемого произведения. Журналом «Приятное и полезное препровождение времени» за тот год опубликована повесть «Истинное великодушие», в которой переводчик указывает на «Багаристана Диамиева» (имеется в виду «Бахористон» Джамии). В ней повествуется, о том, как в Мемфисе (Каир) после пожара, уничтожившего мечеть, мусульмане, подозревавшие в поджоге христиан, начали, в свою очередь жечь их дома. Различным суровым наказаниям подверг поджигателей разгневанный Султан. Один из осуждённых на смерть вдруг произнес: «Я не боюсь смерти, но, увы, имею мать, которая только во мне видела подпору своей старости». Друг осужденного со словами: «У меня нет матери», - пошел на смерть вместо него.

Этот эпизод довольно точно соответствует содержанию одной из притч четвертого «сада» «Бахористона» Джамии, которая завершается стихами:

*Сребро и золото - вот к сердцам обычный путь,
От чистоты души великодушным будь.
Кто чист душою, тот, коль друга скорбь узнает,
Бесстрашно за него живот свой полагает... [20, 14].*

То же содержание в прозе передает русский переводчик XVIII века: «Можно раздавать золото и серебро, но истинно великодушный человек есть тот, который не бережет своей жизни, когда друг его имеет в ней нужду, и который спасает его от смерти, жертвуя самим собой».

Журнал «Приятное и полезное препровождение времени», который опубликовал притчу Джамии, обратился к наследию Саади все же раньше 1796 года. В 1794 году в третьей его части был помещен большой, более тридцати страниц, раздел «Восточный моралист», который содержал восточные афоризмы и пословицы, переведенные на русский с французского языка («Избранные сказки, басни и афоризмы»). По примечанию самого переводчика, «у автора нашего Саадия» и взяты они по преимуществу из «Гулистана».

Из двадцать второго рассказа первой главы этой книги прозой переведено двестише:

Зери поят гар надонї холи мур,

Ҳамчу холи туст зери пои фил. [71, 32].

Хочешь знать, каково муравью под твоею пятою?

Точно так, как тебе под пятою слона... [20, 16].

В переводе сохранена высокая мораль гуманизма, глубокая нравственность текста оригинала, и всему этому способствует авторский стиль перевода текста. Известно, что перевод художественного текста должен сохранить эстетическую ценность текста оригинала. Именно переводчиком подобранное слово «пятою», а не «ногою» передает эстетическое воздействие текста оригинала. Данный перевод двестишия вполне можно назвать дословным, конечно же с незначительным отклонением от оригинала. Изменяя форму текста оригинала, автор делает акцент на лаконичности и точности и вполне адекватно передает смысловую нагрузку текста.

Спустя год в пятой части этого журнала были напечатаны ещё два текста из произведений Саади. То была знаменитая притча о капле воды, которая, благодаря скромности и смирению превратилась в жемчужину. Следует отметить, что моральный смысл этой притчи совпал с требованиями в Европе буржуазной эпохи о скромности и умеренности, и, ставшими актуальными в период Просвещения. К этой притче обращались французский сатирик Вольтер, немцы Гердер и Гёте, английские просветители Джозеф Аддисон и Ричард Стиль. В России Сохацким и Подшиваловым - издателями журнала «Приятное и полезное препровождение времени», были совершенно правильно указаны первоисточники цитаты - «Саадиевы творения, названные Бустоном, или Садам».

«Где я? Сказала она (капля). Что такое море? И что такое я?» - начинается притча в русском переводе XVIII века. Переводчиком подчеркнут нравоучительный смысл следующих строк: «Небесам было угодно сию

малую каплю воды сделать любимой драгоценностью Царей. Она возвысилась через свое смирение, из ничтожества пришла к светозарности» («...И перл, родившийся из капли той, царя венец украсил золотой»). Дается и оценка - характеристика самого «Гулистана», где мораль и политика перемешаны с любопытными анекдотами. В лице персидско-таджикского классика далекого XIII века совершенно неожиданную поддержку нашёл тезис эстетики эпохи Просвещения - «Развлекая, поучать», что для писателей и мыслителей Просвещения послужило еще одним доказательством схожести моральных принципов и эстетического чувства у самых различных народов мира [20, 16].

«Восточная басня славного Саади» представляет большой интерес в двенадцатой части «Приятного и полезного препровождения времени» за 1796 год как одна из первых попыток стихотворного перевода из Саади в России. Следует отметить, что перевод сделан с французской версии и достаточно вольно передавал оригинал - пятнадцатый рассказ третьей главы «Гулистана». В этой притче говорилось о некоем добронравном муже, который увидел во сне царя, покоящегося в раю, а праведника - в аду! Сам Саади поясняет это «странное» явление в нескольких строках прозы и двух двустишиях. Русский же переводчик делает это полностью в стихах:

*Султан в свой краткий век
Со всеми ласково стремился обходиться,
В уединении нередко он жила,
От трона своего щедроты разливал.
А дервиш у страстей всегда страдал в неволе,
Всю жизнь искал, чтоб быть ему на том престоле.
Кто ищет в жизни сей вознесётся высоко,
То в смерти будет тот низринут глубоко,
А кто и с высоты престола долу сходит,
Нетленный тот венец бессмертия находит [20, 17-18].*

Уникальность вышеприведенной публикации заключается еще и в том, что в ней содержится первая русская «биография» Саади. Переводчик сообщает, что годы жизни «Шейха Мозлегедина Саада» приходились на 571 - 691 годы «эгиры» (гиджры). Источником, судя по датам, послужила «Восточная библиотека» Д'Эрбло, который, в свою очередь, взял эти данные из «Тезкират-уш-шуара» (XV век) - «Жизнеописания поэтов» - самаркандского ученого Давлатшаха, так как все другие восточные жизнеописания дают несколько иные даты смерти поэта. Согласно источникам, Саади прожил более ста двадцати лет.

Завершается историческая справка высокой оценкой наследия Саади, тоже взятой у Д'Эрбло: «Саадова память, была щаслива и любезна царям, вельможам и всем народам... Все страны света удивлялись совершенному его красноречию и учености».

М. Поповым в 1771 году была переведена на русский язык «Повесть об Авиценне» - «Повесть об Абикане».

Хотя трактовка образа таджикского учёного далека от реальной, в ней прослеживаются черты гениального учёного и гуманиста средневековья: «Я родился в городке, именуемом Афана. (имеется ввиду города Афшана-Самарканд - М.Г.). Едва вышел я из колыбели, как родители мои послали меня для учения в Бухарское наилучшее училище. Сперва стал я там учиться чтению и разумению Алькорана и оказался столь способным ко Словесным Наукам, что в десять лет моего возраста уже разумел их. После сего наставляли меня в знании чисел, потом дали мне читать Евклида, а после одного вдался я в изучение математики. Также старался я научиться Любомудрию, Богословию и Врачеванию.

Я оказал столько успехов во всех сих науках, что приобрёл величайшее прославление весьма в короткое время. Я ещё не достиг двадцатого года своего возраста, а уже имя моё было известно от берегов Жихуна до устья Инда» [133, 114-115].

Во второй половине XVIII века в России усиливается интерес русских просветителей к литературе и культуре Востока, с которым в Западной Европе были знакомы уже в XVII-XVIII веках. Они стали обращаться к истории и культуре Востока, особенно их привлекали произведения восточных поэтов.

В этом начинании следует особо отметить труды А.Н. Радищева, знакомство которого с восточной литературой состоялось довольно рано и началось, скорее всего, со знаменитых сказок Шахерезады (кстати, несколько томиков галлановского перевода «Тысячи и одной ночи» по сей день хранятся в мемориальной библиотеке писателя) [20, 20].

Кроме того, автора «Путешествия из Петербурга в Москву» привлекали сочинения китайского философа Конфуция и священная книга мусульман - Коран. В неоконченной сказочной эпопее А.Н. Радищева «Бова. Повесть богатырская стихами» прослеживается отпечаток влияния этих источников. В них упоминается Авиценна и другие великие мужи Востока.

*Вещество сие изящно,
В чем алхимик остроумной
Парацельс, иль Авиценна,
Или Бехер, иль Альберты... [62, 46].
... Вы ль дымящиеся Чингиз-ханы,
Нам поведайте свои дела [62, 352].*

Фигурируют Магомет, Конфуций, Зороастр, который «во Персиде утверждает поклоненье духу жизни во Вселенной» в «Песни исторической», где А. Н. Радищев представляет своеобразный поэтический очерк истории человечества и истории мировой культуры.

Еще в годы учебы Радищев и его единомышленники, зачитываясь трактатом французского философа-материалиста Гельвеция «Об уме», могли познакомиться с отрывками из «Гулистана» Саади. В книге Гельвеция часто встречаются цитаты из «поэта Саади», как его именовал французский философ. Радищевым были посвящены Саади несколько строк в своем труде

«О человеке, его смертности и бессмертии»: «Наипаче действие естественности (природы) явно становится в человеческом воображении, и сие следует вначале своим всегда внешним влияниям. Если бы здесь место было делать пространные сравнения, то бы в пример списал некоторые места из «Гюлистаны» Саадиева, из европейских и арабских мне известных (поэтов), что-либо из Омира (Гомера) и Оссиана» [20, с. 20].

Радищев серьезно занимался вопросами эстетики и вслед за немецким философом Гердером пытался определить различие художественных систем разных народов, по его мнению, обусловленное историческими и географическими причинами. Эти размышления также были помещены в его трудах «О человеке, его смертности и бессмертии».

«Различие областей, где они (Саади, Оссиан и др.) жилали, всякому явно бы стало, увидали бы, что воображение их образовалось всегда окрест их лежащую природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся (цветущем) саду.

Оссианово несется науглом дрене поверх валов. А если кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовывалось внешностью (окружающей действительностью), никто не усомнится. Индейские (индийские) боги купаются в водах млечных и сахарных. Один (бог скандинавской мифологии) пьет пиво из черепа низверженного врага» [20, 21], – пишет свои размышления, развивая эту мысль А. Н. Радищев.

Знакомство с восточной литературной классикой послужило основой и материалом для сравнительного изучения литературы в России. А. Н. Радищев хорошо знал современную ему западноевропейскую и русскую литературу, наблюдал попытки подражать восточной литературе. Самим Радищевым в одной из центральных частей его «Путешествия из Петербурга в Москву» ощущается влияние Востока. Герою одной из частей «Путешествия» снится, что он – «царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан» и т.п. (шах – царь, правитель в некоторых странах Востока; хан-властелин у

тюрко-монгольских народов, монарх, вождь; бей-правитель после хана на Ближнем и Среднем Востоке, набоб-титул правителя в некоторых индийских областях; султан-титул правителя в некоторых мусульманских странах-Г.М.). Эта аллегорическая картина написана Радищевым с целью смягчения чрезвычайно резкого рассуждения о сути самодержавия, оформленная при помощи художественного приема «отстранения» [20, с.21].

Этот фрагмент был популярен в литературе XVIII века, написанный в стиле «восточных» видений. Автор «Видения Мирзы» Джозеф Аддисон и является родоначальником очень популярных в литературе XVIII века «восточных» видений. В соавторстве с Ричардом Стилем в журнале «Спектатор» (1711 г., №159) они опубликовали «Видения Мирзы». В последующем эта философская аллегория была переведена на все основные европейские языки. В русской литературе она переводилась свыше десяти раз. Это был целый ряд более или менее успешных подражаний, вплоть до поэмы Г.Р. Державина «Видение Мирзы». Герой «видения» Аддисона во сне наблюдает аллегорические сценки, истолковывающие вредоносность человеческих страстей; «Спасская Полесь» Радищева построена точно по такому же принципу.

Таким образом, Радищев одним из первых русских писателей отмечает специфику творчества писателей Востока, указывая на взаимосвязь их творчества с ярко выраженным климатом, природою и обстоятельствами жизни.

В развитии взаимосвязи России и Востока огромное значение имело введение в российских университетах преподавания персидского и арабского языков (1804). В России введение практического изучения восточных языков относится к началу XVIII века. [65, 8], что послужило распространению сведений о быте и обычаях Востока: восточные предметы, одежда начинают входить в жизнь русского дворянства. Доказательством этого является восторженное послание Пушкина «Орлову»:

В бухарской шапке и в халате

Я буду петь моих богов [20, 86]

В свое время управляющий министерством народного просвещения России, академик С. Уваров, высоко оценивая восточную поэзию, говорил, что только трудом можно освоить «гений Востока во всем его великолепии» [83, 11].

Также следует упомянуть Н. М. Карамзина, который питал особый интерес к восточной литературе. В 1798 году вышел в свет сборник его переводов под названием «Пантеон иностранной словесности», который, по словам автора, адресовался той категории читателей, «что не читают иностранных книг (имеется в виду на иностранных языках), но имеют вкус и любят чтение», как сказано в предисловии к первому выпуску «Пантеона» [1, с. 22], считая, что преследует в своей работе благородную цель просвещения. Есть тут переводы из Торквато Тассо, Годвина и Гёте, Бюффона и Руссо, сочинения американского мыслителя XVIII века Бенджамина Франклина.

Имеются переводы восточной литературы с европейских «посредников», так как Карамзин не был знатоком восточных языков. В частности, это были переводы из произведений Саади. Прозаический пересказ начала первой главы «Бустона» был первым переводом, опубликованном в «Пантеоне». Карамзин озаглавил его так: «Последние слова Козроэса-Парвиса (Хосров Парвиз), сказанные им сыну своему». Саади в этой главе «Бустона» призывает правителей быть мудрыми и справедливыми, и в переводе Карамзина его слова звучат следующим образом: «Счастье твое (правитель, царь) должно состоять единственно в счастья твоих подданных. Первая добродетель для монарха – есть справедливость... Ты (царь) не будешь в изобилии, когда подданные твои в недостатке».

Карамзин, указывая на источник цитаты «Персидскую книгу «Бустон», сочинённую поэтом Саади», не учел, что перевод текстуально довольно далек от оригинала, хотя суть и дух оригинала в принципе схвачены верно [1, с. 22].

Карамзин поместил целый нравоучительный раздел – «Мысли восточных мудрецов» во вторую книгу «Пантеона», сформированную на основе «Восточной библиотеки» Д'Эрбло. Много «восточных» афоризмов, взятых Карамзиным из трудов французского востоковеда XVII века, принадлежали Саади, как например, такое известное изречение из «Гулистана» «Человек, ведомый надеждою, путешествует с нищетой».

Во втором издании «Пантеона» было добавлено несколько отрывков из арабской поэзии и перевод драмы «Шакунтала» (Саконтала - у Карамзина) древнеиндийского поэта Калидасы, впервые переложенной с санскрита У. Джонсом.

Так называемые «восточные повести» явились еще одним каналом проникновения Востока в литературу России. Интенсивность объясняется в большей степени тем, что в среде русского сословного дворянства конца XVIII века был в значительной степени распространен французский язык, владение которым считалось обязательным. Проникновение «восточной повести» и галломания стали одной из «болезней» русского светского общества конца XVIII века. С Францией Россию связывали активные культурные контакты, и приобщение осуществлялось именно посредством французской литературы. Становились известными в России и произведения немецких и английских писателей в переводах с французского языка.

Следует отметить, что переводы сказок «1001 ночи», которые начали печататься с 1763 года, сыграли в этом процессе большую роль. Начали они печататься с 1763 года. Затем последовали переводы многочисленных подражаний.

С 1763 года по 1798 год книга «1001 ночь» в переводе Антуана Галлана была выпущена в двух разных переводах - А. Филатьева и Е. Лемимирского. В эти же годы двумя изданиями выходило «Продолжение «1005 ночи»» Д. Шзви и Ж. Казотта. Стало известно не менее шести изданий сборников Тамоса-Симона Геллета, в том числе «Тысяча и один час» и «Тысяча и одна четверть часа».

Название «Тысяча и одна...» имело продолжение и на русской почве. В Петербурге в 1778 году вышла книга «Тысяча и одна песня, для удовольствия песенников и песенниц исходит в свет» Там же, в 1778/79 гг. было опубликовано четыре тома русского перевода «Тысячи и одного дня» Пети де ла Круа, переводчиком был широко известный в то время автор романа «Славянские древности, или приключения славянских князей» Михаил Иванович Попов (1742-1790) [132, 112-113].

Что подразумевалась под термином «восточная повесть»?

Под «восточной повестью» понимается малой или средней жанровой формы (повесть, новелла, притча) прозаическое произведение на восточную тему в её дореалистическом осмыслении.

В европейской литературе XVIII века термин «восточная повесть» употреблялся в нескольких значениях:

- переведенные с восточных языков произведения сказочного характера, например, многотомный сборник «Тысяча и одна ночь», изданный во Франции в 1704-1717 гг.;

- подражание восточным повестям и сказкам;

- просветительские повести сатирического содержания, в которых восточный колорит носил условный, маскировочный характер.

К последнему типу произведений во Франции принадлежали «Персидские письма» Монтескье, «Нескромные сокровища» Дидро, «Задиг» и «Принцесса Вавилонская» Вольтера и ряд других.

С 50-х годов XVIII века до 20-х годов XIX века «Восточные повести», сказки и сборники сказок издавались и переиздавались в России на протяжении почти семидесяти лет. Под названием «Восточные повести», существовали и подлинно восточные произведения (как сказки «1001 ночи»), и подделки, и даже произведения, ничего общего с Востоком не имевшие, но все они пользовались большой популярностью у читателей.

С «восточной повестью» связаны имена М. Хераскова, И. Крылова, П. Львова, позднее – А. Бенитцкого, А. Измайлова. Ф. Глинки. Родиной

переводов «восточной повести» является Франция. Довольно часто «восточные повести» печатали в своих журналах и Н. Новиков, и Н. Карамзин. Одним словом, «восточные повести» стали оружием для истинных просветителей той эпохи против произвола во власти, против «просвещенного русского монарха».

Во французской литературе в конце XVIII века начались активные поиски сюжетов нового литературного материала, ориентированного на борьбу с канонами классицизма, что и определило в связи с этим обращение к фольклору (сказки Ш. Перро), и, самое главное, был подготовлен интерес к восточному фольклору.

«Восточная» литература на Руси вошла в произведения более ранней эпохи, дошедшей через Византию. Это новые переводы подлинного Восточного фольклора, переводы французских подделок и модной восточной литературы и, наконец, оригинальные произведения, появившиеся в журналах, сразу же заявили о себе как о тенденциозном жанре. Формой выражения философии Просвещения и политической мысли была «восточная история».

Традиция противопоставлять испорченную цивилизацию Запада «естественности» жизни Востока получила распространение во всех европейских странах, которые к тому времени были увлечены идеями просветительства. Обращение к Востоку было определено поисками совершенных форм государственной жизни, которые всегда трактовались, как формы «восточные». Обогатившись образом восточного жителя, «восточная повесть» вошла со своими мировоззренческими позициями в европейскую действительность.

К какой бы разновидности ни относились «Восточные повести», они в России были призваны не только развлекать, но и решать определённые нравственно-философские или политико-сатирические задачи. Занимательность часто подменялась назидательностью, сосуществовала с ней, и восточная тема разрабатывалась недостаточно. Входя в круг

интересов читателей окольными путями, она имела во многом несамостоятельный характер. «Восточные» принцы и принцессы, разбойники и калифы, несчастные любовники и стойкие аскеты были связаны с Востоком разве что именами, нарядами, некоторыми чертами быта [99, с. 11].

В постепенной эволюции псевдовосточной темы к попытке её реалистического изображения заключается хронологическая очердность в бытовании всех разновидностей «восточной повести». «Восточная повесть» XVIII века является определённым этапом восточной темы в русской прозе, это и этап конкретно-исторического, научного освоения реального, а не воображаемого Востока.

Как нами было отмечено, «восточные повести» делятся на ряд разновидностей, групп. К первой группе входят литературные волшебные сказки на восточную тему в авантюрно-галантных произведениях. Вторая группа «восточных повестей» – это просветительские, социально-политические и философско-нравоучительные произведения. И особую группу составляют масонские «восточные повести», идейная содержательность которых не всегда согласуется с просветительским мировоззрением [99, 8].

В процессе совершенствования жанра создавались шаблонные образы: тоскующий «от веселостей» государь, порой изъявляющий желание «узнать правду» о состоянии поданных; визирь, за великодушие презираемый придворными; его противник - корыстный муфтий или кадий; дервиш; добродетельный поселянин и т.д. Представляя собой своеобразный сплав европейской «сказки о феях» и восточных сказок, «восточные повести» предстают в виде волшебных литературных сказок на восточную тему: архитектура сборников, сгущённость фантастики, имена и географические приметы брались от восточных повествований, а от европейских - галантная направленность, «морализованное и сатиричное» повествование. Подобные произведения отличаются своей главной чертой: фантастичностью содержания, обилием сказочных атрибутов, некоторой общностью

повествовательной организации. Узнавание данного жанра вызывается восточными именами в заголовке, подзаголовке, «предыстории текста» и назидательных выводах. «Щастливая Аравия» чаще всего является местом действия. Как правило, в центре повествования персонаж благородного происхождения с ярким «восточным» именем. Определяет его дальнейшее поведение описание первого контакта героя с волшебными силами. Умудрённые науками старцы, духи и феи выступают в качестве волшебных сил. Приключения героя, в ходе которых он справляется с невероятно трудными преградами, встреченными им на пути, и добивается исполнения своих желаний, и являются основой сюжета.

Произведение «Лабиринт волшебства, или Удивительные приключения восточных принцев» (1786) В. М. Протопопова является примером «восточной повести» - сказки. Имена действующих лиц (Бейтуллах, Русгена, Раги-Муина, Семира, Абду-Кули), географические названия (Багдад), коранические понятия (Алкоран, Магомет, огненное перо Калам-Азер), восточные религиозные формулы (Бисмиллаги Еррагман Еррагим), (Бисмиллохи Рахмони Рахим – М.Г) и прочее являются множеством восточных реалий, указывающих на «восточную повесть», то есть восточная сказка представлена в повести как структурой повествования, так и отдельными мотивами. Кольцо, вызывающее джина, волшебная путеводная книга, туфли, могущие переносить в любое место в мгновение ока, злые чары, наложенные на принца – все это характерные мотивы и атрибуты волшебной сказки типа сказок «1001 ночи».

Для литературы Востока структура повествования сложна элементами обрамления, характерными для персидской классической прозы.

Волшебные литературные сказки на восточную тему изобилуют именами Востока, такими как «Селим и Роксана» С. Н. Глинки, «Истории бывшего турецкого везира Марцимириса и сардинской королевы Терезии» М. Комарова, вошедшей в состав его «Повести о приключениях английского

милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике Луизе» (1785).

Появились они в литературе вследствие знакомства с западными «сказками о феях» и с арабскими сказками в переводе А. Галлана.

Волшебные литературные сказки на восточную тему, попав в русскую литературную среду, обретают новые черты: активно обрабатываются в национальном духе, в соответствии с фольклорной традицией. Они наполняются романтической жанровой проблематикой, трансформируются в авантюрно-галантную «восточную повесть». Произведение Г.Н. Городчанинова «Жизнь и приключения одного молодого из знатнейших турков, или Фортуна, играющая человеком» так же является авантюрно-галантной «восточной повестью» (1788).

Любовно-приключенческое содержание является захватывающим, схожим с сюжетной основой волшебных сказок, фабулой, что является характерной особенностью «восточных повестей».

Подобные произведения, как правило, начинаются с описания воспитания героев, затем следует история любви, прерываемая трагическим вторжением в жизнь героев злых сил. Чаще всего похищенную героиню спасает герой повести, и заканчивается произведение счастливым соединением супругов.

Из каждой сюжетной ситуации извлекается нравоучительный вывод. В приключениях героя повести Зюлима восточный колорит развит слабо вследствие пользования готовыми шаблонами авантюрного повествования, поэтому декорации не описываются, а лишь называются.

Как уже было отмечено выше, русские читатели поначалу познакомились по переводам с западноевропейских языков с просветительской «восточной повестью» - переводились произведения Вольтера, Мараны, Голдсмита, Гейне, Монтескье. Русские писатели создали ряд замечательных произведений в жанре «восточных повестей», изучив переводы западных сатирических «восточных повестей». Русская «восточная повесть»

философско-политического содержания выступает в качестве боевого остросоциального жанра: в «восточных повестях» с социальной утопией сосуществовала социальная критика.

В просветительской прозе восточная тема, во-первых, была литературной «маской» для критического показа европейской действительности через восприятие восточного жителя; во-вторых, служила для образного выражения положительной программы учения о государстве. Напечатанная в 1779 году в «Санкт-Петербургском вестнике» «Шах Багам, или Повесть о полезном человеке» представляет свободное переложение Г. Брайко отдельных страниц романа К. М. Виланда «Золотое зеркало», которые представляются первым русским опытом в жанре просветительской «восточной повести».

Второй оригинальной «восточной повестью» в русской литературе является произведение П. Богдановича «Дикий человек, смеющийся учёности и нравам нынешнего света» (1781). Русские писатели в большинстве создавали такие произведения, где органически сочетаются и философский, и сатирический план повествования. «Золотой прут» (1782) М. М. Хераскова является образцом такой «восточной повести».

Образ калифа Шах-Багема является основой сатирического плана повествования в произведении М. Хераскова, а именно глупый и ленивый тиран правитель-калиф, который полностью находится в руках лицемерных придворных. Главным героем является Албекир, который приобщается к некой «истине» и видит социальное зло в «процветающем» государстве калифа, в конце показывает настоящую, истинную сущность калифа.

Некоторые исследователи относят к «восточным повестям» «греческую повесть» «Каллисфен» Д.И. Фонвизина, опубликованную в 1786 году. Вполне возможно, что доказательством этому могут служить завораживающие сюжеты, некоторые собственные имена, присущие только восточной поэзии, и следующие строки:

«Калиссфен немедленно отправился к Александру. Он нашел его в Персии... велел всех пускать в шатер...» [164].

Для творчества П.Ю. Львова («Храм Истины, видение Сезостриса, царя Египетского») А. Е. Измайлова («Ибрагим, и Осман»), А.П. Бенитцкого («Ибрагим, или Великодушный») и пр. характерно использование восточной темы в политических целях.

Как было выше отмечено, развитие «восточной повести» связано и с литературным творчеством реалиста-И. А. Крылова, автора «Почты духов» и «Каиба». Сатирический журнал «Почта духов» выходил ежемесячно в 1789 году в течение восьми месяцев, продолжая традиции сатирической журналистики 1769 года, (название его перекликается с «Адской почтой» Ф. Эмина). Содержание журнала представлено перепиской водяных, воздушных и подземных духов - эльфов и гномов - с волшебником Маликульмульком. Художественные задачи писателя облегчало обращение к вездесущим духам, способным проникнуть и в лачугу бедняка, и во дворец монарха. Страна, о которой пишут духи, не названа, и читатель легко догадывался, что речь идет о России, а фантастические персонажи были созданы, прежде всего, из-за цензуры.

Например, карлик Буристон встречается в суде с тем, что беднягу, приговоренного к смертной казни за кражу носового платка, спасает от смерти высокопоставленный вор, укравший несколько миллионов из государственной казны, и, имея такую крупную сумму, он оправдался и даже стал теперь заниматься благотворительностью. Буристон признается: «Меня поражает, как можно жить в такой стране, где бедняка, который три дня ничего не ел, чуть не выпороли розгами... и где преступники, ограбившие государственную казну... судьи, кланяйтесь почти до земли». А однажды Гном Буристон стал свидетелем того, как десять ремесленников тащили на плечах огромный камень, а шестеро лошадей гнали карету, в которой сидел иссохший от старости богач. Увидев эту, глупо удивляется, хотя для него она была обычной картиной: «Пожалуйста, растолкуйте мне это странное

обыкновение: для чего здесь множество лошадей возят на себе одного человека, который, как я вижу, сам очень изрядно ходит; а, напротив того, тяжелый камень тащат столько людей, сколько числом и лошадей поднять его едва в силах?» [38, 152-153].

Этот наивный вопрос является своего рода квинтэссенцией теории естественного равенства эпохи Просвещения. Существующие общественные отношения противоречат логике, здравому смыслу, разумным и гуманным принципам. Но об этом прямо говорят только те, кто не обременен предрассудками, кто не связан всеобщей системой обмана и лжи.

Свою просветительскую программу писатель распространяет и в прозаических жанрах, к которым обращается в конце 1780-х гг. и как переводчик, и как автор. Первыми выступлениями Крылова-прозаика исследователи считают сатирические этюды, опубликованные в журнале «Утренние часы» (1788): «Роднябар», «Модные торговки», письмо к издателю с описанием приемной знатного барина. Темы и образы этих этюдов непосредственно соотносятся с отдельными главами крыловского журнала «Почта духов» (1789). Это были преимущественно литературные журналы, в которых в своих работах передовой журналист того времени Крылов сумел осветить ряд острых социальных проблем, в частности – дворянское сословие. Под видом переписки духов, гномов и других фантастических существ потустороннего мира он критиковал самодержавие, крепостной строй, дикость и жестокость дворян-помещиков, взяточничество чиновников.

В «Почте духов» просветительские идеи Крылова выражены через актуализацию проблемы власти, которая возникает непосредственно в контексте рассуждений одного из персонажей, сильфа Дальновида, об общественной пользе мизантропов: «Если бы при дворах государей находилось некоторое число мизантропов, то какое счастье последовало бы тогда для всего народа! Каждый государь, внимая гласу их, познавал бы

тотчас истину. Один мизантроп истребил бы в минуту все те злодеяния, кои пятьдесят льстецов в продолжение целого месяца причинили» [38, 49].

В «Почте духов» присутствует и своеобразная сюжетная реализация этого просветительского тезиса – письмо XLV от сальфа Выспрепара «о бытии его в столице Великого Могола» в тот день, когда юный наследник Великого Могола вступил на престол. В письме сальфа изображен молодой повелитель, который выступает в роли того «естественного человека», с образом которого в просветительской литературе ассоциирован положительный идеал. Могол – это не идеальный образ государя, но и не его антипод (наиболее распространенные типы государя в литературе Просвещения). Все старания вельмож направлены на то, чтобы заставить правителя смотреть на мир иными глазами, уничтожить в нем добрые врожденные качества, умение трезво и справедливо рассуждать. Юный Могол от природы добр, как и всякий другой человек, и задача мудреца состоит в том, чтобы не допустить его развращения. Монарх окружен сладкоречивыми льстецами-вельможами, нежелающими пропустить к нему писателя, «скитающегося по всей земле под предлогом искания истины» [38, 278]. Когда же писатель все-таки встречается с Великим Моголом, то восхваляет истину, призывая монарха следовать ей: «Если государи не любят истины, то и сама истина со своей стороны, не более к ним благосклонна. Есть, однако ж, такие примеры, что она и коронованных глав имела своими любимцами» [38, 279-280].

Таким образом, проблема власти также распадается под пером Крылова на два уровня: в письме сальфа Выспрепара четко проводится грань между идеальным монархом, образ которого существует только в плоскости абстракции, выраженной в слове писателя, и реалистическим образом, который, однако, далек от идеала. Это смысловое разногласие на уровне проблемы власти становится особенно очевидным потому, что Крылов, с позиции просветительской мысли, облек свои рассуждения о монархе и правде в традиционную условную окраску «Восточной повести» -

устойчивой литературной формы политической утопии просвещения.

«Восточная повесть», как жанр литературы эпохи Просвещения, служила утверждению идеи рационального государственного устройства, основанного на деятельности идеального монарха, воспитание которого возлагалось автором, как правило, на мудрого вельможу.

Примечательно, что использование жанровой формы «восточной повести» для создания образа идеального правителя в «Почте духов» пока еще не обладает ярко выраженными чертами традиционного литературного приема, однако уже в письме сальфа Выспрепара заметно характерное смещение акцентов: восточная повесть изображала идеальных монархов, как реально существующих, у Крылова же реальный монарх Могол только может стать таковым, может полюбить истину. «В этом сдвиге акцентов, - отмечает О. Б. Лебедева, - предвестие того пародийного разворота, который жанр восточной повести приобретет в публицистике Крылова начала 1790-х гг.» [153].

Другой важнейшей темой «Почты духов» становится разоблачение словесного маскарада, прикрывающего истинную суть социальных отношений. Крылов стремится вернуть словам их настоящее значение. О подлинном содержании многих понятий люди забывают (или делают вид, что забывают) и оперируют этими понятиями, вкладывая в них совсем иное содержание.

Примечательно, что в письмах к словам «наш век» Крылов добавляет эпитет «просвещенный», подчеркивающий сарказм соответствующих фраз. Эта система лжи опутывает все сферы общественной жизни (о чем свидетельствуют письма как гномов, так и сальфов) и основывается, в конечном счете, на насилии.

В 1792 году Крылов совместно с писателем А. И. Клушиным и актером П. А. Плавильщиковым организует частную типографию и начинает издавать журнал «Зритель», ставший достойным преемником «Почты духов». Выступая в «Зрителе», Крылов создает небольшие по объему произведения, в

которых развиваются многие идеи и темы «Почты духов». В новом журнале самым интересным произведением Крылова стала «восточная повесть» «Каиб» (1792). Тема просвещенного государя, затронутая в письме о юном Моголе, получает новое художественное решение в повести «Каиб» – одном из наиболее замечательных сочинений молодого Крылова.

С уверенностью можно утверждать, что восточная повесть «Каиб» являет собой яркий образец предромантической прозы. В ней отчетливо сказался переходный характер литературного периода рубежа XVIII и XIX веков. «Тогда все более возрастала роль личности автора в процессе творчества. Активно шел процесс освобождения жанра от строгой тематической и стилистической нормированности и формирование его как развивающейся формально-содержательной категории» [163]. Повесть «Каиб» является острым политическим произведением русской литературы XVIII века, которое затрагивает язвы царской власти и прежде всего императрицы Екатерины II.

В повествовательной основе «Каиба» легко обнаруживают себя все сюжетные элементы восточной повести. Например, описание великолепия и богатого убранства дворца: «Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто туда ни входил...: золото, жемчуг и камни... Там, на великолепных пьедесталах, блистали Каибовых предков бюсты, которые высокостью работы не уступали своим высоким подлинникам. Внутренние комнаты его убраны коврами... редкой красоты и цены... Зеркала его хотя были по двенадцати аршин длиною, но не столько почитались редкими по своей величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть...» [127, 596].

Главный герой повести – вымышленный восточный правитель Каиб – тиран, уже развращенный властью и окружающей его системой лжи. Оценка качеств и дел Каиба дается на языке, бытующем среди придворных льстецов: жестокость и нетерпимость правителя предстают как его «миролюбие»,

высокомерие – как «скромность», тщеславие – как «человеколюбие» и т. д. Воспроизводя и утрируя подобную систему ложных понятий, Крылов постоянно соотносит ее с трезвой неличеприятной оценкой событий и людей.

Композиционно повесть распадается как бы на две части: в первой содержится характеристика Каиба как просвещенного монарха, во второй развивается условно-фантастический мотив путешествия монарха по своей стране инкогнито. Путешествия инкогнито взято из арабских сказок о Гаруне аль Рашиде; причем в ходе этого путешествия, видя собственными глазами жизнь своих подданных, Каиб избавляется от своих заблуждений и становится идеальным властителем. И в обеих частях повести очевидна систематическая дискредитация устойчивых литературных приемов создания образа идеального властителя. С позиции просветительства институт конституционной монархии в идеале предполагал разделение законодательной и исполнительной власти между монархом и выборным представительным органом, или хотя бы допускал наличие такого совещательного органа при монархе. У Каиба есть государственный совет - диван, и между Каибом и мудрецами дивана Дурсаном, Ослашидом и Грабилеем, достоинствами которых является длинная борода, голова, предназначенная для ношения белой чалмы, и умение «драть с одних, дабы передавать другим, царит совершенное согласие, достигаемое весьма простым способом: «Надобно заметить, что Каиб ничего не начинал без согласия своего дивана; но так как он был миролюбив, то во избежание споров начинал так свои речи: «Господа, я хочу того-то, кто имеет на сие возражение, тот может свободно его объявить: в сию ж минуту получит он пятьсот ударов воловьёю жилою по пятам, а после мы рассмотрим его голос» [127, 599].

Как известно, в глазах русских просветителей, к числу которых принадлежал и Крылов, неотъемлемым свойством идеального монарха было образование и покровительство наукам и искусствам. Каиб вполне образован, среди его книг – «полное собрание арабских сказок в сафьяновом переплете»

и «перевод Конфуция», он знает не только сказки Шахерезады и Алкоран, но читает «идиллии и эклоги». Монарх также покровительствует наукам и искусствам, правда, на свой лад: надобно отдать справедливость Каибу, что, хотя не пушал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его восполняла великий их недостаток: Каиб велел рисовать этих людей в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки; и подлинно не было в Каибовых владениях ни одного стихотворца, который бы не завидовал своему портрету.

Однако, несмотря на всевозможные удовольствия жизни, предоставленные монарху судьбой, он не был по-настоящему счастлив. Устроенная по правилам рассудочной иллюзии придворная жизнь скоро создает ощущение ее неполноты, рождает неосознанные желания. Отправившись в путешествие, герой перестает быть правителем и становится просто человеком. С этого момента история «прозрения» самовластного деспота оборачивается традиционной для народного творчества не только для литературы, но и как сюжет поиска счастья. Однажды, проведя ночь на кладбище, Каиб внезапно для себя открывает серьезные сведения. Правитель понял, что в мире человеческих ценностей каждому человеку нужно совсем малое, - «на день два фунта хлеба и три аршина земли на постелю при жизни и по смерти». Но, самое главное, герой приходит к убеждению, что правитель должен осчастливить народ.

Несмотря на востребованность, переведенного на таджикский язык варианта этой повести, все же ни один переводчик не взялся за такую интересную работу. Примечательно, то, что связанные с восточными источниками десятки басен Крылова уже более ста лет переводятся на таджикский язык и плодотворно служат для взаимоузнавания народов, соответствуют нуждам воспитания.

Таким образом, восточная повесть служит выражению оригинальной просветительской позиции и не лишенной привлекательности жизненной философии писателя. Безусловно, в «Каибе» Крылов смеется над наивной верой просветителей в идеального государя. Однако справедливости ради надо заметить, что он видел возможность приближения к идеалу, которая дается не «головными» изысками, а естественным участием нравственно здорового человека в практической жизни. Молодая российская драматургия в этом жанре наиболее отчётливо утверждала воспринятые на национальной почве новые нормы европейской театральной культуры. Эти нормы и стали определять художественные запросы русского общества в области театра. Проблема нравственной ответственности личности в выполнении своего долга перед обществом стояла в центре идейного содержания русской трагедии.

Так, М. В. Ломоносовым были созданы две трагедии: «Тамира и Селим» и «Демофонт», причем на сцене была представлена только первая.

В смысловом содержании трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» рассматривается картина победы светлой стороны над темной, недоброжелательной.

В заключение рассказа Селима о позорной смерти Мамаю, прозвучала характерная реплика Надира – одного из персонажей пьесы: «Столь тяжко с высоты Бог гордых повергает!» [73, 16].

В основу трагедии были положены исторические события - победа Дмитрия Ивановича – великого Московского князя, в Куликовской битве 1830 года над полчищами хана Мамаю. «Сказание о Мамаевом побоище» - древнерусский памятник XV века лег в основу работы Ломоносова.

Для понимания содержания трагедии «Тамира и Селим» (1750) было предпослано краткое «изъяснение», которое излагало исторические факты и составляло экспозицию положенного в основу действия, то есть историю любви багдадского царевича Селима к кафской царевне Тамире.

Соперником Селима выступает Мамай – единственное историческое лицо в пьесе. Мамай рассчитывает жениться на Тамире и получить поддержку её отца в войне с русскими. Стержнем конфликтной ситуации стала борьба за обладание Тамирой. Мамай стремится достигнуть своей цели, уповая на ложь и коварство. Селим антипод Мамаю. В отличие от Мамаю, селим олицетворяет отвагу и благородство, выступая носителем справедливости.

Вымышленная история любви Тамире к багдадскому царевичу, подлинные факты истории России - поражение и смерть Мамаю, подчеркивает очень важную для Ломоносова патриотическую идею [73, 15].

Для зрителя, осведомлённого о конечной судьбе Мамаю, было ново все происходившее на сцене, связанное с историей Руси до Куликовской битвы.

Обращение Ломоносова к созданию театральных пьес диктовалось не внутренними творческими потребностями. Это случилось в результате издания императрицей Елизаветой Петровной нового закона, вступившего в действие 29 сентября 1750 года, он поспособствовал стимулированию расширения репертуара русских театров.

Алексей Андреевич Ржевский (1737- 1804), являясь современником Ломоносова, создал острую политическую трагедию «Подложный Смердий», которая имела успех у зрителей. Об этом свидетельствует в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новиков, к сожалению пьеса не была опубликована.

Лжесмердис, в связи с убийством законного наследника временно оказался на персидском престоле по приказу царя. Из рассказа, заимствованного из III книги «Истории» Геродота, узнаем, что недолго он правил - и был свергнут в результате заговора персидских вельмож.

Обстоятельства, сопутствующие восшествию на русский престол Екатерины II, не могли не вызвать ассоциаций у современников Ржевского, так как автором применяются аллюзии, которые позволяют узнавать в монологах персонажей намёки на правление свергнутого Екатериной Петра

III [73, 17]. Покорителя Египта, персидского царя Камбиза, сразило сумасшествие, ставшее наказанием за то, что он позволил надругаться над религиозными святынями египетского народа. Об этом факте повествует греческий историк.

Как же Камбиз взошел на престол и что позволило занять это место Лжесмердису?

Первая жертва - Смердис, брат Камбиза. Ненависть Камбиза так сильна, что он ничем не пренебрегает. Смердис тайно убит вельможей Прексаспом, который верен Камбизу и скрыт от своих подданных. Воспользовавшись этим, мидийские волхвы, братья Патизив и Смердис, восстают против царя Персии.

Для этого, чтобы привлечь в свою сторону сторонников, Смердис притворился братом Камбиза. Однако смерть Камбиза на поле боя позволила Лжесмердису захватить престол. Отец царицы поручает Федиме, которая раньше была женой Камбиза, ощупать голову спящего мужа, чтобы доказать ложь самозванца. Царица, обнаружила, что у него отрезаны уши, в те времена такой изъян свидетельствовал о том, что человек был наказан за какое-либо преступление или же он выходец низкого происхождения. Знатные персидские вельможи о главе Отана, Интафрена, Гобрива, Мегабиза, Аспафина, Гидарна и сына Гистапа – Дария из роду племени Ахеменидов, организовали заговор. Однако, ничего не подозревавший о заговоре, Прексасп во время религиозного праздника, не дождавшись расправы, он бросается вниз с башни и погибает, а Лжесмердис был убит 29 сентября 522 г. до н.э. во время схватки. Все эти события приводят к тому, что между победителями возникают распри по поводу государственного устройства Персии, где некоторые встали в сторону монаршего управления, другие за демократию, а третья группа за олигархию. Однако последнее решающее слово было за царем – Дарием, который хитростью становится во главе государства и вскоре женится на двух дочерях Кира - Атоссе и Аристоне, а затем на дочери Смердиса – Парнисе и дочери Отана - Федиме [73, 700-701].

В. И. Майков выступил в жанре трагедии после Ржевского с двумя написанными им трагедиями: «Агриона» и «Фемист и Иеронима». «Агриона» основана на одном из легендарных сюжетов древнегреческой истории. Сюжет трагедии «Фемист и Иеронима» является переделкой анонимной французской повести, известной В. Майкову по переводу И. Шишкина с французского «Истории о княжне Иерониме, дочери Димитрия Палеолога, брате греческого царя Константина Мануиловича». с (СПб., 1752).

Центральной темой в этом произведении была тема просвещённого монарха, сдерживающего свои страсти. Султан Магомет, который покорил Константинополь, влюблен в племянницу последнего византийского императора. Но он узнает о взаимности, связывающей ее с одним из военачальников султана, пашой Солиманом. Султан Магомет после тяжёлых переживаний благословляет их союз. Первой причиной благословления их союза послужило действие Солимана, который помог Магомету II усмирить восставших янычар, требовавших по наущению первой жены султана смерти Иеронимы. И второе, за что свирепый султан простил провинившегося пашу и благословил его на брак с Иеронимой, – Солиманом была спасена пленница – сама Иеронима.

Однако прототипом этого положительного героя вряд ли был жестокий и порочный турецкий султан Магомет II (1432-1481), прозванный завоевателем и грозным разрушителем Константинополя.

В трагедии Майкова султан Магомет охвачен страстью к пленённой греческой княжне. Под именем пашы Солимана скрывается греческий князь Фемист. Князь Фемист – аристократ рода Комнинов. Он же – поднимающий восстание греков против поработителей, он же - жених Иеронимы (им обоим уготована смертная участь). В «Истории о княжне Иерониме...» автор использует сюжет Мурата, сумевшего стать начальником серальских садов турецкого султана, где отдельный рассказ отводится истории грека Клита, помогающему Фемисту. Автор «Истории о княжне Иерониме...», рассказывает о взятии Константинополя султаном Магометом.

Антитираническую и антитурецкую направленность придают содержанию пьесы эти изменения в сочетании с трагической развязкой (в 1768 году началась русско-турецкая война).

Автор произведения широко использовал восточные сюжеты, чтобы дополнить идею трагедии.

В. Майков мастерски строит сюжет со всеми интригами, хитросплетениями, внезапными встречами, остротой и метафоричностью.

Без сомнения, можно констатировать, что освоение богатой восточной культуры в России XVIII и Европе носил общекультурный характер, где ключевую роль играл перевод персидской и арабской литературы, фольклора и т.д. Особое внимание уделялось ее философской и идеологической стороне.

Коренные изменения в развитии русско-таджикских литературных связей произошли в составе Советского Союза. В арсенале методов сближения национальных культур, их взаимообогащения, взаимовлияния обмена художественными ценностями ведущее место принадлежит переводу на таджикский язык произведений русской и советской литературы. Многие произведения классиков русской литературы – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, А.С. Серафимовича, А.А. Фадеева, Д.А. Фурманова и других были изданы на таджикском языке [92, 135]. Начиная с 1940 по 1980 год, более чем 500 произведений русской классической литературы были выпущены на таджикский язык. К 1980 году повысился уровень переводов русской художественной литературы. Ведущие поэты и писатели таджикской литературы выступили в качестве переводчиков. Самые яркие произведения русской литературы были переведены на таджикский язык: «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», «Донские рассказы» М.А. Шолохова; «Железный поток» А. С. Серафимовича; «Живые и мертвые» К. М. Симонова; «Разгром», «Молодая гвардия» А.А. Фадеева; «Как закалялась сталь» Н. Островского; «Чапаев», «Мятеж» Д. Фурманова; «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого. А также были переведены стихи и поэмы

В. Маяковского, С. Есенина, Д. Бедного, А. Ахматовой, М. Цветаевой и других поэтов, и писателей современной русской художественной литературы, чьими именами была обогащена таджикская литература.

ВЫВОДЫ ПО I ГЛАВЕ

Таким образом, на основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. Культура Средней Азии издревле привлекала внимание российских ученых, художников, литераторов. Основными путями литературного взаимодействия этих двух культур стала территориальная экспансия, начавшаяся в Средней Азии со стороны России в первой половине XVIII века.

- Взаимодействие культур между Россией и Средней Азией имело двустороннее значение: во-первых, Русские могла расширить свою территорию за счет, захваченных территорий Средней Азии, установить полуколониальный царский режим, но с другой стороны, общее развитие народа поднялось на новую ступень.

- Результат взаимодействия культур способствует процветанию и ускоренному развитию социально-экономического, политического характера. Изменения и сдвиги к лучшему произошли и в культурной сфере: появились первые газеты, журналы, школы, больницы и т. д.

- Первое знакомство народа Средней Азии с И.А. Крыловым произошло в 1809 г.

- Первоначально произведения персидско-таджикских мыслителей проникли в русскую среду через ведущие европейские языки. Только в первой половине XIX века появились прямые переводы, осуществленные непосредственно с оригинала на русский язык в таких русскоязычных изданиях как: «Азиатский вестник», «Полярная звезда», «Современник», «Мнемозина», «Пчела», «Вестник Европы», «Московский наблюдатель», «Русская мысль» и др. Русские поэты и писатели проявляли особый интерес к произведениям персидско-таджикских классиков.

- XVIII век – это век Реформы Просвещения Екатериной II. Императрица серьёзно вмешалась в систему образования. Создание «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг» (функционировало в

1768-1783 гг.) сыграло основополагающую роль в развитии переводческой сферы в России.

- Во второй половине XVIII века в России усиливается интерес русских просветителей к литературе и культуре Востока, с которым в Западной Европе были знакомы уже в XVII-XVIII веках.

- «Восточная повесть» как прозаический жанр стал маской для истинных просветителей против произвола во власти, против «просвещенного русского монарха».

- Повесть И.А. Крылова «Кайб» - острое сатирическое произведение XVIII века - яркий феномен «Восточной повести».

- Сатирический журнал «Почта духов» издаваемый И.А. Крыловым служил оружием против деспотизма и непросвещенности.

ГЛАВА II. И. А. КРЫЛОВ И ТАДЖИКСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

2.1. К вопросу изучения связи Крылова с Востоком и Западом

К середине и концу XIX века в Средней Азии творческие работы Крылова стали переводить на местные языки, и уже к началу XX века они не остались без внимания исследователей. К сожалению, история переводов и качества сочинений Крылова на таджикский язык в таджикском литературоведении до настоящего времени не была объектом полного исследования таджикских ученых-литературоведов.

Особое внимание переводчиков к произведениям Крылова привлекала тема совершенствование человека, которая наблюдалась во всех его сочинениях, особенно использование им персидских притч. В таджикской литературе много трудов, посвященных сравнительному анализу назидательных притч и рассказов Крылова с творчеством Саади, Хафиза, Дониша, Убайда Закони и Руми.

Историко-сравнительный анализ произведений писателей в литературоведении занимает важное место, благодаря чему развиваются русско-таджикские литературные взаимодействия. Эти взаимодействия происходят в контексте социально-политического развития происходящих изменений и трансформаций в обществе.

В свое время русский царь-реформатор Пётр I говорил, что «...основным рубежом для торговли, взаимоотношений, изучения культуры и литературы народов Средней Азии являются союзы в различных отраслях. Мы не видим никакой разницы в людях, нам необходим целесообразный акт взаимопониманий с Востоком» [74, с.93].

Как известно, о жизни и творчестве Ивана Андреевича Крылова написано немало. Но проблема взаимосвязи Крылова с Востоком и Западом в таджикском литературоведении до сих пор остается малоизученной темой.

Хотя со стороны исследователей Востока взаимосвязь Крылова с Востоком и Западом изучена довольно хорошо.

К сожалению, личность И. А. Крылова до сих пор недостаточно известна нашим школьникам, не очень много дошло до нас сведений об этом уникальном, необычайно своеобразном, неординарном поэте и баснописце, образованнейшем человеке, авторе многочисленных басен. Об этом свидетельствуют неперевоенные произведения Крылова, в которых довольно много эквивалентов с таджикской литературой. Например, произведения Ахмада Дониша-мыслителя, просветителя, философа, поэта и писателя таджикской литературы «Наводир-ул вакоъ» (Редкостные события) или же его незаконченное произведение «Исторический трактат», где так же, как и Крылов в «Каибе», он старается раскрыть основные проблемы в управлении государством и тд....

Русской типографией издана одна уникальная книжечка, размером в почтовую марку - 28x22 миллиметра. Это - «Басни» И.А. Крылова. Напечатана она в Петербурге, в 1856 г. Книжечка состоит из 86 страничек, на которых уместились 25 басен Крылова. Для ее издания был придуман специальный микроскопический шрифт «Диамант». Только владея крепким зрением можно убедиться в четкости и правильности набора – это действительно доказательство превосходства басен И.А. Крылова. Фактически данное издание никакого практического читательского значения не имеет, но как документ, свидетельствует о степени совершенства типографического искусства и уникальности самих басен.

Басни Ивана Андреевича Крылова пользуются актуальностью во все времена: и до Октябрьской революции, и в период СССР, и сегодня, когда мир окутан виртуальной паутиной Интернета. Скорее всего, высмеивая человеческие пороки в XIX веке, Крылов и не предполагал, что и в XXI они не потеряют своей актуальности. В каждом его произведении чувствуется легкое сочетание морали, непосредственная мудрость и юмор. В своих

баснях Крылов не осуждает пороки людей, а дает возможность читателю сделать собственные выводы и способствует выбору правильного пути.

Творчество Крылова тесно связано с художественным миром пословиц, русских историй и пародий, оно входит в метафорическое выражение «сокровищ русского» языка, многие из которых были общеизвестными. И.А. Крылов величайший русский баснописец, чьи басни известны во всем мире. Именно благодаря басням он получил мировую известность. Язык басен Крылова для знатоков русской литературы-писателей и поэтов был образцом художественного слова. В свое время В.И. Ленин использовал образы и сюжеты басен Крылова. В своих баснях поэт изображает быт русского народа в широком ракурсе, описывая различные социальные классы – от царя до самого пастыря.

Александр Сергеевич Пушкин видел глубокий национальный характер басен Крылова, выраженных в «радости от хитрого ума, юмора и таланта». Пушкин напоминает, что, в отличие от других его предшественников, в чьих баснях дается поучительная мораль, басни Крылова представляют собой сатирическое и юмористическое высмеивание человеческих пороков. Именно благодаря басням Крылова в русской литературе ожила аллегория. Но тут мы должны заметить, что басни Крылова не являются сатирическими произведениями.

Мы вовсе не ошибемся, если скажем, что крыловское творчество – яркий феномен для переводчиков. Методологической основой исследования в основном стали басни литератора, которые активно вошли в инокультурную среду. Басни Крылова были переведены на более чем 50 языков мира.

До распада Советского Союза в каждом уголке союзных республик на родном языке того государства звучали басни Крылова, которые активно входили в культурную жизнь той или иной страны. Тут нужно особо подчеркнуть, что переводческая сфера достаточно хорошо была развита в союзных республиках. На территории постсоветского пространства первым

переводчиком басен Крылова считается Аббас-Кули-Ага Бакиханов на азербайджанский язык. Еще при жизни самого Крылова в 30-е годы XIX века он перевел басню «Осел и Соловей». Далее в 1849 – на армянский, а потом в 1860 на – грузинский. Также азербайджанский переводчик Абдурагимбек Ахвердиев в 1885 свою литературную переводческую деятельность начал с перевода басни «Дуб и трость». Далее Рашидбек Эфендиев, Мирза Алекпер Сабир, Аббас Сиххат, Абдулла Шаиг. Именно А. Шаигу принадлежит перевод 97 басен Крылова. (1938) Тут стоит упомянуть, что будучи одаренным мальчиком в семилетнем возрасте у Шаигу, после прочтения переводов Гасаналиага хана Карадагского, появился особый интерес к басням Крылова и итогом этой большой любви стал перевод басен. Факты доказывают, что в 1880 г. свыше 60 басен Крылова перевел Гасаналиага хан Карадагский. По мнению литературоведа Микаэля Рафили, его переводы имели огромное значение в развитии культурной жизни Азербайджана. Благодаря этим переводам учебно-воспитательная литература стала еще богаче, появились новые социально-насыщенные произведения. Эти переводы с большим интересом изучались в школах [146].

Таким образом, басенное творчество Крылова стало достоянием широких масс Азербайджана. В переводах Карадагского можно заметить, что он стремился передать перевод, очень близкий к оригиналу, иногда добавляя свои умозаключения, используя народные поговорки, которые подчеркивали квантэссенцию произведений Крылова.

Басня – жанр, особенно крепко опирающийся на традиции. Почти все басенные сюжеты повторяются в творчестве баснописцев различных времен и народов. Причем многое зависит от того, как они рассказаны, как протекают события в текстах и каким образом их преподносит автор. Один и тот же сюжет приобретает разный смысл и национальный колорит [29, 17] и в этом роль перевода огромна. Переведенные произведения становятся частью национальной литературы, способствуют ее обогащению и развитию [87, 598].

Благодаря переводческому наследию узбекских переводчиков А.С. Чулпана и Д. Куранова, басни Крылова, Лафонтена, Эзопа широко известны узбекскому читателю. С баснями Крылова ученики знакомятся в школах Узбекистана и в школах Таджикистана с узбекским языком обучения. Необходимо подчеркнуть, что в узбекской литературе хорошо развит жанр басни основателем, которого был Гульхани известный по сатирическому произведению «Рассказы о Сове».

Следует отметить, что басни Крылова в узбекской литературе не теряют популярности, и по сей день, так как только под пером Крылова жанр басни приобрел массовую известность. Гульхани в своих баснях опирался на народную мудрость, так же, как и Крылов, который использовал народные пословицы и поговорки. Многие его басни аналогичны по содержанию басням Крылова. (Например, «Черепашка и Скорпион», где говорится о поступках низких и недостойных людей, которые за добро платят злом, неблагодарностью, и басни «Свинья под Дубом» и «Два Мальчика»). Исходя из проведенных исследований, можно сделать вывод, что басни Крылова доступны узбекскому читателю.

Басня – жанр демократичный, близкий к народу. Одни и те же темы повторяются в творчестве разных баснописцев, они схожи и так же завуалированы. Например, в басне «Лиса и Обезьяна» Эзоп с помощью проделок обезьяны насмехается над необдуманными шагами человека, движения обезьяны толкуются у него как танцевальные движения. Тот же образ обезьяны и в басне Крылова: у него тоже описываются бестолковые, необдуманные движения обезьяны. Та же тема близка узбекскому баснописцу Мухаммеду Шариф Гульхани (Зарбулмасал), который подводит читателя к выводу: не делай того, чего не можешь, иначе попадаешь в беду. В «Калиле и Димне» тоже делается поучительный вывод: столярничество не дело обезьяны – каждый должен заниматься своим делом.

Таким образом, как уже было сказано выше, одни и те же темы басен, которые раскрываются при помощи аллегорических образов,

подчеркивающих определенную эпоху и быт, используются разными баснописцами.

Басни Крылова в XIX веке были переведены и на татарский язык такими переводчиками, как Таип Яхин и Тукай, а также широко использовал их К. Насыри.

Подленными являются переводы татарского переводчика Габдуллы Тукая. Тут нужно особо подчеркнуть, что до Тукая басни переводились прозой, только под пером Тукая они приобрели форму стиха. [157] Тукай басни Крылова называет стихотворениями.

Из воспоминаний друга Тукая Яруллы Мурадый: «Однажды друг Тукай решил полностью отдаться писательству. Попросил у меня 10 копеек и, купив бумагу и карандаш, принялся переводить на татарский басни знаменитого Крылова. В некоторых из этих басен он показывает то, что относится к нашей татарской жизни, и по этому поводу прибавляет много слов от себя. В это же лето в одном из писем он радостно сообщил, что закончил басни Крылова, отдал их под названием «Полезное собрание» Камиллю Мотыйгию для издания и получит 25 рублей за работу». (Мурадый Я. Тукаев в Уральске. «Воспоминания») [157].

У Тукая особый подход к басням Крылова. В отличие от Крылова, Тукай, создавая свои притчи на основе его басен, предпочитал использовать при переводе сложные конструкции и свой «фирменный», стиль. Переводит их обычным прозаическим татарским языком, прибавляя много слов от себя, адаптируя их к татарской ментальности и жизни.

В переводах с татарского В.Думаевой-Валиевой ощущается стиль Тукая. Так же, как и Тукай, она переводит их с татарского языка «особым» стилем.

В качестве примера приведем басню Крылова «Обед у Медведя» у Тукая «В гостях у Медведя»

- а) У Крылова: «... *Лиса в ладоши хлоп: «Ай, Миша, как приятен! Как ловок в танцах он! как легок, мил и статен!»*» [151].

б) У В. Думаевой-Валиевой:

*«И сюда придёт кружится, и туда пойдёт вертится,
Если кто танцует ловко, тот и сглаза не боится».*

в) У Крылова: *Лиса на то в ответ:*

*«Не видишь, что хвалю танцора за обед?
А если похвала в нем гордости прибавит,
То, может быть, он нас и ужинать оставит»*

г) У В. Думаевой-Валиевой:

*А Лиса ему: «Сиди спокойно, Волк! Если песня моя придётся
Медведю по вкусу, он нас опять позовёт и угостит».* [157].

Все переводы Тукая, на наш взгляд можно назвать свободными; они со временем активно вошли в культурную жизнь татарского народа, а язык перевода Тукая стал языком татарской литературы и был удачно адаптирован к современному татарскому быту, обычаям татарского народа.

Острота сюжетов и меткость морали басни Крылова, которые Абай называл «поэзии житейской мудрости», привлекли внимание казахского поэта-просветителя и философа и вызвали интерес к проблеме перевода басен с русского языка на казахский. (сам Абай басни не писал).

В свое время В.Г. Белинский писал об исключительной трудности перевода Крыловских басен, на других языков народов. Нужно отметить, что Абай не стремился дословно переводить басни Крылова, он старался сохранить мораль басни, но, прежде всего, идейную сущность текста, в то же время, стараясь приспособить его значительную часть к кочевникам-казахам.

Этот феномен отчетливо прослеживается в баснях «Осел» и «Осел и Мужик». Осел, один из распространенных аллегорических образов, который встречается в баснях И. А. Крылова, как и другие образы обладает человеческими качествами: глуп, бестолков, безмозгл, упрям, невежествен и, как всегда, ведет себя как осел. По просьбе Осла Зевс сделал его больше, но осел все равно остался ослом. (из басни «Осел») Крестьянин поручил ему сторожить сад: «осел, гоняясь за птицами всеми ослиными ногами» ... «он

поднялся таким прыжком, что все в саду растоптал и уничтожал» (из басни «Осел и Мужик»).

Если у Крылова осел, приняв звонок, подвешенный ему на шею, возгордился, принял его за орден,

(«... На шею прицепил мужик ему звонок.

Надулся мой Осёл: стал важничать, гордиться

Про ордена, конечно, он слышал) ... » [32, 190].

то у Абая, осел, идущий в голове каравана, возомнил себя важной особой из-за того, что был нагружен золотом, а когда донес золото до назначенного места, то стал обычным животным-ишаком. Таким образом переводчик сохраняет идейную ценность оригинала, в то же время добавляя детали казахского менталитета.

В общей сложности Абаем были переведены 13 басен Крылова («Музыканты», «Дуб и Трость», «Слон и Моська», «Пестрые Овцы», «Стрекоза и Муравей», «Ворона и Лисица», «Бедный Богач», «Орел и Коршун», «Крестьянин в беде», «Лягушка и Вол», «Осел и Соловей», «Осел»), темы которых были заимствованы у Лафонтена и Эзопа. При переводе басен Абай передает и описывает их по-своему по этническим соображениям, критикуя и описывая жизнь казахов и их отрицательные стороны. В течение 1933-1957гг. вышеперечисленные басни в переводе Абая были опубликованы, благодаря чему казахский народ был ознакомлен с жизнью и творчеством И.А. Крылова и особенно его баснями.

Примером «вольного» перевода может послужить басня «Дуб и Трость», где Абай, противопоставляя гордость и хвастовство, несколько раз обращается к Аллаху, как к источнику жизни и смерти, хотя в басне Крылова вообще не упоминается Бог. Скорее всего, это употребление мифологического аквилона

(Вдруг мчится с северных сторон

И с градом, и с дождем шумящий аквилон. [32, 26]),

то есть чуждое слово для басенного языка Крылова вызывает у переводчика такую реакцию: переводчик обращается к Богу из-за непокорности и излишнего самовозвеличения Дуба. Мораль в переводе Абая, на наш взгляд, двоякая. Сила и мощь ветра, скорее всего, сравниваются с силой всемогущего Аллаха, который призывает людей быть покорными, ибо они из-за гордости и непокорности могут погибнуть. Доказательством того является то, что Дуб при сильной буре был вырван с корнем. Но в переводе сохраняется мораль басни, которая заключается в том, что сила, и мощь, не всегда помогают устоять на ногах. На любую силу находится сила более мощная (например обращение Абая к Аллаху), а вот гибкость и приспособление, то есть адаптация в различных ситуациях, позволяют выдержать любые трудности в жизни.

Хорошо известно, что басня «Дуб и Трость» является одной из первых басен Крылова, сюжет которой был заимствован у Лафонтена («Дуб и тростник», у Эзопа - «Тростник и олива»). Кроме того, при работе над этой басней Крылов опирался на сюжет одноименной басни А.П. Сумарокова. В 1805 г. Крылов свой перевод показывает И.И. Дмитриеву, после прочтения которого тот говорит: «Это истинный ваш род; наконец, вы нашли его».

Необходимо особо отметить, что басню «Дуб и трость» Крылов исправлял несколько раз и только когда довел её до совершенства, решился отдать в печать. Первый раз она была напечатана в журнале «Московский зритель».

Басенным творчеством И.А. Крылова интересовались и за пределами Советского союза. Впечатляющие были результаты работ китайских переводчиков. Так, например, за короткое время, в течение 10-15 лет в китайскую среду вошли произведения русских писателей. Конечно прямых переводов с русского языка не было, они осуществлялись опосредственно, а именно с английского или японского языков. Начало XX века – это период проникновения басен И.А. Крылова в китайскую литературу непосредственно с русского языка. Несомненно, переведённые тексты имели

большое значение в развитии русско-китайских культурных отношений. Оценивая переведенные тексты с точки зрения литератора приходим к такому выводу что переводы с русского языка на китайский занимают особое место среды переведенных басен на другие языки. В них наблюдаются как достижения, так и упущения переводчиков.

Китайские переводчики делят перевод на два раздела: сближение читателя с автором и сближение автора с читателем, т. е. басни Крылова написаны в стихотворной форме, и почти все переводы на китайский язык – проза. Естественно, что при таком переводе меняется и длина строф, и ритм, и рифма. В китайском переводе строго сохраняется содержание текста, но при этом теряется красота поэзии. Например, в басне «Слон на воеводстве» текст приобретает абсолютно другую форму, становится обычной прозой, хотя все басни Крылова написаны в стихотворной форме.

Анализ текстов показал, что во многих случаях переводчики справились с поставленной задачей и смогли сделать адекватный перевод басен. Но в текстах встречаются и серьёзные упущения переводчиков, связанные с переведенными реалиями. В основном часто трудности наблюдаются при переводе русских собственных имен с русского языка на китайский, которые передаются с помощью транскрипции, т. е. исходя из того, как слово произносится по-русски. Стоит отметить, что при таком переводе читатель приходит в недоумение: имена собственные, которые носят определенный смысл на русском языке, исходя из этнических соображений, на китайском являются сбором определенных иероглифов – имен собственных и в том числе часто используются кальки. Для передачи некоторых особенностей необходимо давать дополнительную экстралингвистическую информацию, чтобы читатель не терял интерес к тексту.

С таким явлением китайцы могут встретиться в басне «Чиж и Ёж». Например, существительное Феб используется в трех местах текста:

«-Вот, в блеске и во славе всей,

*Феб лучезарный из морей
 Поднялся,...
 -... Чтоб Феба я достойно величал,-
 Свозь слез Чиж бедный отвечал,-
 А слабым голосом я Феба петь не смею... » [32, 34].*

Известно, что *Феб* – это прозвище Аполлона, бога солнца и поэзии. О чём идет речь в тексте, для носителей языка все совершенно ясно, но путем транскрипции невозможно передать смысл текста, требуется дополнительное разъяснение, то есть переводческий комментарий.

А что касается фразеологизмов и устойчивых оборотов, которые очень часто встречаются в баснях Крылова, нам не составляет трудности, китайскому читателю перевод понятен и приемлем, наоборот они добавляют эмоциональную окраску, повышают интерес читателя к тексту. Но вот отсутствие уменьшительно-ласкательной формы на китайском языке при переводе часто создаёт определенные трудности. В русском языке нередко употребляются такие формы, чтобы передать отношения между говорящими или же для усиления красочного оттенка текста, причем китайские переводчики с этой целью, употребляют прилагательные. Такое явление можно наблюдать в басне «Ворона и Лисица»

*«Голубушка, как хороша!
 Ну что за шейка, что за глазки!
 Рассказывать, так, право, сказки!
 Какие перышки! Какой носок!
 И, верно, ангельский быть должен голосок!
 Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица... » [32, 25].*

Было обнаружено, что перевод, текста осуществленный китайскими переводчиками значительно прибавил в размерах и причиной тому послужил прием описательного перевода таких русских слов как: *носок, голосок, светик, голубушка, шейка, глазки, перышки.*

Переводчики использовали парафраз – приём перевода, при котором можно заменять одно слово исходного текста группой слов или выражением на языке перевода [145], [159].

Следует отметить, что во многих переведенных баснях Крылова вопрос религии имеет большое значение. Каждый переводчик описывает свое вероисповедание: кто обращается к Аллаху, а кто – к Будде. Жители поднебесной поклоняются буддам, в России же люди православные, переводчиком не были учтены такого рода религиозные различия, этому подтверждение мы видим в басне *«Слон на воеводстве»*:

«Вот добрый Воевода видит-»... [32, 72].

Вместо слова «добрый» в данной строке даётся целое выражение: «добрый, как Будда». Незнакомый с такими тонкостями читатель будет в легком недоумении, ибо русские не придерживаются буддизма. Значит, в этом случае китайские переводчики не смогут обойтись без переводческих комментариев, сносок. В данном переводе переводчик сближает автора к читателю.

Поскольку перевод всегда связан с подлинником, можно метод перевода однозначно определить с точки зрения этой причинной связи и, образно говоря, «обозначить его положение на литературной шкале между двумя полюсами: «точного» и «вольного», «ретроспективного» и «перспективного», «рецептивного» и «адаптивного» перевода и т. п. или же расположить дефиниции о принципах перевода в виде противоположных тезисов:

1. Перевод должен передать слова оригинала.
2. Перевод должен передать идеи оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинальное произведение.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен выражать стиль переводчика.

7. Перевод должен читаться, как современный оригиналу.
8. Перевод должен читаться, как современный переводчику.
9. Перевод вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.
10. Перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить.
11. Стихи следует переводить прозой.
12. Стихи следует переводить стихами [25, 41-42].

В процессе анализа можно убедиться в том, что при переводе китайские переводчики пытаются сохранить общее содержание басен Крылова. Переводы китайских переводчиков весьма «косвенные», но все же недалеки от содержания текста. Только таким образом они сохраняют эмоциональную окраску его произведений, выбирая разные приемы перевода. Ядром перевода стала цель, которая достигается на основе оригинала, с использованием разных методов для точной передачи содержания басен. При переводе нельзя достичь конгениального воспроизведения подлинника, в любом случае в переводном тексте обнаруживаются переводческие потери и нарушения, связанные с невозможностью воссоздания определенных языковых и культурных особенностей оригинала [158]. Таким образом, переводчики Китая передают отраженную в литературе русскую реальность.

Основным объектом исследования иранских переводчиков являются басни И.А. Крылова. Особое место среди переводчиков басен занимают работы таких иранских исследователей, как Саманэ Алипур, Ирая Мирзы, Найере Саиди, Хабиба Ягмая. Следует отметить, что работы иранских переводчиков являются оригинальными и доступными читателю. Так, одна из наиболее интересных работ – «Аллегорические басни Ивана Андреевича Крылова», была переведена на фарси Бехрузом Азбадфтерти и опубликована на 272 страницах в публикации «Нилуфар».

В последние годы, благодаря налаженным дипломатическим отношениям, иранскими переводчиками издано немало монографий о творчестве баснописца, жизнь и творчество Крылова подробно изучаются в

средних школах Ирана, начиная с начальных классов. Переведенные басни в учебниках сопровождаются яркими иллюстрациями, и с уверенностью можно сказать, что содержания текстов переданы точно и не нуждаются в добавлении каких-либо элементов, т.к. и являются достаточно полными.

Иранские исследователи большое внимание уделяют литературным связям, истории появления басенного жанра, начиная с Эзопа, Лафонтена и до самого Крылова. Отдельно изданы басни Лафонтена на иранском языке [175].

Значительное место занимают переводы басен Крылова на ведущие европейские языки.

Так, в середине 1820 годов басни Крылова переводят на французский и итальянский языки. В 1825 году в Париже граф Григорий Орлов опубликовал басни И.А. Крылова в двух томах на русском, французском и итальянском языках, эта книга стала первым зарубежным изданием басен.

Многие переводчики неоднократно возвращаются к басенному творчеству поэта. В течение двух веков англичане переводят басни Крылова, и до сих пор его творчество остается для них ярким феноменом. Немало трудов издано о жизни и творчестве И.А. Крылова, в том числе таких личностей, как Дж Бауринг, В. Г. Сондерс, В. Лидс, Дж. Кокс, К. Хеннингеен Д. Лонг. Однако настоящий интерес английская культура начинает проявлять к басням Крылова во втором столетии, после того что в течении небольшого срока выходят в печать сразу несколько его книг. Самыми востребованными в 1869 году оказались «Басни Крылова», в 1869-1883 гг. «Крылов и его басни» и «Оригинальные басни Крылова», а также многочисленные монографии и статьи других авторов.

Немаловажную роль сыграли переводы англичанина В. Рольстона, которые занимают особое место среди басен, переведенных другими. Английскими переводчиками переводились басни и в прозе, и в стихах, но при этом строго соблюдались ригористические взгляды.

Не вызывает сомнения тот факт, что переводы басен Крылова сыграли важную роль в развитии русско-английских культурных отношений XIX в.

Таким образом, об истории переводов басен Крылов можно говорить бесконечно. Они переводились и будут переводиться на разные языки мира, потому что, во-первых, те пороки, которые высмеивает баснописец, существует у всех народов мира; во-вторых, мораль которая заложена в каждой из басен, заставляют задумываться каждого человека над своими поступками.

2.2. Исследование творчества И. Крылова в таджикском литературоведении

Таджикское литературоведение прошло большой путь длиной в несколько тысячелетий. Оно рассматривает и изучает литературные произведения, которые были созданы величайшими мыслителями Востока и Запада, сыгравшие бесценную роль в культурном развитии человеческой цивилизации.

Русские поэты классического периода были знакомы с восточной поэзией, философией, литературой, логикой и другими филологическими направлениями, брали за основу своего мировоззрения примеры из восточных источников литературных произведений. Поклонники художественного и поэтического жанра русской литературы отмечают значительную роль творчества многих русских писателей в таджикском литературоведении. Исследуя творчество Ивана Андреевича Крылова и определяя его место в таджикском литературоведении, рассмотрим словарное определение термина «литературоведение» «... наука о художественной литературе» [54, 328]. Именно художественная литература соединяет все мировые дисциплины, имеющие ту или иную научную основу и являющиеся предметом полемики. В этом аспекте основную роль играют именно художественные произведения и его разнообразные жанры.

Басня - один из жанров художественной литературы. Исследуя басенное творчество И. А. Крылова, мы сталкиваемся с такими фактами, что с 1809 по 1843 год он писал исключительно басни и является автором 236 басен, большая часть которых была собрана в девяти прижизненных сборниках. Конечно, были некоторые басни, которые никогда не печатались. Большинство сюжетов басен Крылова-оригинальные произведения. В то же время следует подчеркнуть, что отдельные басни берут свое начало в баснях Лафонтена или восходят к сюжетам восточных басен средневековой литературы.

Первые басни И.А. Крылова были переведены таджикскими

просветителями Абдукадыром Шакури, С. Аджзи и А. Хамди, но, к сожалению, не все они дошли до нас. Часть из них используется как учебное пособие учащимся средней степени образования, в книге Абдукадыра Шукури «Джомеъул хикоёт» («Сборник рассказов»), которая была опубликована в 1909 - 1911 гг. Рахим Хошим рассказывал: «Аджзи, который знал русский язык, переводил рассказы Толстого и басни Крылова с целью ознакомления таджикских читателей с литературой России и дать понять, что литература - это вестник дружбы, вестник достоверных и плодотворных взаимопониманий в области литературы, в которых показана чистота и связь всей человеческой мудрости, передаваемой через перо просветителей» [63, 19]. В русской литературе кроме Крылова басни писали Толстой, Сумароков, Михалков, которые тоже отличались своей познавательностью, идейностью и остротой сюжетов.

В 70-е годы XIX века начался процесс перевода произведений русских писателей на персидский язык В. В. Бартольдом, таджики начали знакомиться с произведениями русских писателей, в литературных кружках, организованных в Бухарском Эмирате, читались басни Крылова в оригинале и в переводе на таджикский язык.

Басня «Волк и Ягнёнок» – одна из самых любимых басен детей, на воспитательной основе которой выросло не одно поколение таджикской молодежи. Басня, любившаяся и детям, и взрослым, переведена на многие языки мира. Написанная в начале XVIII века, она ни на 1 минуту не теряла своей актуальности, остроты. Логика этой басни заключается в том, что, если в обществе нет социального равенства, у сильного, наделённого властью, всегда виноват слабый.

Различная мораль замечается и в баснях «Волк и Кот», «Волк на псарне», «Ворона и Лисица», «Стрекоза и Муравей». До таджикского читателя вся суть и острота басен И. А. Крылова начала доходить в начале XX века, благодаря образованию Советской власти и большевикам, которые в первую очередь начали открывать общеобразовательные школы для детей

неимущих и простого народа, воспитательная цель басен Крылова была очень кстати.

Цицилия Бенциановна Бану – советский и русский литератор, переводчик с персидского языка, известный исследователь творчества Абулькасима Фирдоуси, автор полного перевода «Шахнаме», в 1947 году в журнале «Литература» опубликовала статью «Литературоведческие замыслы», где отметила вклад творчества Крылова в таджикскую литературу и отметила следующее: «Иван Андреевич Крылов как баснописец раскрывает идею и сюжеты, которые являются и воспитательными, и человеколюбивыми; переводя басни на таджикский язык, мы не сможем скрыть ту остроту дополнений пера поэта, в которых отражена основная цель – изобразить правду и раскрыть суть правды, описанной в лице животных, птиц и других живностей» [85, 15].

Нужно отдать должное, что наряду с переводчиками других стран также в таджикском литературоведении поэты и писатели обращались к творчеству великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова.

Перевод является одним из кардинальных факторов взаимосвязи и взаимообогащения литератур [155]. Следует отметить, что интерес таджикских современных переводчиков и литературоведов к творчеству И.А. Крылова возрос в первой половине XX века, и его басенным творчеством серьезно заинтересовались такие переводчики, как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, Дж. Сухайли, М. Аминзода, А. Дехоти, М. Миршакар, К. Улугзаде, Сирус. Первое издание басен на таджикском языке выпущено под названием: И.А. Крылов «Масалҳои мунтахаб» в 1944 г., в 1977 году издан второй сборник басен И.А. Крылова «Маймун ва айнак» (48 страниц). В 1986 году был выпущен третий сборник басен Крылова – «Масалҳо», где было опубликовано 28 переведенных басен на 30 страницах, затем в 1999 году – четвертый, самый плодотворный сборник переводов басен Крылова на таджикский язык под названием «Харгӯши сайёх» (Масалҳо.- Душанбе,

нашриёти «Афсона») на 70 страницах Хикматом Рахматом, куда вошли 49 басен И.А. Крылова.

Издано немало труды, посвященных творчеству поэта, среди которых особое место занимают исследования Х. Шодикулова, Рахима Хошима, А.Дехоти.

Для развития переводической сферы прежде всего играют роль политические отношения между государствами. В настоящее время, как было подчеркнуто Лидером Нации, Основоположником мира и национального единства, Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном, между Таджикистаном и Россией налажено стратегическое партнерство и существуют союзнические отношения в военно-политической области, наполненные конкретными делами и действиями, которые вытекают из наших взаимоотношений, договоренностей и контактов на самых различных уровнях [68, 5]. Усилия России для укрепления границ Таджикистана и дружба двух народов, функционирование в городе Душанбе Таджикско-Российского (Славянского) университета, центра фонда «Русский мир», дипломатические отношения двух стран как суверенных государств является из числа тех факторов и причин, которые требуют качественно новых культурных связей. Следует отметить, что Таджикистан и Россия как постсоветские государства имеют многовековые экономические, культурные и социальные отношения, которые поддерживаются ими в новых условиях существующей реальной независимости. Само это событие требует во всех областях, и особенно в области художественной литературы, нового уровня отношений – современных равноправных отношений. Что должно стать очень важным – это чтобы выбор произведений для перевода не осуществлялся согласно списку, составленному вышестоящими лицами. В то же время надеемся, что ни одно произведение не будет переведено «кое-как», спустя рукава, так как от мастерства переводчика зависит передача материала на другой язык: на сколько опытен переводчик, на столько и качественен будет перевод.

Из-за внутренних столкновений (конфликтов), продолжавшихся в течение 90-ых годов прошлого столетия, превративших наш процветающий край в руины и пепел, последствия которых чувствовались в течение многих лет, мы почти потеряли наши духовные ценности. Перевод образцов мировой литературы является из числа таких культурных ценностей. Издание таких книг на таджикском языке в 1991-1995 гг. почти прекратилось. Четыре или пять опубликованных за эти годы произведений были переведены в постсоветское время, то есть в годы застоя [40, 5]. Художественный перевод во все времена был важнейшим источником обмена эстетическим богатством между народами, неиссякаемым источником взаимопознания, однако в этот период таджикская литература не была пополнена новыми произведениями.

К счастью, до сих пор живут и работают те представители этой области художественного творчества, кто высоко ценит это богатство. Несмотря на трудности, встречающиеся при издании, многие из них продолжают заниматься переводом и с надеждой и уверенностью продолжают свою деятельность. Благодаря поддержке и помощи со стороны коммерческих компаний, акционерных обществ, предпринимателей и руководителей государственных органов и общественных, частных и международных организаций, перевод шедевров художественной литературы постепенно налаживается. За последние годы был переведен с английского, французского, немецкого, с русского языков ряд литературных произведений – повестей, романов, рассказов, драм. Часть из них уже опубликована, другая находится накануне издания. Это говорит о том, что в Таджикистане данная сфера творчества будет развиваться и в будущем.

Первый сборник И.А. Крылова, который был выпущен в 1944 году под названием «Масалҳои мунтахаб» [31]. («Избранные басни»), был рассчитан для учеников средних и старших классов и сыграл большую роль в ознакомительном процессе читателей с баснями писателя.

Перевод басен из второго сборника Ивана Андреевича Крылова под названием «Маймун ва айнак» [36]. («Мартышка и Очки») осуществленный

в 1977 году и предназначенный на учеников начальных классов, сыграл важную роль в ознакомительном процессе с баснями поэта и в пропаганде русской культуры в таджикском литературном мире подрастающего поколения. Сборник содержит перевод 34 басен Крылова такими поэтами-переводчиками, как А. Дехоти, М. Миршакар, К. Улугзаде, М.Аминзаде, Х. Рахмат. Б. Фируз. В переведенных баснях не теряется ни размер, ни форма текста, и все они переведены в стихотворной форме.

В 1986 году под названием «Масалҳо» [37]. («Басни») был издан сборник басен Крылова на таджикском языке так же для учеников средних и старших классов с таджикским языком обучения. В сборник вошли 28 басен Крылова переведенных, Абдусаломом Дехоти, Мухиддином Аминзода, Бахромом Фируз, Мирсаидом Миршакаром, Сухайли Джавхаризхода и Клавдией Улугзаде.

Четвертый сборник басен величайшего русского баснописца Ивана Андреевича Крылова под названием «Харгӯши сайед» [40] (1999) – результат совместной плодотворной работы известного таджикского поэта и переводчика Хикмата Рахмата, любителей и ценителей литературы, благодаря их щедрости и любви к истинному художественному слову. Опубликование этой книги – это не только факт нового возрождения художественного перевода, но и факт, свидетельствующий о достижениях таджикской школы художественного перевода. Оно имеет большое политическое, воспитательное и практическое творческое значение.

Что же касается инициативы известного поэта-переводчика Хикмата Рахмата в выпуске четвертого сборника, мы совершенно уверены в том, что выбор басен И.А. Крылова для перевода осуществлен по велению времени и зову сердца переводчика.

Политическое значение басен И.А. Крылова не ограничивается с высказанными словами.

Еще по нескольким другим причинам издание этой книги имеет большое значение: во-первых, «Харгӯши сайед», являясь совершеннейшим

сборником басен выдающегося русского поэта и драматурга И.А. Крылова, где размещено 49 басен одного литератора в переводе на таджикский язык одним таджикским поэтом Хикматом Рахматом; во-вторых, книга является результатом более чем 20-ти летнего поиска и трудов таджикского поэта-переводчика; и в-третьих, переводы Х. Рахмата не вольные, а сделаны на основе постоянного изучения жизни и творчества Крылова, особенностей его баснописания. Все басни переведены в стихотворной форме. В настоящий сборник вошли не только переводы («Кукушка и Петух», «Овцы и Собаки», «Кот и Соловей», «Туча», «Саженец», «Орел и крот», «Идолы» и др.) на таджикский язык Хикмата Рахмата, которые были сделаны в начале 70-ых годов прошлого столетия, также и переводы А.Дехоти, Дж. Сухайли, Миршакара для детей дошкольного и школьного возраста. Например, «Волки и Овцы» (Миршакар), «Лев и Волк» (Дж. Сухайли), «Крестьянин и змея» (А. Дехоти), «Осел и Соловей» (Дж. Сухайли и К.Улугзода) были представлены сегодняшнему читателю в соответствии с новым взглядом в переводе Х. Рахмата. Остальные переводы 30 басен также принадлежат самому Х. Рахмату.

Известно, что разумные нравоучения и отцовские наставления русского баснописца сыграли большую роль в нравственном воспитании молодого поколения, в устранении личных и общественных недостатков последних 200 лет, и сегодня они имеют немаловажное значение в воспитании подрастающего поколения и вообще всего общества. Переведенные тексты воспевают трудолюбие, честность, национальное единство и солидарность народов, братство и равенство, которые являются самыми священными нравственными ценностями, ведь не зря великий Крылов посвятил более 60 лет своей жизни, пропагандируя эти идеи, которые и сегодня занимают важное место в современном обществе. Переведенные басенные тексты воспринимаются с легкостью, так как современное общество более подготовлено, чем общество 30-40 годов крыловского столетия, к глубокому

осознанию идейной сущности и эстетической ценности этих басен и может воспринять их на более новом и глубоком уровне мировоззрения.

Последние басни Крылова имеют еще одну особенность, которая мало наблюдается в творчестве других баснописцев или поэтов, пишущих произведения для детей. У И.А. Крылова есть ряд басен, где один герой сталкивается с другими персонажами различных пород, и, естественно, что в них каждый раз другое художественное, логическое заключение. Такие, как Волк, Лиса, Кукушка, Крестьянин, и другие сталкиваются с десятками животных, природными или же социальными явлениями, у которых различное общественное положение. Таким образом, в результате раскрываются характер, природа, поведение, действия, цели и намерения, сущность людей различных групп или же группировок, внутренний мир различных слоев общества с разных сторон. Путем тщательного анализа мы выявили, что автор приводит более 79 видов животных, которые олицетворяют пороки людей в обществе. Наиболее яркие и часто встречаемые образы: Собака (25), Волк, Баран / Овца /, Ягненок (24), Лисица (22), Лев / Львица /, Львенок (20), Петух / Курица /, Цыпленок (18), Медведь (14), Осел (14), Кот / Кошка /, Котенок (12), Муха (11), Лошадь / Конь /, Кляча (11), Соловей (11), Змея (10), а также и другие. Слон, Орел, Ворона, Лев и Лиса являются участниками событий, стоят на переднем плане и решение проблем, раскрытие развязки, идейных и художественных целей и намерений зависит от них. Ярко выражен образ Кукушки, повествующей о чем-либо, образы людей, которые действуют параллельно с животными, например с образом Крестьянина, как главного героя, связано 13 басен («Крестьянин и Овца», «Крестьянин и Разбойник», «Крестьянин и Змея», «Крестьянин и Собака», «Крестьянин и Смерть», «Крестьянин и Работник», «Крестьянин в беде», «Крестьянин и Лисица», «Крестьяне и Река», «Крестьянин и Топор» и другие).

Народность крыловских басен заключается в том, что, рисуя животных, Крылов ориентировался на фольклорные традиции, которые за многие

столетия выработали устойчивую систему образов. Однако далеко не все животные олицетворяют целостные характеры. Так, Пчела и Муравей - обобщенные аллегория трудолюбия.

Анализирую басни И.А. Крылова, мы пришли к нижеследующим выводам:

1) в баснях Крылова особое место уделяется истории. В основном главными героями являются животные. Автор показывает их сходства с людским обществом и отдельными яркими историческими личностями; (Петр I, Наполеон, Кутузов, Александр I)

2) Крылов ярко и всесторонне описывает животный мир. Он дает пейзажные зарисовки многих диких и домашних животных, таких как павлин, попугай, райская птица, кукушка, голубь, чиж, гусь, дрозд, жаворонок, коршун, лебедь, малиновка, перепелка, синица, филин, ястреб;

3) часто встречаются образы из анималистического мира, взятые из устного народного творчества - Волк, Собака, Овца, Лисица, Лев, Курица, Медведь, Осел и т.д. Писатель придает дополняет их отдельными чертами и нюансами, делающими их узнаваемо-авторскими;

4) образы некоторых животных являются второстепенными, (хотя они действуют параллельно) по сколько они придают яркость главным аллегорическим образам.

5) некоторые образы животных олицетворяют не одну черту человеческого характера (лев - храбрость, лиса - хитрость), а несколько качеств действуют в совокупности (лев - храбрость и жестокость, волк – жестокость и одновременно глупость, лиса - хитрость и лживость).

В содержательном плане выявлены образы, которые часто повторяются, дополняются конкретными авторскими деталями и нюансами, но в своей доминанте остаются неизменными (например, Лев у Крылова – всегда царь зверей, но он может быть умным или глупым, сильным или слабым, милостивым или кровожадным; Змея – всегда смертельно опасна, но может укусить или не укусить, быть мудрой или глупой, злобствовать или

проявлять дружелюбие и т. д.). А также наблюдаются образы, которые формируются в зависимости от контекста, к примеру, образ Мыши в «Мыши» – это выразитель глупой паники, а в басне «Лев и Мышь» воплощает полезность даже самого маленького члена общества.

Кроме вышеперечисленного, была установлена частотность использования образов животных в творчестве Крылова, которое занимает 90,9%;

Путем сплошной выборки было установлено, что в переведенных на таджикский язык баснях упоминаются аллегорические образы 48 животных. Процентное соотношение переводов с русского языка на таджикский составляет около 40 %.

Следует отметить, что, во-первых, одни те же басни были переведены несколько раз разными авторами, во-вторых повторяющимися в разных сборниках («Зеркало и Обезьяна», «Листы и Корни», «Волк и Лиса», «Волк и Ягненок», «Лебедь, Щука и Рак», «Бумажный Змей», «Кошка и Соловей», «Туча», «Квартет», «Волк и Журавль», «Крестьянин и Змея», «Овцы и Собаки», «Кукушка и Орел») частотными образами являются образы Волка, Кукушки и Крестьянина.

Естественно, что новые переводы цикла басен продолжают обогащать представление читателей об этих образах и демонстрируют новые стороны мастерства и таланта автора, и его мировоззрение. В настоящее время в дополнение к тем переводам, с которыми читатель был знаком и по которым он познакомился со строгим и прочным порядком баснописания И.А. Крылова с опытом Древней Греции, наставлениями «Калили и Димны», то есть Индией и Персией, Эзопом и Лафонтеном, Лукмони Хакимом, благодаря новым переводам Х.Рахмата читатель глубже ознакомится с основными источниками и самими баснями Крылова.

Сегодня, когда индийские изречения (особенно из «Калилы и Димны»), а также басни Крылова переведены на таджикский язык, у читателя появилось больше возможностей расширить свой литературный кругозор,

так как, их, он вместе с героями басен отправляется в историческое путешествие по следам восточных таджикских, персидских и индийских сюжетов, перебирая из Европы в Россию, получает совершенное представление о сущности и понимании их восточной изюминки, а потом возвращается на свою настоящую родину.

В этом смысле можно сказать, что эта связь басен И.А.Крылова с традициями баснописания Востока и Запада определяет и уточняет место их автора в процессе развития и продвижения западной и восточной литературы.

Как известно, И.А. Крылов писал исконно русские басни, со своей народностью и стилем изображения, с оживлением животного и растительного мира Руси. Именно благодаря их русской природе и характеру, они действительно являются духовным наследием русского народа. Однако в то же время никто не отрицает, что несколько сюжетов он заимствовал у Лафонтена, а французский баснописец, в свою очередь, перенес их из Востока в европейскую среду. И Игорь Ильинский был прав, когда при подготовке массовой публикации басен И.А. Крылова говорил: «Даже те басни, сюжет которых позаимствован И.А. Крыловым у французского писателя Лафонтена, благодаря силе его таланта превратились в подлинные русские произведения. И никто не хочет, чтобы присвоили их Лафонтену». Традиции басен этого литературного жанра Эзопа имеют всемирную публикацию, и Крылов тоже не остался в стороне от этого влияния. Однако Крылов признает их посредством древних персидских и индийских иносказаний о животных, что в свою очередь подвергались влиянию опыта баснописаний Эзопа. Персидско-таджикские басни являются новейшими образцами формирования греческих и восточных традиций этого жанра в средних веках. Мы имеем в виду индийские сюжеты «Калилы и Димны» что были переведены с индийского на пахлави во времена правления династии Сасанидов (224-651). После они были переведены Ибн Мукаффа на арабский язык. При Саманидах (874-999) «Калила и Димна»

Ибна была переведена на таджикский в форме прозы, а затем в форме поэзии. К сожалению, все эти переводы исчезли, осталось лишь несколько строк, написанных Абу Абдулло Рудаки. «Калила и Димна» полностью была переведена с арабского на таджикский при правлении Бахрамшаха Газнави, и этот экземпляр дошел до нас. Этот перевод стал благодатным источником для таджикских поэтов и литераторов в последующие века. Перевод Абулмаоли «Калилы и Димны» усовершенствованный таджикскими стихотворениями, оказал большое влияние не только на дальнейшее развитие басни в персидско-таджикской литературе, но и стал толчком для обращения Европы и европейцев к этим уникальным наставлениям, изречениям.

Таким образом, в персидско-таджикских баснях приводятся и встречаются восточные (Лукмони Хахим), греческие (Эзоп) и индийские источники, помимо этого они приобрели и национальные таджикские особенности. Этот новый персидско-таджикский опыт привел в восторг Лафонтена, любителя притч Лукмони Хакима. В свою очередь И.А.Крылов не только перевел Лафонтена на русский язык, сюжет которых действительно был заимствован Лафонтеном с Востока, но и таким способом он познакомился с восточным опытом баснописания. Нетрудно заметить, что большинство сюжетов басен Крылова имеют восточную основу, и, более того они близки к таджикским восточным сюжетам. Например, аллегорический образ осла часто употребляется в баснях Крылова или же в русских притчах. («Посол Осел») [24, 231], который характерен и для восточных сюжетов; употребление слова Дервиш (Дервиш с персидского языка означает – бедняк – Г.М.) в речи поэта, которое восходит к персидскому языку («Осел», «Филин и Осел», «Лань и Дервиш», «Осел и Мужик»). Поэтому басни Крылова на таджикском языке читаются с большим интересом, так как они уносят нас в глубину веков. По этой причине их перевод и публикация являются благородным делом и гражданским долгом переводчиков, тем более что их практическое значение возрастает, так как большинство из них освещают наши сегодняшние проблемы, сегодняшнее

политическое социальное состояние нашей независимой страны, их. Следует отметить, что исторические басни Крылова приобретают сегодня современное значение: например, басня «Дерево» сколько в ней современного духа, выражающий сегодняшний пульс сердца его страны и народа! Во имя мира и своего мгновенного покоя Дерево просит Лесоруба вырубить и уничтожить весь лес, который окружает его. Вырубили все деревья и саженцы вокруг него, и дело дошло до того, что обычный ветерок уничтожает это молодое одинокое деревцо. Очень ясно выражено логическое заключение: люди сильны дружбой и согласием, птицы – своими могучими крыльями, а человек может быть спокоен и силен, находясь рядом со своим добрым соседом и быть опорой для своих братьев, иначе, как утверждает Крылов:

*... Не от тебя ль беда твоя?
Когда б, укрытое в лесу, ты возрасло,
Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли,
Тебя б старые деревья берегли;. [32, 90].*

Смысл этих строк в точности передаёт А.Дехоти:

*... Мусибатро, ки омад бар сарат, аз кардаи худ дон.
Даме, ки дар миёни ҷангали анбуҳ буди ту
Ба гармою ба сармо бегаму, андуҳ буди ту
Шимоли сахт бар суи ту кай меёфт роҳ осон?! [40, 9].*

*Горе и несчастье, постигшие тебя, исходят от тебя,
Когда ты был посреди лесной чащи.
Тебе были нипочем ни зной, ни холода,
И никогда сильные ветра не касались тебя. [40, с.9 дословный*

перевод с таджикского – Г.М.].

Смысл данной басни отражается и в русских народных пословицах:

*Кто сам не бережется, того не убережешь.
Что имеем не храним, потерявши плачем.*

Другой пример из басни “Кукушка и Орел”, в которой тоже говорится о сегодняшних проблемах. Действительно, если каждый найдет свое место в обществе и будет знать свое соответствующее положение, то его не постигнет горе:

Царь птиц Орел сказал Кукушке;

...- я царь, но я не бог,

Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.

Кукушку Соловьём честить я мог заставить;

Но сделать Соловьём Кукушку я не мог [35, 198].

Переводы басен Крылова на таджикский язык начали публиковаться с 30-40-х годов XX столетия, принеся большую известность своему автору. Их вклад, внесенный в формирование детской и подростковой литературы огромен, тем более что тогда еще не было детской национальной литературы. Наряду с другими детскими произведениями русских литераторов, таких как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тургенев, Чехов, Лев Толстой, в таджикские дома вошли басни Крылова: «Осел и Соловей», «Лебедь, Щука и Рак», «Две бочки», «Крестьянин и Смерть», «Волк и Ягненок», «Мартышка и Очки», «Волк и Журавль» и многие другие.

В 1944 году государственным издательством Таджикистана были изданы «Избранные басни» («Масалҳои мунтахаб») Крылова с иллюстрациями тиражом в 10000 экземпляров. Дж. Сухайли, К. Улугзаде, М. Аминзода, А. Дехоти, М. Миршакар, Б. Сирус, Бехзод перевели 34 басни Крылова на таджикский язык. В результате «Лебедь, Щука и Рак», «Волк и Ягненок», «Мартышка и Очки», и его Лебеди, Соловьи, Слоны, Львы, Лисицы, Орлы переселились на юг Азии и были тепло и радушно встречены в каждом доме. И только тогда мы поняли, что хотел сказать А. Дехоти в басне «Ду бочка» («Две Бочки»):

...Бувад андешааш маҳкам ҳамон шахс,

Ки бе завго намояд кор беҳтар. [40, 10].

*Только у того будет разумное решение,
Кто наладит все дела без крика и шума* [40, с. 10. перевод с таджикского – Г.М.].

Только тогда было прочувствовано значение народной мудрости – «Пока корни во влаге, есть надежда», которая связана с другой басней И.А. Крылова «Листы и Корни»:

*А если корень иссушится, –
Не станет ни дерева, ни вас* [40, с. 11.].

Перевод А. Дехоти:

*Решаҳо хушкӯ шах шаванд агар –
На дарахте бимонаду на шумо.* [40 .9].

После понадобилось еще 35 лет, чтобы издать очередную книгу И.А.Крылова на таджикском языке. В 1977 году издательством «Маориф» было опубликовано еще 34 басни Крылова под названием «Мартышка и Очки» для детей младшего школьного возраста. Яркая, иллюстрированная книжка тиражом 50000, с новейшими переводами Б. Фируза, Х. Рахмата. Особенно хотелось бы отметить 11 переводов, сделанных Х. Рахматом. Так как именно благодаря этим переводам ребята стали свидетелями того, что если два человека подружатся, то со всеми трудностями они справятся, однако несогласие и раздор могут быть причиной всех несчастий и бед («Лебедь, Щука и Рак», «Раздел»).

И.А.Крылов написал несколько басен, в которых показал, какой может произойти вред, даже несчастье, когда люди начнут злоупотреблять такими качествами, как согласие, товарищество, единство. Например, басня «Лебедь, Щука и Рак»:

*Когда в товарищах соглася нет,
На лад их дело не пойдет...* [34, 24].

Выдающийся детский поэт Дж. Сухайли с переводом басни «Лебедь, Щука и Рак» предостерегает:

«Чу созиш нест дар байни рафиқон,

Наёбад кори онҳо ҳеҷ сомон.

Шаввад аз он кулфат фаровон» [31, 8].

То есть переводчик хочет сказать:

«Если между товарищами нет согласия,

Никогда в их делах не будет конца,

Наоборот, от них много бед и страданий» [31, 8 - Перевод с таджикского – Г.М.].

В данных строках переводчик стремится не «копировать» текст оригинала, а ещё больше поднимает его эмоциональную окраску, которая никак не может повредить содержанию текста-оригинала, и при этом пытается компенсировать все элементы текста-оригинала.

Как известно, И.А. Крылов в своих баснях показывает лезть, высокомерие, невежество и дурь («Мартышка и Очки», «Соловей и Осел»), высмеивает эгоизм и честолюбие («Кукушка и Петух», «Волк и Ягненок») и выступает против несправедливости и вероломства. Он открыто говорит о человеческих пороках и общественных недостатках царской России («Танец Щуки», «Крестьянин и Река», «Дворянин»). Поэзия и драматургия Ивана Андреевича Крылова являются плодом простого народа – творца, его можно поставить рядом с наследием А.Рудаки. Известный и понятный всем читательским кругам и театральным зрителям, стиль И.А. Крылова и народность его творчества отмечается и современными критиками этого известного сатирика и будущими наследниками этого духовного богатства не только в России, но и во всех уголках мира.

Как отмечает Белинский: «Крылов больше остальных наших писателей достоин высокого звания народного поэта, которого еще никто не удостоился на русской земле. Как только на Руси все будут грамотными, Крылов будет таким народным поэтом. Кроме того, Крылов открывает дорогу другим поэтам для народности» [165].

В свое время русские критики правильно отмечали, что Крылов вывел литературу «из дворянского двора на многолюдные площади». Во всех случаях помощником и спутником писателя были юмор, смех, высмеивание, шутки и прибаутки. Смех сквозь слезы и смешной плач изначально были лучшим выражением его критики и метких шуток.

И.А. Крылов, кроме басен, писал и комедии, и трагедии, тоже способствовали искоренению человеческих пороков и общественных недостатков.

В своем вступительном слове в журнале «Зритель», учредителем которого он был сам в 1792 году, И.А. Крылов писал, что писатель имеет право и обязан показать пороки во всем их безобразии, чтобы каждый презирал их, однако изображать добро и добродетель таким образом, чтобы читатель любил их и сделал их спутником своей жизни.

Действительно, басня, или иносказание, в Восточной литературе принадлежит народу. Народ знает, как с помощью басен, притч высказать свое мнение, рассказать о своей боли, выразить свое недовольство по отношению к несправедливости, злу. «Невозможно критиковать иносказание, придирается к нему –, говорил И.Ильинский. – Оно сильно кусается, но его кусать невозможно, оно не даст этого сделать. Ведь как можно поймать иносказание или кусать его?!»

Для передачи собственных мыслей Крылову на помощь пришли аллегорические образы животных, чтобы под маской животных, которые не ограничиваются только непосредственными традиционными качествами (Осел-глупость, Лиса-хитрость, Заяц-трусость), раскрыть много загадок, показать пороки, недостатки людей. С их помощью легко разрешаются многие жизненные вопросы, раскрываются живые, реальные характеры людей, их стремления, поведение. Однако не каждому литератору или писателю удастся сделать это, довести до художественного выражения.

Необходимо отметить, что И.А.Крылову удалось достичь высоких творческих вершин в этом поприще. Что же его заставляло его писать басни?

Наставником Крылова была сама жизнь. Бытовые обстоятельства жизни стали причиной сочинения басен поэтом. Оставшись сиротой десятилетним мальчиком (1778), он вошел во взрослую жизнь. Вдова А. П. Крылова заботилась о семье, она вынуждена была зарабатывать себе на хлеб насущный богослужениями в богатых семьях, чтением псалмов по усопшим. Мальчик-подросток идентифицировался как «младший офисный клерк» в том же губернаторском совете, где служил его отец. С юных лет Крылов познакомился с обычаями губернских канцелярий, с казнокрадством и вопиющими злоупотреблениями чиновников, столь ненавистными народу. К сожалению, он попался под начало глупого и жестокого «попутчика», который запрещал ему даже читать книги, до которых Крылов был большой охотник. Все это и привело Крылова к написанию басен. Они служили для него как бы прикрытием, потому что открыто выражать свое отношение и высказать свои мысли во все времена было непозволительно.

Исторический период, в течении которого Крылов идейно и творчески совершенствовался, совпал по времени с крестьянским восстанием под предводительством Емельяна Пугачева. Напуганная размахом этого события, императрица Екатерина II, отрешившись от статуса «Просвещенного монарха», ответила жесткими репрессиями по отношению к восставшим, и как следствие таких мер стало концентрация политической реакции, направленной против любого свободомыслия. Крестьянская война 1773-1775 годов не могла не привлечь внимание русской общественности в лице ее лучших представителей, особенно просветителей и литераторов. Радищев, Фонвизин, Новиков, несмотря на ужесточение цензуры, считали своим долгом – гражданским и человеческим – выступить в защиту угнетенного народа. К ним принадлежал и Крылов, навсегда сохранивший ненависть к крепостническим верхам и горячую любовь к простому народу.

Как было сказано выше, Крылов не только писал басни, но и в других жанрах литературы имел большой успех.

После глубокого разочарования в возможности увидеть свои запрещенные пьесы на сцене (по мотивам, которые видимо, испугали царскую цензуру), Крылов оставляет театральную работу и уходит в журнальную деятельность. С 1788 года начинает сотрудничать в журнале И.Г. Рахманинова «Утренние часы». Литературная и журнальная деятельность писателя в эти годы необычайно разнообразна. Он параллельно выступает и в качестве лирического поэта, и как сатирик, и как журналист.

Именно в журнале «Утренняя заря» Крылов анонимно опубликовал свои первые басни («Стыдливый Игрок», «Павлин и Соловей» и некоторые другие), которые впоследствии никогда не перепечатывал. Причиной этого скорее всего стала острота содержания басен, что стало препятствием для печати. Редактор и издатель журнала «Утренние часы», переводчик Иван Герасимович Рахманинов был близок к радикально настроенной в то время интеллигенции, группирующейся вокруг Радищева. Знакомство с Рахманиновым сказалось и в издании журнала «Почта духов» (1789г), который являлся прямым преемником изданий Новикова – «Трутень» и «Живописец».

Дидактическое начало, свойственное просветительскому реализму, определяет и былинное творчество Крылова, поучительность его басен. Оно неотделимо от сатирической направленности в изображении басенных героев, основа чему была положена уже в журнальной прозе Крылова. В фельетонах «Почти духов» были заложены многие сатирические мотивы и сюжеты басен.

Крылов остро критикует и выводит на чистую воду деспотизм и попустительство представителей власти. Он выражает свой протест, говоря: «Кто дал право человеку убивать миллион подобных себя людей для удовлетворения своих пристрастий?», выступает за прекращение войн, в последствии которых люди лишаются имущества и остаются ни с чем в угоду безнравственных людей, в чьих интересах только личная слава и выгода.

Декабрист Завалишин свидетельствует: «...ни один революционер не придумывал никогда злее и язвительнее сатиры на правительство. Всё и все были беспощадно осмеяны, начиная с главы государства до государственных учреждений и негласных советников» [38, 7].

В то время политическая атмосфера в стране становилась все более настороженной. На нее влияли и внутренние причины, и происшествия Французской революции. Нужно отметить, что правительство настороженно следило за печатью, Новиков томился в Шлиссельбургской крепости, в далекую Сибирь был сослан Радищев и, естественно, репрессии коснулись и Крылова, и его друзей.

Со смертью Екатерины II реакционная направленность внутренней политики не ослабла, наоборот – с восшествием на престол сына императрицы, Павла I, ещё больше усилилась. Окружив себя свитой из немцев, новый властитель мало того, что не прекратил ущемлять свободу слова, но еще и приказал запретить употреблять слова на подобии «гражданин», «отечество». Приостановил работы издательств, велел контролировать все, что выходит в печать, все это не могло не повлиять на Крылова.

В 1802 году в Петербурге вышло второе издание «Почти духов», а также была поставлена комедия «Пирог». Вскоре Крылов вышел в отставку и уехал в Москву. В январском номере журнала «Московский зритель» (1806 году) Крылов напечатал свои первые басни, которые определили его дальнейший творческий путь. В 1806 году Крылов возвращается в Петербург, в котором и прожил все последующие годы.

С возвращением в Петербург жизнь Крылова, наполненная беспокойными событиями молодости, входит в однообразное и мирное русло. В его жизни начинается активная литературная деятельность. Он становится членом литературных и научных обществ, близко знакомится с виднейшими писателями того времени.

Весьма уважительные взаимоотношения Крылова с Н. И. Гнедичем, который перевел поэму «Илиада» также заслуживают нашего к ним внимания.

В 1808 году Крылов принимает деятельное участие в работе театрального журнала «Драматический вестник».

Либеральные дуновения при царствовании Александра I при всей их кратковременности и демографическом характере дали возможность Крылову вновь вернуться к литературной деятельности. Параллельно с баснями в 1806-1807 годах он пишет 2 комедии – «Модная лавка» и «Урок дочкам». Данные драматические произведения, имевшее триумфальный успех в то время, были проникнуты истинный патриотическим духом, который в русском обществе способствовал воспитанию любви и уважения к своей культуре.

Пьесы «Модная лавка» и «Урок дочкам» отличались от других пьес Крылова. В них характеры персонажей более реалистичные, жизненные. Все герои: Сумбуров, его жена, служанка Маша, которые изображены с настоящим юмором, наделены живыми чертами характера. Его комедии из-за выразительной разговорной речи, точной, остроумной характеристики, комизма до сих пор являются несравнимыми.

Следует особо отметить характерную черту произведений Крылова – противопоставление представителей высшего и низшего общества, их чувств и поступков, где противопоставляется естественное чувство слуг глупому чувству господ.

Действительно, комедии Крылова, которые не сходили со сцены до сороковых годов XIX века, да и после пользовались огромным успехом, однако естественную всенародную славу принесли ему не комедии, а именно басни, потому что темы басен, в которых изображается естественный быт, были близки народу.

Первая книга басен Крылова выходит в начале 1809 года. Начиная с этого времени Крылов всю свою силу и талант направляет на творчество басен.

В 1811 году Крылов избран членом кружка «Беседы любителей русского слова», где были объединены писатели старшего поколения. И тут писатель проявляет оттенки иронии в отношении так называемых «шишек» кружка, также в басне «Демьянова уха» его колкие насмешки были посвящены поэтам с сильно развитым самомнением, придерживающихся изживших себя литературных традиций.

С помощью А. Н. Оленина в 1812 году Крылов поступил на службу в только что основанную Публичную библиотеку. За время работы он проявил себя как активный организатор русского отдела библиотеки.

Теперь Крылов меняет «литературный облик» он не дерзкий бунтарь, который задевал стрелами сатиры саму императрицу. Он прослыл чудачком и ленивцем, качествами, ставшими для него маской. Такой «почёт» помог ему замаскироваться от назойливого любопытства друзей и от подозрительности правительства, способствуя его свободе для осуществления его творческих замыслов.

«Человек, живущий в обществе, – писал Белинский, – зависит от него и в образе мыслей, и в образе своего действия...» [57, 31].

Иван Андреевич Крылов был смелый и отзывчивый в молодые годы, смело нападавший в своих дневниках на крепостные порядки и бесправие в царствование Екатерины II. О баснях Крылова В. Жуковский говорил следующее: «Поэтические уроки мудрости», «которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нём своей силы и свежести: ибо они обратились в народные пословицы и живут с народами и их переживают».

В 1841 году на 72 году жизни Крылов после тридцатилетней службы в Публичной библиотеке подал в отставку. Поселился в тихой квартире на Васильевском острове и в 1843г он подготовил к печати полное собрание своих басен.

Когда спросили у Крылова, почему он пишет именно басни, тот ответил: «Этот род понятен каждому; его читают и слуги, и дети». Имея прочную традицию в русской литературе, басня являлась жанром, особенно близким к народному творчеству. Её простота с народными пословицами и поговорками и яркость образов, рассудительность ее морали – всё это делало басню особенно любимой народом. На первый взгляд басенный жанр не вызывает особого внимания, но именно басни метко поражает язвы и безобразия общества, в том числе и господствующего аппарата.

В баснях Крылова применена система острых намёков, иносказаний, которая обычно называется «эзоповским языком», которая служит прикрытием сарказма.

Когда мы заглядываем в животный мир Крылова, мы отчетливо понимаем, что басенные Овцы и Волки, Ослы и Лисицы вовсе не отвлеченные аллегории и не сказочные звери, а реальные персонажи из истории. Сатирический намек в творчестве баснописца часто во многом шире, чем фактические обстоятельства, послужившие толчком для создания той или иной басни. Именно в этом заложено долголетие крыловской сатиры.

Несомненно, Крылов был на стороне подавленного народа. Был единомышленником, который выступал всегда против ущемлений прав бедных граждан и жестоких расправ властвующих лиц. В басне «Волк и Ягненок» он прямо говорит:

«У сильного всегда бессильный виноват!» [34, 36].

Из-за голода и своей трусости ягненок попадает в когти Волка:

«Ах, я чем виноват?» – Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!»[34, 36].

Образ ягненка в данной басне олицетворяет угнетение народа со стороны несправедливого порядка. Данную тему Крылов раскрывал и в других баснях («Волки и Овцы», «Крестьяне и Река», «Пестрые Овцы» и другие). Однако едко высмеивая беззаконие, дикость всего строя,

способствующего угнетению народа, писатель не видит выхода из создавшего положения, считая, что открытый протест невозможен и бесцелен.

Автор понимает, что несправедливость и беззаконие являются не только результатом «деморализации» нравов, но и всей политической системы, возглавляемой самим царём. У Крылова немало резких и смелых басен о царе-Леве, очевидно указывающих на деятельность самого правителя. Явным примером этому послужила басня «Рыбья пляска», где царь Лев лично проверяет правдивость жалоб, поступивших от жителей его владения:

*«От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев, вышед из терпенья*

Пустился сам свои осматривать владенья» [35, 192].

В лесу он сталкивается с охотником, который на костре собирается сварить рыбу и на вопрос царя зверей о том, что он делает, мужик отвечает:

*«Всесильный царь!» – сказал Мужик, оторопев, –
«Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, все жители воды;
Мы собрались сюды*

Поздравить здесь тебя с твоим приходом» [35, 192].

Услышав льстивую речь старосты, царь настолько убоготворяется, что даже не замечает, что рыбы на огне извиваются от боли. При этом царь-Лев вовсе не осуждает поступки старосты, его злоупотребление властью, по своему расправляющегося с «водяным народом», абсолютно доверяя лживой речи старосты, возносящего свои «хлопоты» о потребности простого народа. Староста нагло заявляет, что рыбы радуются и танцуют («от радости, тебя увидя, пляшут!»). В конце Лев, от радости «лизнув» старосту милостиво в грудь, отправляется в дальнейшей путь». Крылов резко высмеивает самого Александра II, любителя путешествовать по России, так же слепо

доверяющего своим «депутатам» (в первую очередь Аракчееву), что послужило причиной запрещения басни со стороны правительства. Баснописец был вынужден коренным образом переделать тексты, описывая Льва справедливым правителем, попечителем простого народа. Автор хотел показать, что любой правитель опирается на своих ставленников и равнодушен к страданиям и мучениям народа. Все же он надеется, что правитель изменится (Кайб) и прислушается к народу...

За аллегорическими образами животных скрываются представители определенной социальной группы, возьмем к примеру Льва, короля джунглей, и непременно лидер; Лису, Волка и Медведя – высокопоставленные лица; также в образе рабочего класса людей, не имеющих никаких важных должностей автор представляет нам Лягушку, Муравья и Ягнёнка.

Читая отрывки из басни Крылова, где он описывает характерные особенности зверя, нам явно вспоминаются некоторые типы людей из жизни, в этом и состояла цель автора при проведении такой аналогии. Ярко выраженная аналогия представляется в басне «Воспитание Льва». Крылов составил полный иронии сюжет, в котором царя всея Руси олицетворяет Лев, абсолютно не имеющий никакого представления о воспитании и о том, как научить будущего престолонаследника править государством, ибо сам таки в этом деле не горазд. Лев поручает это дело чужеземцу, впоследствии чего сын становится таким же отреченным от родной культуры. Здесь Крылов целенаправленно использует такие сравнения, ссылаясь на исторический образ Александра I.

В своих баснях Крылов, иронизируя, перечисляет все «положительные» черты правителей.

В басне «Пестрые Овцы» Крылов с не менее язвительной иронией изобразил того же Александра I, раскрыв лицемерие и притворство правителя, ехидно и бездушно расправляющегося с вольнодумцами», в то время как двулично выражающего свое сопереживание к судьбе своих же

поданных! Басня «Пестрые Овцы» из-за политического характера при жизни Крылова не была напечатана.

Будучи просветителем Крылов раскрывает деспотизм и своеобразие «монарха» и его приближенных, Крылов восставал против царского строя, думая, что просвещенный правитель может своим здравым поведением, мудрой дидактикой изменить общество, погрязшее в несправедливости и беззаконии. Политика Крылова – воспитание посредством просвещения.

Истинное отношение Крылова к власти выражается в басне «Лягушки, просящие Царя». В ней автор высказал свой глубокий скептицизм по отношению к царской власти и к возможности политических перемен.

Лягушки, просящие царя о смене правителя, с каждым разом всё больше разочаровывались. Ниспосланный Юпитером Царь-чурбан вскоре надоел лягушкам своей покорностью, и они вновь стали просить царя о другом правителе. Новоизбранный Царь-Журавль оказался слишком крут, он стал поедать всех подряд:

*«Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест, а на суде его
Нет правых никого;»* [32, 46].

На новые жалобы лягушек, просящих о спасении от такого царя, Юпитер отвечает:

*«... Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? -так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан-так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже».* [32, 49].

Вывод – безнадежен. Мораль – разочарование в возможности улучшения системы власти. Сюжет взят из басни Лафонтена, под тем же названием («Восходящий к басне Эзопа») [63, 30]., однако Крылов заострил его рядом деталей, показывающих поведение Царя и его подданных. Таков печальный взгляд Крылова на вероятность политических перемен.

Как мы видим, в баснях Крылова человек и животные живут и действуют в одном пространстве и единой среде мира сказок, говорят на одном языке и хорошо понимают друг друга. Человек и животное одинаково думают, и у них одинаковая хитрость, они могут обмануть друг друга, хотя и способны сочувствовать друг другу. Нетрудно заметить, что они одинаково высмеиваются и, в свою очередь, другие посмеиваются над ними.

Иначе говоря, в баснях Крылова необходимо вместе увидеть человеческий фактор и признаки животных и растений. Если в большей степени подчеркивать признаки природы животных, то возможно исчезновение факта человеческой психологии, и, наоборот, если придавать слишком большое значение человеческому фактору или образ человека, изображенного в басне, не очень яркий и не привлекательный и близок к животным, действующим в басне, то исчезают индивидуальные особенности басен И. А. Крылова.

Прошло много лет с того дня, как басни Крылова стали любимыми для таджикского народа. За это время из 236 его басен переведено на таджикский язык всего 88, 49 из которых принадлежит Х. Рахмату, 15 – А. Дехоти, 12 – Дж. Сухайли и К. Улугзаде, 2 – Б. Фируза, 2 – Сируса, 4 – М. Миршакар, 4 – М. Аминзода. Можно сказать, что его популярность все еще растет, так как, по нашему мнению, ни один из русских или других баснописцев этого жанра не могут достичь его уровня. Некоторые произведения Эзопа были переведены на таджикский язык, таджикские классические иносказания опубликованы из отдельных сказок и наставлений отдельными книгами на кириллице и арабско-персидской графике, многие русские баснописцы, такие как Д. Бедный и С. Михалков, были представлены на этой сцене, однако никто не мог занять место Крылова. В мире, где полно львов, слонов, волков, лисиц, мартышек, кукушек, уток, лебедей, Крылов-человек чувствует себя радостным и неповторимым. Вместе с его героями задумываешься над пороками и недостатками и спешишь исправлять и ликвидировать их. Такое счастье удастся не каждому.

Это реальная действительность, которая не требует доказательства: они произведения русской литературы! Однако природа и логика развития человеческого общества и общечеловеческой цивилизации таковы, что если, один народ у другого народа, одно общество у другого общества не будет изучать опыт, то не будет прогресса, развития и погибнут все ценности. Мир и человек в нем существует с развитием эстетических традиций и опыта, и духовное богатство не может ограничиваться в рамках одной страны и одного народа, одного периода, одного региона. Если сказать конкретнее, то благодаря басням Крылова сегодня мы более осознанно проникаем в национальное самосознание, а завтра другой народ или другая нация будет использовать наш опыт по самопознанию и мировоззрению.

Итак, в этом мире все в движении, говорил Рудаки (Хама гашту гардон буд). Тогда, если скажем, что басни И.А. Крылова наряду с изречениями, наставлениями Рудаки и Саади, героическими поэмами “Шахнаме” и лирикой Джамии, чудными сказками Пушкина и психологическими рассказами А.П. Чехова в 30-ые годы, входя в литературную и воспитательную среду Таджикистана, вносят достойный вклад в учебную работу и общую грамотность населения по сей день. Басни Крылова являются не только показателем русского быта и русской культуры, но всенародными. Признавать литературное наследие Крылова и в особенности его басни только явлением русской культуры было бы недостаточным, так как в баснописании, как уже было отмечено, Крылов опирается на два великих источника. Один из них – европейская традиция баснописания, которая берет свое начало из Древней Греции [44, 145], а другой – французский. Но басни Крылова смело можно считать оригинальными, русскими. Аллегорические образы животных, создаваемые Крыловым без сомнения, указывают на русское народное творчество.

Исходя из всего, следует отметить, что проблема переводов исследована в таджикской науке достаточно хорошо. Но изучение особенностей переводов произведений И. А. Крылова до настоящего времени

не стало объектом отдельного монографического исследования и анализа в целом.

Актуальнейшим вопросом в литературоведении стало взаимодействие литератур посредством раскрытия, и детального изучения творческого пути разных писателей и деятелей культуры, также, в основном акцентируется внимание на влияние русских поэтов на всемирную литературу.

В настоящее время вопросы, связанные с литературными взаимовлияниями, приобретают особую актуальность. Всеобщий и интернациональный характер литературы выражается, прежде всего, в том, что художественное творчество народов не может существовать изолированно, не влияя друг на друга – они были и находятся в неразрывном контакте. Следовательно, таджикско-российские литературные отношения являются естественным продуктом общего мирового литературного процесса.

В основном проникновение в литературу другого народа происходит благодаря литературным переводам. Своей индивидуальной особенностью рассмотрения и решения различных вопросов в лингвистике, философии, педагогике и других похожих сферах науки, художественный перевод весьма востребован. Способствующие тому являются заимствованные из одной дисциплины в другую навыки и нововведения. В том числе художественный перевод помогает всем народам мира глубже вникнуть и расширить представления о жизни чужой культуры.

Особое место в этом отношении занимает изучение переводов произведений И. А. Крылова на таджикский язык.

Изучая русский язык в таджикских средних общеобразовательных учреждениях, дети с первого класса знакомятся с произведениями И.А. Крылова и с лёгкостью вникают в воспитательную суть его басен, которые интересны по сюжету, затрагивают душу и заставляют задумываться. Значение басен Крылова в таджикском литературоведении ничуть не ниже

схожих литературных жанров восточных произведений (тамсилы, пословицы и поговорки).

Как было отмечено ранее, с творчеством Крылова таджикский читатель знакомится еще в дошкольном возрасте, в воспитательных детских учреждениях, а в средней школе, начиная с первого класса. Учитывая возраст слушателей, в наших детских садах не дается информация о биографии писателя. «С детства мы очарованы его смешными мартышками, медведями, воронами, лисицами» [120, 30], (как, например, в басне «Стрекоза и Муравей», с которой дети знакомятся в дошкольных учреждениях и в начальных классах, и которая воспринимается детьми с большим интересом). В данном случае происходит не только знакомство с «Дедушкой Крыловым», (так, выражая свою любовь и уважение, называют баснописца дети) но и используется данная басня в качестве воспитательной цели. Ребенок, только начинающий познавать окружающий мир знакомится с непростыми обстоятельствами жизни. Муравей в басне символизирует трудолюбие, не удивительно, что этот род славится своей работоспособностью среди насекомых, которые всегда трудятся. Стрекоза – абсолютная антипод Муравья, ассоциирующая легкомыслие и лень. С помощью этой басни опытный педагог у ребенка начинает прививать любовь к труду и неприязнь к лени, используя крылатое выражение *«Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела...»* или же фразеологизмов из басни: *«И под каждым ей кустом был готов и стол, и дом, Ты все пела? это дело: так поди же, попляши!»*

Каждый из нас помнит работягу-муравья; ленивую стрекозу; хитрую, коварную лису; глупую ворону; маленького жалкого ягненка; жестокого волка; мудрую змею; мартышку – непоседу, проказницу; неуклюжего мишку; горделивого и в то же время глупого осла и тд. Ещё больше запомнились те аллегорические образы животных, которые читались «по голосам». А какие впечатления оставляют мультипликационные фильмы снятые по мотивам басен. По сценариям Ю. Михайлова, А. Шершурина, С. Бялковской, А. Сазонова и многих других дети впервые с экрана телевизора знакомятся с

героями басен. После их просмотра запоминаются действия и голоса животных; отчаянной вороны, громкий голос петуха и кукушки, квартет животных, которые непременно вызывают смех и радость. Сценаристами на первый план выдвигается поучительность, т.е. мораль басен.

Нами были проанализированы уроки русского языка и литературы в средних общеобразовательных школах №56 и №78 г. Душанбе. Проведенный анализ показывает, что творчество писателя с большим интересом воспринимается учащимися.

В данных общеобразовательных школах Таджикистана ученики знакомятся только с баснями Крылова «Стрекоза и Муравей», «Мартышка и Очки» и «Слон и Моська», которые изучают еще в начальной школе. В 5 классе 1 час отводится на изучение творчества Крылова и 4 часа на басни «Волк на псарне», «Ворона и Лисица» и «Свинья под Дубом». В 6 классе 1 час отводится на жизнь и творчество поэта 3 часа - на басни «Лягушки, просящие царя» и «Обоз». В 10 классе подробно изучается жизнь и творчество баснописца, на что отводится 1 час, 1 час – на аллегорические образы в баснях и 2 часа - «Волк на псарне». Они легки в восприятии и помогают детям усвоить важные жизненные уроки: быть трудолюбивым, добрым, отзывчивым, ответственным, вежливым – именно этому учат первые басни Крылова. Взрослым эти произведения будут также полезны, ведь никогда не поздно пересмотреть свои жизненные ценности и позиции. На баснях Крылова воспитывалось несколько поколений. Каждый раз, сталкиваясь с его баснями, мы все глубже вникаемся в житейские вопросы. Они учат нас делать правильный выбор, реально смотреть на обстоятельства жизни и людей. Большое значение басен Крылова в том, что они имеют высокую воспитательную цель.

Уроки литературы в данных школах начинаются со словарной работы. В баснях Крылова в основном употребляются общеупотребительные слова, нечасто поэт пользовался словами, недоступными читателям среднего школьного возраста. Все же при изучении его басен, учащимся приходится

сталкиваться с такими трудными словами, как: эзопов язык, мораль, аллегория.

В школах с таджикским языком обучения учитель часто использует метод перевода новых слов на родной язык. Но особый подход требуют собственные имена, которые не переводятся, для этого требуется дополнительное разъяснение этих слов или же, если уместно, путем подбора синонимов на родном и русском языках. (Мохишурбои Демьян – Демьяново ухо).

Вслед за словарной работой учитель переходит к беседе, а затем к рассказам о баснописцах. Каждая басня Крылова – это повествование из прошлого, многое из которых связано с историческими событиями, и, естественно, для этого требуется дополнительная работа. На помощь приходит самостоятельная работа с учащимися. Рассказы учащиеся готовят с помощью учителя, причем о Крылове готовят сообщения по материалам статей учебника и из книг, которые учащимся удалось достать самостоятельно (в старших классах). Некоторым ученикам учитель дает индивидуальные задания по принципу очередности: на предыдущем уроке одни учащиеся рассказывали о сказке, пословицах, загадках; на следующем уроке другие учащиеся расскажут о баснописцах, баснях. Важно, чтобы каждый ученик имел возможность выступить с сообщением на уроках развития речи.

Учитель рассказывает учащимся об истории жанра басни, сравнивает басни Крылова с баснями Эзопа («Ворон и Лисица»), Лафонтена, выявляя в чем проявляется сходства, в чем разница, умело используя переводы басен на таджикский язык.

При изучении любого материала ученики должны хорошо представлять себе, какой поистине неиссякаемый интерес проявляют русские поэты и писатели к их национальной литературе, как высоко оценивают они поэтичность их народа, любовь к поэзии... [47, 55].

Нужно подчеркнуть, что правильно подобранный метод учителя имеет большое значение в передаче нового материала, учитель и только учитель может вызвать любовь и интерес к неродной литературе.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод что очень мало часов отводится на уроки русского языка и литературы в средних школах Таджикистана, которые не могут отвечать современным требованиям системы образования и особенно умственного развития подрастающего поколения.

Следует отметить, что в вузах Таджикистана для самостоятельной работы студентов, с целью развития устной речи было включено в программу изучение басен Крылова и их аналогов в таджикском литературоведении. Например, преподаватели русского языка в Таджикском аграрном университете имени Шириншоха Шохтемура, Таджикском государственном институте культуры и искусств имени М. Турсунзаде широко используют басни на уроках СРСП по русскому языку.

В преподавании неродного языка, в соответствии с современными требованиями, особый упор делается на культурологические аспекты, на обращение к истории, традициям и обычаям, культуре страны изучаемого языка... [136, 61]. В этом нам на помощь могут прийти именно басни И.А. Крылова, в которых охвачены все культурологические аспекты.

В Таджикистане русский язык не имеет статуса национального языка, он остается языком межнационального общения (2007). Как нами было отмечено, к сожалению, после распада СССР с приобретением независимости часы русского языка и литературы в средних школах Таджикистана не соответствуют умственному развитию молодежи. Почти во всех школах страны наблюдается нехватка высококвалифицированных учителей русского языка и литературы, особенно в сельских. Вузы Таджикистана сотнями выпускают филологов-преподавателей, учителей русского языка и литературы, но, к сожалению, многие из них не доходят до

ворот школ, хотя остро ощущается необходимость в хорошем знании русского языка.

Как отметила в интервью Русецкая Маргарита, преподаватель из РФ в Таджикистане: «Все определяет мотивация, которая помогает преодолевать все трудности. У Таджикистана очень высокая мотивация в изучении русского языка».

Хорошо известно, что знание русского языка – это дополнительные возможности для поступления в вузы, трудоустройства, конкурентоспособности на рынке труда и т.д. и без сомнения, в этом большую роль играет программа совершенствования русского и английского языков в Республике Таджикистан на 2015-2020 годы.

В конечном итоге на основе всего вышесказанного, можно сделать следующий вывод: было бы желательно, чтобы МО РТ пересмотрело учебные программы по русскому языку и литературе в средних общеобразовательных школах Республики Таджикистан с учетом, как уровня знаний учащихся, так и современных требований общества.

2.3. Особенности перевода произведений И. Крылова на таджикский язык.

Размышляя философски, невольно возникает вопрос, в чем особенность перевода басен Крылова? Особенность в том, что они легко проникают в национальный разум, для них не существует какого-то социального расового барьера. На какой бы язык они ни переводились, они принадлежат Крылову-мастеру иносказания. В переведенных текстах, естественно, речь об авторе не идет, но читатель с легкостью понимает, чьи это мысли, слова, юмор, сатира, намеки и т.д. Работа переводчиков-таджиков в этой области ничуть не хуже работы других: как бы ни переводились тексты, но допущенные неточности, можно сказать, минимальные, которые никак не могли повредить оригиналу.

Роль перевода произведений И. А. Крылова в таджикском литературоведении огромна. Это наблюдается в каждом сюжете басни, в личности каждого героя, в привычках и характере персонажей, созданных Иваном Андреевичем Крыловым. Таджикское литературоведение рассматривает три основных аспекта творчества поэта, имеющих связь с литературой Востока: во-первых, влияние восточного колорита на русское литературоведение; во-вторых, точку зрения писателей и поэтов на влияние таджикских литературных произведений на русскую поэзию; в-третьих, сходные элементы привычек литературных героев русских и таджикских поучительных произведений.

На протяжении полутора веков басни Крылова пользуются признанием со стороны всё новых и новых поколений читателей. Гоголь крыловские басни называл «Книгой мудрости самого народа», в которых, как в бесценной сокровищнице, хранится народная мудрость пословиц и поговорок и где особенно отражается богатство и красота русской речи.

Крылов - творец чудесных басен, которые знает и стар и млад. Его профессионализм и талант, следует отметить, произвел глубокое влияние на различные жанры и поджанры русской литературы. Сам Крылов был

многогранной личностью: писал, как и полные иронии сатиры, так и нежные сентиментальные лирические произведения.

Н.А. Добролюбов очень тонко подметил: «Понять истину может всякий умный человек, стремиться к добру должен и хочет каждый человек, не лишенный благородства души. Но сильно почувствовать и правду, и добро, найти в них жизнь и красоту, представить их в прекрасных и определенных образах – это может только поэт и вообще художник» [42, 30].

Перевод – это тоже своего рода творчество. Он никогда не был занятием и не может им быть. В прошлом наши выдающиеся литераторы переводили понравившиеся им произведения или всем известные и любимые произведения. Еще с древних времен там, где сохранились на стенах пещер и камнях записи (надписи), видны признаки перевода, как например, «Катибаи бесутун», запись которая сохранилась на трех языках с эпохи Хахаманидов. Можно привести еще много фактов, но достаточно будет упомянуть «Калилу и Димну», переведенную в стихотворной форме устом Рудаки; также переводы Садриддина Айни, который писал на двух языках – таджикском и узбекском. Переведенный С. Айни роман Фердинанда Дюнина с турецкого на таджикский свидетельствует о высоком мастерстве переводчика. В свое время этот роман был переведён с турецкого на русский язык. После проведенного анализа ученые-исследователи пришли к выводу, что перевод Садриддина Айни превзошел турецкий.

В своих трудах Сохиб Табаров всегда так говорил о художественном переводе: «Произведения великого литератора одного народа должен переводить великий литератор другого народа». Как уже выше было сказано, от Рудаки до Айни переводом занимались Лохути, А. Дехоти, А. Шукухи, М. Турсунзаде, Сухайли, С. Улугзода, М. Аминзаде, Бозор Собир, Лоик Шерали и другие.

В развитии переводческой сферы в Таджикистане сыграл существенную роль переведенные стихи С. Есенина, которые стали настолько известны таджикскому читателю, что они знают наизусть десятки

его стихотворений, или же переводы стихотворений А. С. Пушкина, произведений Л.Н. Толстого и других. Все это свидетельствует о плодотворной работе таджикских переводчиков.

Во все времена перевод играл большую роль в развитии и совершенствовании литературы любого народа и народности. Поэму Мумина Каноата «Суруши Сталинград» перевел на русский язык Роберт Рождественский, поэму «За далью даль» Александра Твардовского перевел на таджикский язык Гаффор Мирзо. Произведения Чингиза Айтматова перевел Мумин Каноат. Каждая из этих работ оставила хорошие впечатления об авторе как представителе нации и её литературы. Литература является большой общественной силой. Общественное значение литературы - познавательно-воспитательное. И.В. Сталин подчёркивал: «Писатели - инженеры человеческих душ» [76, 56].

Крылов в течение 60 лет сочинял басни. Свои первые басни он написал в 1783 году, а последние в 1843. До того, как он начал писать басни, у него появился большой интерес к творчеству Лафонтена. В 1807 году Крылов перевел несколько басен Лафонтена и напечатал их в журнале «Московский зритель». А в свою очередь лафонтеновские басни впервые были изданы в 1668 году под названием «Басни Эзопа». Большинство своих сюжетов Лафонтен заимствовал у Эзопа, но изложил их на изящном французском языке, кроме этого он заключил их в стихотворную форму (до него басни писались в прозе, в том числе и басни Эзопа). Эзоп считается основателем этого жанра, но И.А.Крылов довел его до совершенства.

Тут было бы уместно говорить о «Бродячем сюжете», т.е. о совпадении сюжетов басен. Соответственно возникает вопрос: в чем причина их совпадения?

а) с развитием торговых отношений, путешествий по миру, личных связей сюжет перекочевал из города в город, из страны в страну, из века в век;

б) жизнь людей от природы очень похожа: проблемы, ситуации, возникающие в процессе жизни, повторяются.

Многие баснописцы пытались превзойти Крылова, но лишь в очень слабой степени смогли удовлетворить требования данного жанра. Именно язык - самая характерная черта таланта Крылова. Следовательно, Эзоп, Ж. Лафонтен, И.А. Крылов – это три великие вехи в развитии этого жанра.

Басни Крылова отличаются своеобразием и лаконичностью, в них затрагиваются самые актуальные проблемы общества, такие как бедность и богатство, доброта и жадность, пустословие, хвастовство – положительные и отрицательные черты характера человека, выраженные в основном в образах животных, птиц, рыб и т.д.

Сложно переоценить роль художественного перевода в формировании и развитии культурных связей, подчас противоречивая судьба литератур других народов ясно прослеживается в художественных переводах. По словам Г. Ломидзе, «соприкосновение культуры любого народа с национальными культурами других народов, перенятые их опыта, трансформация этого опыта соответствуют форме и связаны с его общенациональными традициями» [131, 15].

Поскольку при переводе очень редко воспроизводится как содержание, так и форма, оригинал текста не обходится без потерь. Существует мнение, что искусство поэтического перевода - это скорее искусство нести потери и допускать трансформации, а «абсолютный» перевод возможен только в исключительных случаях. Поэтому задача переводчика - стремиться свести потери к минимуму. Каждый переводчик, стараясь сохранить как форму, так и содержание переводимого текста, следовал своим собственным творческим принципам. И, пожалуй, нет другого вида литературной деятельности, который был бы так открыт критике, как литературный перевод. Любая критическая оценка может быть опровергнута другой критической оценкой точно так же, как любой перевод может быть «опровергнут» другим. Таким

образом, наш анализ перевода поэмы во многом условен и ни в коей мере не умаляет художественных достоинств изучаемых переводов.

В процессе перевода басен Крылова на таджикский язык был проведён сравнительный анализ нескольких переведенных текстов.

Так, например, басня «Кукушка и Петух», сочиненная Крыловым по конкретному поводу, который был известен только узкому кругу лиц. В сюжете этой басни изображались писатели Ф. Булгарин и Н. Грач, которые чрезмерно идеализировали и восхищались друг другом. Более подробно об этом описано в современнике, написанном Н. М. Калмыковым: «Лица сии в журналах тридцатых годов восхваляли друг-друга до забвения, или, как говорят, до бесчувствия. Объяснение это я слышал от самого И. А. Крылова» [66. столб. 1011].

*«За что же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку» [34, 37].*

В переводе М. Миршакара эти строки звучат следующим образом:

*«Аз чи куку хурусро таъриф мекунад?
Чунки уро хурус хам таъриф мекунад» [36, 65].*

Следует отметить, что данный художественный перевод осуществлен довольно искусно. В нем сохранены ясность мысли и простота изложения, характерная для творений И. Крылова, которые делают его басни доступными восприятию читателя. Поэт-переводчик сумел передать все тонкости произведения, однако такая важная деталь, как «не боясь греха», видимо, не поддавалась перу переводчика, то есть он не смог найти ей эквивалент в таджикском языке.

В следующем отрывке из перевода А. Дехоти «Ду бочка» («Две бочки») употреблён доступный литературный язык с малым использованием неперевоенных русских слов:

*«Равон буданд ду бочка: аз онхо
Яке холи, дигар пур буд зи вино» [36, 12].*

Сравним:

*«Две бочки ехали; одна с вином,
Другая
Пустая» [32, 141].*

Перевод, осуществлённый А. Дехоти, на наш взгляд, представляется не – удачным, потому что она ближе к дословному переводу. Здесь было бы удачнее, если бы перевод был смысловым. Кроме того, переводчик почему-то не решился вместо слова «вино» использовать, совершенно адекватное по смыслу и содержанию таджикское слово «май», кстати, очень часто употребляемое в рубайятах О. Хайяма[53].

Нужно отметить, что басня Крылова «Две Бочки» – верх совершенства басенного жанра. Вероятно, тут поэт-переводчик сохранил текст с оттенками оригинала, таким образом подчёркивая совершенство басни.

Формула «русский язык - второй родной язык нерусских народов» имеет не бытовое, и даже не узко лингвистическое содержание, а большой общественно-политический смысл [91, 139].

Другая версия – это влияние советского периода, когда переводчик никакого внимания не обращает на иноязычные слова, когда в то же время некоторые русские слова свободно употреблялись в таджикской речи.

Возможно, это связано с тем, что тогда русский язык был общим государственным языком в союзных республиках. Это касается слова «бочка», которое осталось непереуведенным, хотя в таджикском языке существует весьма адекватное слово «чалак» [4, 73].

Есть еще другая версия, вместо слова, «бочка» переводчик свободно мог бы употребить слово «хум», потому что и то, и другое является сосудом для жидкостей.

С учётом сказанного нами предлагается совершенно другой вариант художественного перевода этой части. Считаём необходимым отметить, что переводчику следовало бы также придерживаться формы оригинала и передать текст совершенно без окраски:

«Равон буданд ду чалак:

Яке бо маю, дигаре холи» (перевод Г.М).

Таковую же тождественность можно заметить у вышеуказанного автора в басне «Бочка». Непереведенными остались слова «бочка» и «вино».

Или же в басне «Квартет», слово – «музыка» (*музыка*), название басни «Музыканты» у М. Аминзода переводится, как «Музыкачиён». Причем автор, отказываясь от буквы «ы», свободно употребляет русские слова, адаптируя их таджикскому языку, хотя в русско-таджикском словаре слово «музыка» переведено, как «мусиқи» [4, 501].

В защиту автора можно сказать, что он старался сохранить простой русский климат, во-первых, а во-вторых, тогда, точнее в 80-е годы, когда был издан сборник, из-за статуса русского языка он не придавал непереведенным словам особого значения.

На наш взгляд, данные переводы считаются неудачными, потому что такого рода переведенные тексты искажают и родной язык, и текста-оригинала.

В следующем отрывке из басни «Свинья под Дубом» перевод, осуществлённый Бахромом Фирузом, близок к разговорной речи, и это способствует более точной передаче языковых оттенков текста оригинала:

«... «Ведь это дереву вредит,

Ей с Дубу ворон говорит: ...»

«... Гуфт бо ӯ зоге аз шохи дарахт:

- Ин чи кори кардагет, эй некбахт» [32, 34].

Такое же явление наблюдается в басне «Петух и Жемчужное зерно» в переводе А. Дехоти:

Невежи судят точно так:

В чем толку не поймут, то все у них пустяк [32, 68].

Сравним:

«Хамеша хукми чохибро чунин асту чунин будаст,

Ки хар як чизи нофахмедагишон пучу бехудаст» [36, 8].

Особое внимание привлекает перевод А. Дехоти басни «Пустынный и Медведь» («Биёбони ва хирс»).

В данном переведённом тексте в десяти местах употребляется собственное имя Мишка. Скорее всего, в переводе автор хотел показать эмоциональную окраску русской речи, используя уменьшительно-ласкательные суффиксы. Естественно, при объяснении такого перевода требуется вступительное слово, дополнительная информация о том, что медведя в русских сказках ласкательно называют Мишенькой. В таджикском языке собственное имя Мишка употребляется свободно в речи наравне с таджикскими словами, при этом не встречая никаких речевых барьеров. Когда мы говорим «*Мишка*», сразу понимаем, о ком идет речь. Но в данном переводе была приведена вполне уместная сноска автора. (Дар афсонаҳои руси хирсро ба тариқи навозиш Мишка ва Миша меноманд) [31, 38].

Анализируя следующий перевод басни «Цветы», отмечаем, что басня переведена согласно смыслу. Автор берет общее содержание и передает смысл текста, то есть, во-первых, само название басни – «Цветы», переведено, как «Ду гул» (в действительности речь идет о двух цветках-искусственном и живом); во-вторых, в морали басни виден адаптированный перевод, вполне допустимый в переводческой деятельности:

*Хунарманди хакики бе мисол аст,
Нагардад сахмам аз борони танкид.
Бидидам: монда андар зери борон,
Гули маснуъ факат помол гардад [36, 17].*

Сравним:

*Таланты истинны за критику не злятся:
Их повредить она не может красоты;
Одни поддельные цветы
Дождя боятся [32, 107].*

И одно заметное упущение переводчика: мифологические названия «Юпитер», «Зевес» переводятся, как «Худо», при этом, по нашему мнению,

теряется красочное описание текста-оригинала. Было бы уместно к этому переводу дать переводческий комментарий в виде сносок внизу переведенного текста, а в самом тексте употребить слова «*Юпитер*» и «*Зевес*». Но в данном случае переводчик, отказываясь от реалий, опирается на переводческую компенсацию, где заменяет их в переведенном тексте другими языковыми средствами (*Юпитер*, *Зевес-Худо*).

Переводческая компенсация – приём, с помощью которого производится перевод единиц исходного языка, которые не могут быть выражены теми же средствами на переводимом языке, когда переводчик заменяет их в другими языковыми средствами [159].

Нужно подчеркнуть, что, например, в китайских переводах «*Юпитер*» употребляется свободно, но при этом дается дополнительная информация к тексту.

Тем не менее, часто возникают трудности при переводе некоторых русских реалий, особенно если они связаны с русским колоритом и не имеют эквивалента в таджикском языке. В этом случае переводчик приспособливается к адаптированному тексту или для передачи смысла текста переводчик может прибегнуть к переводческим трансформациям. К сожалению, часто в таких переводах информационное содержание текста – оригинала искажается.

Непереводимость – это свойство текста или высказывания в одном языке, выражающаяся в отсутствии для него эквивалента в другом языке [159].

Так, например, переводе названия басни «Любопытный» А. Дехоти немного отошел от точного перевода. Дословно слово «*любопытный*» переводится, как «*кунчкоб*», а у А. Дехоти - «*зирак*», что означает «*чуткий*». По нашему мнению, семантически эти слова вовсе не являются синонимами.

Известно, что каждая басня Крылова уникальна и требует четкой сформированности, так как автор в название вкладывает мысль текста, с его помощью излагает свою идею, цель. *Любопытство* и *чуткость* – понятия

разного характера. Преобразование или же минимальное изменение названия текстов влечёт за собой нарушения. Полная трансформация при переводе нарушает авторские права, а они должны быть адекватны подлиннику. Скорее всего, автор опирался на смысловой перевод, но с минимальным ущербом ушел от реальности.

В следующем переводе А. Дехоти заимствовано древнегреческое и римское имя бога – *Плутон*. Сборник «Маймун ва айнак» предназначен для учащихся младших классов. В связи с этим возникает естественный вопрос: откуда у детей может быть понятие о Плуtone. Так как Плутон – и имя Бога, и название планеты (они омонимы), то не понятно, о ком или о чем идет речь в басне. В сборнике отсутствует переводческий комментарий. По нашему мнению, к данному переведенному тексту нужно было дать дополнительное разъяснение.

Точно такие же ошибки замечены в переводе басен «Зеркало и Обезьяна» (Климович, Петр), «Волк и Кот» (Степан, Клим, Демьян).

Анализируя перевод басни «Волк и Кот», мы замечаем, что переводчик перестарался: на наш взгляд, переведенный текст очень сложный, хотя у Крылова он прост и доступен. Переводчик, называя собственные имена *Степан, Клим, Демьян*, не назвал имя *Васька*, видимо, уменьшительно - ласкательная кличка кота «*Васька*» не поддавалась переводу, хотя в другой басне свободно использовано имя «*Мишка*», «*Мишачон*» и к нему дается дополнительная информация в виде сноски.

При переводе художественного текста переводчик сталкивается с множеством трудностей. Задача переводчика заключается в том, чтобы передать замысел автора, смысл иноязычного текста. Переведенный текст должен передавать национальную особенность текста-оригинала. Практически перевод не может обойтись без погрешностей и быть абсолютно точным - с этим нельзя спорить. При переводе художественного текста часто трудности вызывают специфические особенности языка, культура текста-оригинала, и часто переводчик не в состоянии передать всю глубину

художественного текста. Далее переводчик забегает интерпретированию игр слов, и ему приходится заново создавать текст, при этом учитывая все особенности оригинала и к тому же соблюдать все литературные нормы своего языка. Такое явление мы видим в переводах басен «Осел и Соловей» и «Мартышка и очки» Сухайли и К. Улугзода. По нашему мнению, авторы переведенных басен допустили грубейшие ошибки, искажая, разделяя на части предложения текста-оригинала. Мы считаем, что излишнее творческое старание авторов привело к тому, что тексты басен абсолютно потеряли эмоциональную окраску, к тому же перевод совершенно не совпадает с текстом Крылова.

Для примера рассмотрим следующие строки из басни «Осел и Соловей»:

«Тут соловей являть свое искусство стал:

Защелкал, засвистал

На тысячу ладов, тянул, переливался» [34, 14].

«Булбул дар чаҳ-чаҳ омад

Дар он ҷо бо сад наво, месуруд устодона» [31, 13].

В данном переводе, во-первых, слова переведены не – точно: числительное «тысяча» переводится, как «ҳазор», а не «сад» (сто); во-вторых, они разбивают предложения на несколько частей, хотя каждое предложение Крылова является единым целым. Басня Крылова состоит из 29 строк, а у переводчиков их – 46, в басне «Мартышка и Очки» из 20 строк у Сухайли и К. Улугзода получилось 38.

Такого рода перевод теряет основной смысл текста – оригинала, что недопустимо теорией художественного перевода. В данных переведенных текстах не чувствуется характерной атмосферы оригинала, отсутствуют некоторые персонажи (например, «Аврора»). В свое время А. Дониш критиковал такого рода индивидуального подхода Сухайли и К. Улугзода, с чем мы не можем не согласиться.

Художественные тексты давали материал множеству наук, они являются наиважнейшим объектом художественного перевода. Теория и практика художественного перевода работает не только с текстами художественных произведений, она имеет дело с культурой, историей, политикой, социальной сферой, литературными традициями и другими факторами, определяющими форму и содержание различных культур. Такой определяющей формой является перевод художественных текстов И. Крылова на таджикский язык.

Трудно переоценить роль тесного общения Крылова на почве творческих поисков с такими видными его современниками, как И. Г. Рахманинов, французские философы и просветители Вольтер и Мерсье, актер и писатель И. А. Дмитриевский, «товарищи» по типографии и общим интересам – П. А. Плавильщиков и А. И. Клушин.

Характерной чертой личности Крылова всегда являлась необычайная активность восприятия современной ему литературной жизни. Он вступает в литературу, когда новые романтические тенденции сталкиваются с доживающим свой век классицизмом. С другой стороны, тогда же активно пробивает себе дорогу новое литературное направление – сентиментализм, возглавляемое И. И. Дмитриевым и Н. М. Карамзиным. В обстановке сложного сосуществования и борьбы разных литературных школ и направлений Крылов выделяется подчеркнутой независимостью собственной литературной позиции. Он не примыкает ни к одному литературному направлению. Однако Крылов по-своему откликнулся практически на все основные животрепещущие проблемы жизни, «используя художественный опыт не только своих единомышленников, но и литературных противников: И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина. Самобытный талант Крылова вырастает на основе усвоения традиций русской просветительской сатиры, прежде всего сатиры Новикова и Фонвизина» [60, 190].

В то же время Крылов остро сознавал, как далека современная литература от действительности, от резкого несоответствия реальной жизни

вымышленному, условному миру, существующему только в воображении писателей. Поступки и речи большинства персонажей произведений Крылова, будь то проза или басня, имеют свою логику, смешны и абсурдны с точки зрения здравого смысла. События предстают одновременно в нескольких ракурсах: все зависит от того, чьими глазами на них смотреть. Гиперболизируя то, что достойно насмешек, Крылов стремится отвратить читателя и зрителя от ложных и предвзятых мнений.

«Исследование взаимосвязей Крылова с персоязычным миром в современном таджикском литературоведении представляется важным шагом в деле изучения творчества писателя как мастера художественного слова» [3, 71].

В настоящее время существует обширная научная литература, посвящённая изучению различных аспектов русско-таджикских литературных связей. Русско-таджикские культурные и литературные связи на протяжении столетий являются предметом особого внимания учёных-лингвистов.

Современные таджикские литераторы, исследуя творчество Крылова, сталкиваются с теми же фактами действительности морали, которые есть и в произведениях восточных писателей. Вот один пример из басни Крылова «Волк и Ягнёнок»:

*У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят [32, 36].*

Таджикский вариант перевода:

*Дар пеши воизон ҳама вақт зур ҳақ бувад,
Аз қарнҳо расидаанд мисолҳо чунин
Мо боқалам рисолаи таърих нақандаем,
Танҳо масал ҳикояти ин анбиё кунад [40, 22-23].*

В переводе замечается та же семантическая тождественность мыслей, которая и есть в русском оригинальном варианте стихотворения. Анализируемый сюжет этой басни И. Крылова заимствован из поэмы «Месневи» Дж. Руми, который, в свою очередь, схож с сюжетом одного из рассказов «Панчатантры».

Исходя из этого тезиса можно с полной уверенностью утверждать, что один из факторов удачных переводов басен И. Крылова на таджикский язык – это схожесть сюжетов и образных фигур, которыми изобилуют басни этого автора и притчи таких персидско-таджикских поэтов, как Лукмони Хаким, Саади, Джами и Дж.Руми.

Обычно сравниваются литературные явления генетически близких в языковом отношении литератур. Но русская и таджикская литературы, относясь к разным языковым семьям, тем не менее, в силу географических, исторических, культурных и политических факторов находились во взаимодействии и в русле общих закономерностей развития.

Конечно, фазы и этапы этого развития не всегда совпадали во времени, да и трудно найти такие литературы, которые бы развивались синхронно, однако поиск аналогий, параллелей типологического характера в методах художественного изображения, в литературных направлениях, течениях, стилях, в родах и жанрах, в сюжетно-композиционных системах, в образных рядах, в использовании изобразительно-выразительных средств, кажется нам плодотворным для преодоления фактора исключительности или избранности отдельно изучаемой литературы; позволяет более объективно оценить художественное значение изучаемых литературных явлений, выявить не только общие закономерности, но и специфические отличия развития литератур в контексте мирового литературного процесса.

Выявляя закономерности межлитературного общения, теория сравнительного изучения литератур установила, что ни одна литература не живет в изоляции, что наблюдается тенденция все более усиливающегося взаимообогащения и укрепления взаимосвязи литератур. Как писал Н.И.

Конрад: «Разные части человечества при всех своих распрях в области литературы всегда были в общении друг с другом и без этого общения обойтись не могли».

Для современной литературы, когда сформулировано мировое сообщество, когда целостность информационного пространства человеческой цивилизации делает достижения любой национальной культуры достоянием всего мира, становится очевидным глобальный характер возрастающего взаимопроникновения литератур.

Изучение отдельной литературы (и даже изолированное изучение связей внутри произведения или произведений авторов), художественно-стилистических течений, тенденций внутри какой-либо конкретной национальной литературы не может дать не только исчерпывающих, но и относительно правильных и полных результатов.

Персидско-таджикский философ, писатель, мыслитель, государственный деятель Ахмад Дониш (1827-1897) в своём произведении «Редкостные события» («Наводирул вакоеъ») выводит такую мораль:

*Бузургиҳо ба сол не, ақл неш аст баҳри инсон,
Савод ин як талош аст баҳри ақли ноби инсон.*

В переводе на русский язык эта народная притча, которую Дониш приводит для утверждения своих мыслей, означает, что самое главное в человеческом «Я» – это ум, и он, независимо от возраста, является циклом существования человека на земле и в обществе:

*Величие считается не по годам, а по уму,
А знание является борьбой, чтоб ум возвысить самому.*

В результате можно сделать такой вывод, что творчество И.А. Крылова занимает соответствующее место в таджикском литературоведении, имеет общие показательные черты героев, похожие мотивы и значения басен со схожими с ними восточными жанрами литературы. Роль творчества И.А. Крылова в таджикском литературоведении не только заметна, как перо, описывающее схожий по мотивам жанр литературы, но и как семантически

имеющая эквиваленты в формах, звучности, описании тематики и изобразительности. Таджикский читатель видит в баснях Крылова наставления, которые веками сопутствуют наш народ. Эти выводы ставят перед нашими отечественными литературоведами ряд задач, решение которых может пролить свет на многие проблемы связи творчества И. В. Крылова с таджикско-персидской литературой. Так, нам представляется важным:

- выявление предпосылок исследования проблем русско-таджикских литературных взаимосвязей – это наблюдается в однозначности литературных жанров, функционирующих в литературоведении обоих народов;

- определить источники влияния Востока на мировоззрение Крылова (особенно в ранний период его творчества) – этот процесс мы сравниваем с тем, что «...басни Крылова имеют восточный мотив» [86, 13];

- осуществить сравнительный анализ использованных и переработанных Крыловым басен восточных поэтов Саади, Носира Хисрава, особенно Убайда Зокони, в произведении которого «Поэмы кошки и мыши» есть схожие с мотивами басен Крылова рассказы в стихах;

- определить гуманистический характер басен Крылова, особенно моралей, отвечающих всем нормам человеческих жизненных правил;

- выявить влияние творчества Крылова на таджикскую литературную мысль – этот процесс можно наблюдать в том, что произведения Крылова знакомы таджикскому читателю вот уже более чем 100 лет.

Эти и другие факты, которые нас интересуют, являются точками соприкосновения в литературоведческой науке обеих стран.

Иван Андреевич Крылов является единственным русским поэтом, который смог так искренне и легко описать сюжет басен, которые живут в каждом доме. Мы, исследуя творчество великого баснописца, можем только «...черпать для себя то ископаемое, которое не имеет цены в мире

литературных жанров. Это клад отражения человеческого ума, светящийся, как чистое зеркало, где человек видит в нём своё отражение» [86, 49].

Передача художественного стиля басен Крылова в таджикских переводах разнообразна – от книжного до сам разговорного, простонародного. Как и у Крылова, в каждой переведенной басне два начала, без которых басня не может существовать: – художественное, когда не от своего имени говорит автор, а рассказывает, где его герои ведут диалог, и логическое, конечно же, мораль. По объему они разные, причём мораль басни находится или в начале текста или в конце. В каждом переведенном тексте имеется содержание и мораль. Так же, как и Крылов, таджикские переводчики используют и книжную речь, и разговорную. Этим они сближают, во-первых, переведенный текст с оригиналом; во-вторых, приближают читателю, подчеркивая простонародность текстов.

Как известно язык может быть разговорный (коммуникативный), литературный (правильный), официальный, поэтический (язык художественной литературы) [137]. Басня – жанр народный, и поэтому она должна быть доступна и понятна.

Проведенный анализ переведенных текстов показывает, что в текстах часто встречаются:

1. Диалектизмы: («Зирак», «Укоб ва Кӯрмуш», «Шамшер», «Биёбонӣ ва Хирс», «Хурус ва Дурдона», «Дехқон ва Роҳзан» «Квартет» и др.) Например, *гуфтугуҳошон, мағзоред, биншонданд, бурдандаш, нофаҳмидагешон, кардагет, биннидам, мешикофидам, бинмо, сони, хурмеш, нанишастетон*, которые подчеркивают определенный местный колорит. Или же употребление слова «мондаҳо» в басне «Любопытный» (А. Дехоти) вместо «монда набошед», что подчеркивает индивидуальный подход переводчика к переведенному тексту;

2. Фразеологические обороты, афоризмы, пословицы и поговорки, которые охотно символизируют обман, клеветничество, ложь, несогласованность действий, назойливость, настырность, лесть,

злоупотребление властью, силой, воровство, взяточничество, глупость, самодурство и т.д. Басни Крылова обогатили нашу речь множеством фразеологических оборотов, которые свободно вошли в нашу речь. Именно благодаря им басням И.А. Крылова принадлежит первенство. Перечислим некоторых из них, которые вошли в нашу речь:

- *У сильного всегда бессильный виноват.* («Волк и Ягненок»),
- *Два голубя. И радость и печаль, все было пополам* («Два голубя»).
- *Орлам случается и ниже кур спускаться: Но курам никогда до облак не подняться!* («Орел и Куры»).
- *На жителей болот Приходит черный год* («Лягушки, просящие царя»).
- *Кто посмирней, так тот и виноват.* («Мор зверей»).
- *Медвежья услуга* («Пустынник и медведь»).
- *Попрыгунья стрекоза. Ты все пела? Это дело: Так поди же, попляши!* («Стрекоза и муравей»).
- *В сердце льстец всегда отыщет уголок* («Ворона и Лисица»).
- *И правы, - сам себя вини: Что посеял, то и жни* («Волк и Кот»).
- *Как белка в колесе* («Белка»).
- *Ты, жалкое созданье! Не плюй в колодезь, пригодится Воды напиться* («Лев и Мышь»).
- *Колесом вертится все на свете* («Судьба игроков»).
- *Сильнее кошки зверя нет* («Мышь и Крыса»).
- *Быть сильным хорошо, быть умным лучше вдвое* («Лев и Человек»).
- *Мартышкин труд* («Обезьяна»).
- *А Васька слушает да ест. Пора и власть употребить* («Кот и повар»).
- *Ворона в павлиньих перьях. (Рядиться в чужие перья).* («Ворона»).
- *В семье не без урода* («Слон на воеводстве»).
- *Отколе, умная, бредешь ты, голова?* («Лисица и Осел»).
- *Римский огурец* («Лжец»).

- *Одни поддельные цветы дождя боятся* («Цветы»).
- *Избави, бог, и нас от таких судей* («Осел и Соловей»).
- *Щуку бросили в реку* («Щука»).
- *А ларчик просто открывался* («Ларчик»).
- *Слона-то я и не приметил* («Любопытный»).
- *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим* («Волк и Лисица»).
- *Уж братъ, так братъ, а то и когти что марасть!* («Вороненок»).
- *Зелен виноград. Видит око, да зуб неймет* («Лисица и Виноград»).
- *Лягание осла* («Лисица и Осел»).
- *Чужой беде не смейся, Голубок* («Чиж и Голубь»).
- *Свинья под дубом* («Свинья под Дубом»).
- *Где силой взять нельзя, там надобна ухватка* («Два Мальчика»).
- *Полают да отстанут* («Прохожие и Собаки»).
- *Клеветники в аду почетней змей* («Клеветник и Змея»).
- *Наши предки Рим спасли* («Гуси»).
- *Тришкин кафтан* («Тришкин кафтан»).

Для перевода существенно наличие или отсутствие у фразеологической единицы элементов национального колорита, и в зависимости от этого фразеологизмы делятся на национально окрашенные и нейтральные. Нейтральные фразеологизмы не содержат никаких намеков на национальные реалии [120, 48].

Анализируя переводы фразеологических оборотов, мы выяснили следующее:

а) фразеологическому обороту соответствует полный фразеологический эквивалент:

- *Медвежья услуга*, («Пустынник и медведь»)
Хизмати хирсона.

б) в оригинале и переводе – неполные (частичные) эквиваленты, отличающиеся по структуре или образной основе;

- *А вы, друзья, как ни садитесь,*
- *Всё в музыканты не годитесь («Квартет»).*
Зури беҳуда бишканад миён;
- *Кто про свои дела кричит всем без умолку,*
В том, верно, мало толку («Две Бочки»).
Бувад кам фоида з-он кас, ких ар чо
Кунад аз кори худ фаръёду гавго.
- *Избави Бог и нас от этаких судей («Осел и Соловей»).*
Моро хам дихад халос
Аз чунин кози худо;
- *Когда в товарищах согласья нет,*
на лад их дело не пойдёт...
- *...Да только воз и ныне там («Лебедь, Щука и Рак»).*
Чун созиш нест дар байни рафиқон,
Наёбад кори онҳо ҳеҷ сомон.
...Ароба то ҳануз он чост дар ист.
- *От радости в зобу дыханье сперло («Ворона и Лисица»).*
Чунон хурсанд шуд, гум кард худро;

в) когда нет соответствующего эквивалента то дается толкование слова на таджикском языке:

- *Услужливый дурак опаснее врага («Пустынник и Медведь»).*
Ахмаки хизматкунанда бадтар аз ҳар душман аст!
- *Слона-то я и не приметил («Любопытный»).*
Филро нодида мондам, чураҷон!
- *У сильного всегда бессильный виноват («Волк и Ягненок»).*
Пеши зурон хамеша чун одат
Ҳар ки камқувват, ӯ гунаҳкор аст.
- *В сердце льстец всегда отыщет уголок («Ворона и Лисица»).*
Хушомадгӯ ба ҳар дил гӯша ёбад.

Данные переводы фразеологических оборотов басен относятся к нейтральным фразеологизмам.

В переведённых баснях наблюдается обратное действие, когда в переводе употреблён фразеологический оборот:

- *Бовари дорам, ки он шаб тоқаташ гардида ток...* («Дехқон ва гусфанд»).

Нельзя, чтоб утерпела

и кур она не съела; ... («Крестьянин и Овца»).

- *Ҳар чи пеш ояд, хуш ояд* («Аруси мушкилписанд»).

За первого, кто к ней присватался, пошла... (Разборчивая невеста);

В переводе басни «Бочка» (кстати одноименной с басней Крылова) А.Дехоти использует афоризм:

- *...ҳар гаҳ ба пул оид шавад кор,*

Бувад гап дигару дигар бувад кор [38, 29].

Что касается стихосложения, мы не можем утверждать, что Крылов при написании своих басен соблюдает определенный стихотворный размер. Он пишет их вольным размером, в основном разноstopным ямбом [53, 841], стихотворной двухсложной стопой с ударением на втором слоге.

Именно разноstopный ямб дает возможность еще больше приукрасить басню, чтобы при чтении делать интонационные паузы или не соблюдать их, то есть интонация постоянно меняется. Сам Крылов при чтении своих басен подчеркивал простоту, естественность народной речи. Все воспоминания об исполнении им своих басен говорят об этом. Так, С. Жихарев, выслушав И.А. Крылова, сказал: «А как читает этот Крылов! Внятно, просто, без всяких вычур и между тем с необыкновенною выразительностью; всякий стих так и врезается в память. После него, право, и читать совестно».

Крылов широко использовал разговорный язык, просторечия, и, конечно же, без диалектизмов он не обходился. Соответственно в переводах таджикских переводчиков наблюдается такой же колорит. В баснях И. А.

Крылова можно выделить несколько десятков диалектных слов (более 40 из 6000 словарных единиц, описанных в «Словаре языка басен Крылова») [27, 52]. Сам жанр басни заставляет автора произвольно окунуться в мир просторечий, «простонародной лексики» и разговорной речи. И такое явление особенно характерно для писателей и поэтов второй половины XVIII века. Все слова, использованные в качестве диалектизмов у Крылова, заключены в «Словаре русских народных говоров» с теми же значениями, что и в тексте басен. В «Словаре Академии Российской» они имеют пометы «в просторечии» или «простонар.». Если в этом словаре слово отсутствует, но зафиксировано в «Словаре русских народных говоров», то оно определяется как диалектное. В качестве примера приведем слова, которые определяются нами как диалектизмы в языке басен Крылова: *бережь*, *вещунья* (в говорах - название *ворона*, *филина* в знач. «предсказательница», «простонар.»); *добычь*, *завеличатся*, *заводить* (в знач. «начинать, затевать что-л.»; ср. в говорах: танец заводила. У Крылова: *заводят исум*, *запасть* (в знач. «пропасть, исчезнуть»), *заплатить* (в знач. «поставить заплату»), *запрошлый*; *изладиться*, *небесь*, *себя царем казать* (в знач. «показывать»); *только лётom* (в знач. «очень быстро»); *казать, на завтрее, назад* (в диалектном знач. «снова, опять») и другие.

Как нами было отмечено, предшественники Крылова писали басни только в прозе, но под пером Крылова басня приобрела стихотворную форму. Крылов отличается от других баснописцев особым написанием, то есть у него ярко выражены интонационные паузы, способствующие образованию ритма. В основном в стихотворной форме рифмы служат для смысла текста, поэтому поэты в эту часть ставят важные для смысла слова, а у Крылова доминирует интонация.

Как известно, в русской художественной литературе существуют пять основных метров хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест и несколько вспомогательных. В результате анализа большинства басен Крылова, нами

был сделан вывод, что автор писал их рифмованным разноstopным ямбом, который восходит к народному раешному стиху, например:

- *Уж сколько раз твердили миру, (v/ v/ v/ v/v)*

Что лесть грустна, вредна; но только все не впрок, (/ /v / v/ //v /v/)

И в сердце льстец всегда отыщет уголок. (v/ v / v/ v/ vvv/) «Ворона и Лисица»:

Эта басня написана разноstopным ямбом с использованием пиррихийев (пропуск удержания в стопе ямба) и спондеев (стопа с двумя ударными), потому что чистый ямб получить очень сложно.

Не менее важным является метрический анализ переведенных басен И.А. Крылова на таджикский язык. А. Дехоти, как опытный переводчик, прошедший школу перевода С. Айни, закалялся в классической школе нашей литературы. Он неспроста обращается к басням, так как в нашей классической литературе басни занимают весьма важное место. Дехоти, обладая опытом, мастерски перевел басни И.А. Крылова, использовав наиболее употребительный стихотворный размер – аруз, благодаря которому переводы у него получились удачными, самое главное, он смог верно передать идею текста-оригинала.

Приведем сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и некоторых переведенных на таджикский язык басен, например басни «Крестьянин и Змея».

Одна змея, приползая к крестьянину, сказала:

Я-ке- мо-ре/ су-и- дех-кон/ ха-зи-да о/ма-ду- гуф-то:

(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/мафойлун/)

Би-ё,- хам-со/-я! Бо- хам- дус/-то-на зин-да-гӣ –со-зем.

(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/мафойлун/)

В этом художественном тексте вместо мусамман, то есть трехразового повторения мафойлуна в одной строке, используется мусаддас, то есть

шестиразовое повторение мафойлуна в одной строфе, и в одной только строке три раза используется мафойлун.

Та-бар ба каф ги-риф-та мар-ди Дех-кон

(мафойлун/ мафойлун/фойлотун/)

Би-гуф-то: «Пус-тат гар-чи ди-гар шуд...»,

(мафойлун/мафойлун/ фойлун/)

Следующая басня – «Петух и Жемчужина» («Хурус ва Дурдона»), переведена в размере Хазачи: она рифмуется, как газель. Вначале использован размер Хазачи – мусаддаси махзуф, где сначала идет мораль, а потом содержание. В размере хазачи мусаммани мусаббаг, то есть когда последний слог каждой строки является ударным, он составляет полтора слога.

Ху-ру-се аз/ да-ру-ни по/-ру-ву хок

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

Я-ке дур-до-/на пай-до кар-/ду гуф-то

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

Чи ло-зим аз/ ба-ро-и аҳ-/ли дунь-ё

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

Чу-нин бе-ху-/да як чи-зи/ чи-ло-нок?

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

А-зи-за-ли/ кардан бе ахмақи не?

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

Ба ман як до-/на чав сад бо-/р а-з ин беҳ

(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)

-----

*Ки ҷав гар-чан/-д чун дур(р) нес/-т раҳ-шон,
(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)*

-----

*Ху-ро-ки се/-ри ас-ту қув/-ва-ти ҷон!
(мафойлун/мафойлун/ фаулун/)*

-----

*Ҳа-ме-ша ҳук/-ми ҷо-хил-хо/ ҳа-ми-н ас-ту/ чу-нин бу-даст,
(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/мафойлун/)*

-----

*Ки ҳар як чи/-зи но-фаҳ-ми/-да-ге-шон пу/-чу бе-ҳу-даст.
(мафойлун/мафойлун/ мафойлун/.*

В басне «Лебедь, Щука и Рак» сначала приводится мораль, а затем следует содержание басни, которая переведена в размере Хазачи – мусаддас мақсур в рифме маснавӣ, то есть аа, бб, вв:

*Чу со-зиш нес/-т дар бай-ни/ ра-фи-қон,
(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)*

-----

*Наёбад кори онон ҳеҷ сомон
(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)*

-----

*Шавад балки аз он кулфат фаровон
(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/).*

В басне «Волк и Лисица» используется размер Рамали – мусаддаси маъзуф рифма в форме аб, вб, гб. Сначала приводится мораль басни, а затем её сюжет:

*Он чи худ на/-до-рад бар /мо на-до-рад/ ло-зи-мӣ ?
(фошлотун/ фошлотун/ фошлотун/)*

Ро-ғи-бан бах/-ше-м мо ба/- ди-га-рон

(фошлотун/ фошлотун/ фошлун/)

Ин ҳа-қи-қат/-ро, ки ним-пӯ/-ши-да аст,

(фошлотун/ фошлотун/ фошлун/)

Со-за-д ин аф/-со-на рав-шан/тар ба-ён

(фошлотун/ фошлотун/ фошлун/).

Часть басни тоже написана в этом размере, то есть в Рамали, однако не в Рамали – мусаддаси маъзуф, а – мақсур:

Мо-да-рӯ-боҳ/ хур-да се-рӯ/ гӯш-ти мург

(фошлотун/ фошлотун/ фошлон/)

Чун за-хи-ра/ кар-д қис-ме/-ро ни-ҳон

(фошлотун/ фошлотун/ фошлон/).

Кажется, что в некоторых баснях переводчик выходит из рамок арӯза, так как в диалоге в одной строке только одно слово. Но это слово является тем же элементом (рукн) того же размера. В размере Ҳазачи – мусаммани мусаббағ, то есть последний слог каждой строки состоит из полутора слога:

А-чаб нағ-зу/-а-чаб фо-рам,/ ху-рӯ-сак-ҷон,/ са-до-и ту,

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Шу-нав, ку-ку,/ са-рам бо-до/ фи-до-и ту,

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Ки дар ин бе/-ша-зо-рон ху/-бу бе-ҳам-тост

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлон/)

Са-до-и ту,/ на-во-и ту,

(мафойлун/ мафойлун/) («Кукушка и Петух»)

Очевидно, поэт в этом случае не допускает неритмичности, ничто здесь не мешает мелодичности его стиха, то есть его ритму.

Хочется отметить, что в этих переводах басен перевод отмечается своей гармоничности по форме и содержанию, то есть нововведения поэта в размере арӯз очень кстати, или четки и вполне соответствуют содержанию произведения. Наиболее употребляемые размеры стихосложения таджикского арӯза, как Ҳазач, Рамал, Раҷаз, Муттақориб, Хафиф, используются поэтом при переводе басен. Различные формы рифмы в основном использованы в форме қитъа, газели, маснави.

Следует отметить, что некоторые басни переводились несколькими переводчиками, как, например, примеру басня «Волк и Ягнёнок». Перевод, сделанный М. Миршакаром полностью соответствует содержанию басни Крылова. Хикмат Рахмат не только смог передать содержание текста, но и обратил внимание на рифму и ритм текста. Первые четыре строки, переведенные М. Миршакаром, не соответствуют размеру арӯз, первая строка состоит из 10 слогов, а вторая – из 9. Перевод, сделанный Х. Рахматом, соответствует размеру Ҳазач:

Гу-наҳ го-ран/-д-не-ши-зӯ/р-ҳо-ҳам-во/ра-но-зу-рон/

V ---/ v---/ v---/ v---

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Ша-ҳо-дат-ме/ди-ҳад-ин-ро/та-мо-ми-ҳас-/ти-и-ин-сон/

V ---/ v---/ v---/ v---

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Ва-ле-бин-вис/та-ни-таъ-рих/на-б(у)-вад-и/да-о-и-мо/

V ---/ v---/ v---/ v---

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Фа-қат з-ин бо/-б-ме-гӯ-ям/шу-мо-ро як/ма-сал-ин-чо/

V ---/ v---/ v---/ v---

(мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/ мафойлун/)

Соответствовать всем параметрам переведенного текста – очень сложное дело, особенно если учитывать его ритм, рифму, его содержание, – Хикмату Рахмату удалось профессионально перевести текст. Так удачен его перевод басни «Орёл и Куры» (в размере аруз-рамали):

То-ки бар-до/рад-ха-ло-ват/аз-ха-во-и/ бе-гу-бор/

-V --/- v--/- v--/ -v-

(фошлотун/фошлотун/фошлотун/фошлон)

Муд-да-те-пар/во-з-кар-дан/дар-ба-лан-ди/хо-У-коб/

-V --/- v--/- v--/ -v-

(фошлотун/ фошлотун/ фошлотун/фошлон/).

ВЫВОДЫ ПО II ГЛАВЕ

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- Перевод – это универсальное средство расширения культурного мировоззрения народов, а переводчики служат мостом между национальными культурами.
- Перевод басен И.А. Крылова на таджикский язык сыграл существенную роль в обогащении таджикской литературы.
- Переводы произведений русского баснописца на таджикский язык в основном можно считать удачными. Переводчики при работе над текстом руководствовались двумя принципами, а именно: максимальное приближение к тексту-оригиналу и точная передача содержания произведения.
- При работе над переводом произведений И. Крылова на таджикский язык переводчики не только старались добиваться точного соответствия с текстом-оригиналом, но и стремились передавать национальные особенности содержания басен, своеобразие национальной культуры, тонкости языка, на котором создавались басни.
- Басни И. Крылова обогатили нашу речь фразеологическими оборотами.
- На наш взгляд, улучшить качество перевода с одного языка на другой, необходимо восстановить литературные связи и лучшие традиции переводческой практики на всём постсоветском пространстве.

Заключение

Таким образом, подводя итоги проделанной работы, в ходе которой были обстоятельно и систематически исследованы и изучены особенности переводов басен Крылова на таджикский язык, мы пришли к следующим основополагающим выводам:

1. Русско-таджикские дипломатические, торгово-экономические и культурные связи имеют исторически сложившиеся данные и насчитывают несколько тысячелетий.
2. Колоссальные трансформации в установлении более близкого отношения между русским и таджикским народами в сфере культуры и просветительства происходят после присоединения Средней Азии к царской России.
3. Несомненно, Крылов был знаком с восточной культурой и литературой, ему были знакомы исторические и культурные события, книги и статьи, где упоминались поэты Востока, и доказательством этого являются его журнальная деятельность и «Почта духов».
4. Литературные взаимосвязи веками объединяли народы, поэты и писатели обменивались опытом, не зная друг друга, они чувствовали родство душ, и лучшие мыслители одной эпохи оставляют духовную пищу другим и, несомненно, результатом этой пищи являются басни Ивана Андреевича Крылова.
5. Перевод произведения способствует обогащению родного языка, поднимает его уровень.
6. Переводы таджикской литературы на русский язык прославили в СССР и во всем мире, таких – писателей, как С. Айни, Д. Икрами, М. Турсунзаде, С. Улугзоды, М. Миршакара, М. Шукурова, С. Табарова, Р. Мусульманкулова, А. Маниязова и многих других поэтов, писателей, литературоведов.

7. В эпоху глобализационных перемен перевод является средством своего рода общения между народами, с его помощью проникают культурные ценности и традиции одного народа в культурные ценности и традиции другого народа.
8. Таджикская версия переводов басен И. А. Крылова сыграли большую роль в развитии переводческой сферы в таджикском литературоведении изучаемого периода.
9. В нашей республике в связи с интенсивным оттоком русскоязычного населения после гражданской войны, с сокращением объема часов по русскому языку и литературе в программах средних общеобразовательных школ, с нехваткой преподавателей, отсутствием возможности полноценного и постоянного общения на русском языке (особенно в сельских местностях), знание русского языка, как разговорного, так и письменного, среди подрастающего поколения и лиц школьного возраста, заметно понизилось.
10. Во второй половине XVIII века в России возрос поток переводов восточных оригиналов на русский язык, потому как начала поддерживаться властями переводческая деятельность.
11. Переводческая литература – это та сфера, где не установлены никакие ограничения: ни религия, ни верование – ничто не может препятствовать ее развитию.
12. Знакомство с восточной литературной классикой послужило основой и материалом для сравнительного изучения литературы в России.
13. «Восточные повести» явились еще одним каналом проникновения Востока в литературу России.
14. Произведения Крылова проникли в Среднюю Азию начиная с 70- годов XIX века.

15. Проблема взаимосвязи Крылова с Востоком и Западом в таджикском литературоведении до сих пор остается малоизученной темой.
16. Творчество Крылова тесно связано с художественным миром пословиц, русских историй и пародий
17. В последние годы, благодаря налаженным дипломатическим отношениям, иранскими переводчиками издано немало монографий о творчестве баснописца;
18. Переводы басен Крылова сыграли важную роль в развитии литературных связей. Перевод является одним из кардинальных факторов взаимосвязи и взаимообогащения литератур;
19. Интерес таджикских современных переводчиков и литературоведов к творчеству И.А. Крылова возрос в первой половине XX века, и его басенным творчеством серьезно заинтересовались такие переводчики, как Х. Шодикулов, Х. Рахмат, Дж. Сухайли, М. Аминзода, А. Дехоти, М. Миршакар, К. Улугзода, Б. Сирус;
20. В переведенных на таджикский язык баснях упоминаются аллегорические образы 48 животных (у Крылова – 79). Процентное соотношение переводов с русского языка на таджикский составляет около 40 %.
21. Образы зверей, созданные И. А. Крыловым, способны раскрыть человеческие пороки в обществе, и они олицетворяют представителей определенных слоев общества. Например, царь зверей - Лев – король, правитель; Змея – мудрая, всегда поступит обдуманно – помощник короля, его советчик; Волк – жестокий, безжалостный, Лиса – хитрая, коварная, – единомышленники, приближенные царя; Обезьяна, Осел – придворные шуты; Овцы, Мыши, Ягнята, Лягушки, Муравьи – обычные люди, средний и низкий слои общества.

22. При переводе художественного текста переводчик сталкивается с множеством трудностей. Задача переводчика заключается в том, чтобы передать замысел автора, смысл иноязычного текста. Переведенный текст должен передавать национальную особенность текста-оригинала.

23. Таджикские переводчики при переводе басен И.А. Крылова использовали наиболее употребляемые размеры стихосложения таджикского арӯза, как Ҳазач, Рамал, Рачаз, Муттақориб, Хафиф, благодаря которому переводы получились удачными. Различные формы рифмы в основном использованы в форме қитъа, газели, маснави.

Мы считаем поставленные цели данной диссертации достигнутыми, данная тема может послужить началом более крупного исследования в рамках литературоведения.

БИБЛИОГРАФИЯ

А) Монографии, учебные пособия, сборники:

1. Абдулатипов Р.Г. Человек. Политик. Дипломат [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. - Душанбе: Изд.-во МИД РТ, 2016. -333 с.
2. Айни, С. Воспоминания [Текст] / Перевод с таджикского А. Розенфельд. – Ленинград.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 1087 с.
3. Аминов, А.С. Проблемы художественного стихотворного эквивалентного перевода [Текст] / А.С. Аминов. - Душанбе, 2013. – 234 с.
4. Арзуманов, С.Д. Русско-таджикский словарь [Текст]: Свыше 72000 слов / С.Д. Арзуманов, Х.А. Ахрори, М. Бегбуди и др.; Под. ред. М.С. Асимова. - М.: Рус. яз., 1985. – 1280 с.
5. Артамонов, С.Д. История зарубежной литературы XVII-XVIII вв.: Учебник для педагогических ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» - 2-е изд., дораб. [Текст] / С.Д. Артамонов – М.: Просвещение, 1988. - 608 с.
6. Бабаханов, М. История таджиков мира [Текст] / М. Бабаханов. - Душанбе: Эчод, 2005. – 512 с.
7. Багуславская, Е.А. Литература народов СССР: Кн. для внеклас. чт: 6-7 кл [Текст] / Е.А. Багуславская, С.Р. Багуславский; Под ред. С.А. Баруздина. – М.: Просвещение, 1986. – 320 с.
8. Бархударов, Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л.С. Бархударов. – М., Международные отношения, 1975. – 240 с.
9. Берков, П. Н. История русской журналистики XVIII века. [Текст] / П.Н. Берков – М, 1952. – 587 с.
10. Бернштейн, И.А. Великий Октябрь и мировая литература [Текст] / И.А. Бернштейн, Н.К. Гей, Я.Н. Засурский, В.Н. Кутейшикова, В.М. Пискунов // Под. ред. А.И. Пузикова, В.Р. Щербины, Я.Е. Эльсберга. Издательство «Художественная литература», - Москва, 1967. – 422 с.

11. Бобоев, Ю. Теория литературы: ч. 1. Введение в литературоведение: учебник [Текст] / Ю. Бобоев. - Душанбе, 1987. – 320 с.
12. Брагинский, И.С. Исследования по таджикской культуре. (К проблеме межлитературных связей народов Советского Востока) [Текст] / И. Брагинский. - М.: Наука, 1977. – 288 с.
13. Бурсов, Б. Биографии и мемуары. Литературоведение [Текст] / Б. Бурсов. Рецензия на книгу «Судьба Пушкина». – Л.: Советский писатель, 1989. – 205 с.
14. Вавилова, М.А. Русское народное поэтическое творчество: [Текст] Учеб. пособие для пед. ин-тов / М.А. Вавилова, В.А. Василенко, Б.А. Рыбаков и др.: Под ред. А.М. Новиковой. - 2-е изд. – М.: Высш. школа, 1978. – 440 с.
15. Виноградов, В. В. Язык и стиль басен Крылова Избранные труды. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. [Текст] / В.В. Виноградов. - М. - 1990. – 390 с.
16. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.С. Виноградов. – М.: ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
17. Гафуров, Б. Таджики. кн. I. [Текст] / Б. Гафуров. - Душанбе: Ирфон, 1989. – 384 с.
18. Гафуров, Б. Таджики. кн. II. [Текст] / Б. Гафуров. - Душанбе: Ирфон, 1989. – 480 с.
19. Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи [Текст] / Г. Гачечиладзе. - М.: Сов. писатель, 1980. – 254 с.
20. Гейзер, А.Р. Первые встречи. (Русская литература XVIII века и Восток. Источники. «Посредники». Новые факты). [Текст] / А.Р. Гейзер. Берлин. - Худжанд, 1998. – 48 с.
21. Давлатходжа, Довуди. Денежное обращение Древнего и Средневекового Хатлона (V в. До н.э.-нач. XX в.н.э.) [Текст] / Давлатходжа Довуди. - Душанбе, 2006. – 347 с.
22. Давронов, С. Омужиши вазни шеъри тоҷики [Текст] / С. Давронов. - Душанбе: Маориф, 1992. – 175 с.

23. Журавлева А.А. Русская советская литература. [Текст]: Пос. для студентов нац. отд-ний пед. ин-тов / А.А. Журавлевой. – Л.: Просвещение, 1988. – 559 с.
24. Западов, В.А. Русская литература XVIII века [Текст]: Учеб. пос. для студентов пед. ин-тов по спец. / В.А. Западов. М., Просвещение, 1979. – 449с.
25. Инжи Левый. Искусство перевода [Текст] / Л. Инжи. М.: Прогресс, 1974. – 396 с.
26. Какурин, Н.Е. Как сражалась революция [Текст] / Н.Е. Какурин. Т. 1. - 2-е изд., уточн. – М.: Политиздат, 1990. – 272 с.
27. Кимягарова, Р. С. Словарь языка басен Крылова. Крылов И. А. Избранные басни [Текст] / Р.С. Кимягарова. - М.: Мир и Образование; Русские словари. 2006. – 928 с.
28. Конрад, Н.И. Запад и Восток. Статьи [Текст] / Н.И. Конрад. - М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. – 496 с.
29. Коровин, В.И. Поэт и мудрец: Книга об Иване Крылове [Текст] / В.И. Коровин. - М.: ТЕРРА, 1996. – 472 с.
30. Костомаров, В.Г., Половникова, В.И. Шведова, Л.Н. Русский язык для иностранных студентов. [Текст]: Учебник / В.Г. Костомаров, В.И. Половникова, Л.Н.Шведова. Изд. 2-е. исправленное. - М.: Русский язык, 1977. – 440 с.
31. Крылов, И.А. Масъалҳои мунтахаб [Матн] / И.А. Крылов.- Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1944. – 67 с.
32. Крылов, И.А. Басни. Драматургия [Текст] / Вст, статья Н.Степанова; Гравюры А.П. Сапожникова. - М.: Правда, 1982. – 416 с.
33. Крылов, И.А. Басни [Текст] / И.А. Крылов. - Краснодар: Улыбка, 2017. – 128 с.
34. Крылов, И.А. Басни [Текст] / И.А. Крылов. - Москва: 2017. – 76 с.
35. Крылов, И.А. Басни [Текст] / И.А. Крылов. - М.: АСТ, 2018. – 222, (2) с.

36. Крылов, И.А. Маймун ва айнак [Матн]: Масалхо. – Душанбе: Маориф, 1977. – 47 с.
37. Крылов, И.А. Масалхо. [Текст] / Мухаррир Х, Неъматов / И.А. Крылов. – Душанбе: Маориф, 1986. – 30 с.
38. Крылов, И. А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. [Текст] / Под ред. Н. Л. Степанова. Библиотека «Огонек». - М.: Правда, 1969. – 400 с.
39. Крылов, И.А. Стрекоза и Муравей. Т. 3. [Текст] / И.А. Крылов. Полное собрание сочинений. - М.: Художлит., 1945-1946. – 45 с.
40. Крылов, И. А. Харгӯши сайёд. [Матн] / Перевод с русского Х.Рахмата. – Душанбе: Афсона, 1999. – 70 с.
41. Кузичева, А.П. Творчество: загадки, иллюзии, правда [Текст] / А.П. Кузичева. Кн. для учащихся ст. классов. – М.: Просвещение, 1991. – 127 с.
42. Кулешов, В.И. Этюды о русских писателях [Текст] / В.И. Кулешов. М.: Моск. ун-т, 1982. – 263 с.
43. Левин, М. Маниязов А. Писатели Таджикистана. Краткое биографические справки, 4-е издание, исправленное и дополненное [Текст] / М. Левин А. Маниязов. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 512 с.
44. Лосев, Ф.Ф. Античная литература. [Текст] / Учебник для пединститутов / Лосев А.Ф., Сонкина Г.А., Тахо-Годи А.А., Тимофеева Н.А., Черемухина Н.М. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства Просвещения РСФСР, 1963. - 376 с.
45. Любимов, Н.М. Перевод - искусство [Текст] / Н.М. Любимов. - М: Советская Россия, 1977. – 80 с.
46. Мальцева, К.В. Методика преподавания русской литературы в таджикской школе [Текст] / Пособие для учителей и студентов вузов. -1-е изд., испр. и доп. Ч.2: VIII-X классы. Под ред. проф. К.В. Мальцевой, М.И. Стаменовой. - Душанбе: Маориф, 1988. – 288 с.
47. Мальцева, К.В. Методика преподавания русской литературы в таджикской школе [Текст]: Пособие для учителей и студентов вузов. -2-е изд., испр. и

- доп. Ч.2: VIII-X классы / Под ред. проф. К.В. Мальцевой, М.И. Стаменовой. - Душанбе: Маориф, 1988. – 288 с.
48. Минц, И.И. Всемирная история. том VIII [Текст] / И.И. Минц, В.Г. Трухановский, Н.И. Саморуков, С.И. Якубовская. М.: Соцэкономлит, 1962. – 642 с.
49. Муллоджанова, З.А. Стиль оригинала и перевод. [Текст] / З.А. Муллоджанова. - Душанбе, 2014. – 192 с.
50. Ниязов, Х. Н. Описание персидских и таджикских рукописей Института востоковедения: Персоязычная художественная литература (XI – начало XIII в.) [Текст] / Х. Н. Ниязов. - М.: Наука, 1979. – 142 с.
51. Николаева, Л.Ю. Русские в Таджикистане [Текст] / Л.Ю. Николаева, Р.Г, Абдулатипов, А.А. Ярахмедов, Д.А. Кабаев, Е.А. Копченова, В.Н. Савлуков. - Худжанд, 2008. – 235 с.
52. Носова, И.П. Басни. И.А. Крылов [Текст] / И.П. Носова. – М., 2015. – 109 с.
53. Омар Хайям. Рубайят [Текст] / Под ред. Т. Гольц. - Душанбе, 1970. – 139 с.
54. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова Российская академия наук. - М. 2010. – 939 с.
55. Полевой, Н.А. Московский телеграф [Текст] / Н.А. Полевой. - 1833, ч. 49. – 124 с.
56. Пospelов, Г.Н. Введение в литературоведение [Текст] / Г.Н. Пospelова. - М.: Высш. школа, 1976. – 422 с.
57. Пospelов, Г.Н. История русской литературы XIX века (1840-1860-е годы) [Текст]: Учебник для филол. спец. вузов. -3-е изд., доп. / Г. Н. Пospelов. - Высш. школа, 1981. – 480 с.
58. Привознова, В.Д. История таджикского народа. Новейшая история (1917-1941 гг.). Т. 5. [Текст] / Под ред. В.Д. Привознова. - Душанбе, 2004. – 752 с.
59. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь [Текст] / А.М. Прохоров. - М.: Большая Российская энциклопедия. - Норинт, 1999. –1456 с.

60. Пруцкова, Н.И. История русской литературы: в 4 томах. Т. 2. [Текст] / Под редакцией Н.И. Пруцкова и других. - Л., 1980-1983 гг. – 656 с.
61. Пушкин, А.С. Евгений Онегин. 2-е издание., стереотип [Текст] / А.С. Пушкин. – М.: Дрофа, 2003. – 240 с.
62. Радищев, А.Н. Полное собрание сочинений. В трех томах. Т. I [Текст] / А.Н. Радищев. – М.: АН СССР, 1938.
63. Радциг, С.И. История древнегреческой литературы. 5-е изд. [Текст] / Учебник. С.И. Радциг. – М.: Высшая школа, 1982. 487 с.
64. Рахим Хошим. Красный Восток [Текст] / Хошим Рахим. - Душанбе. Адиб, 1960. – 220 с.
65. Русакова, М.В. Литература России и Восток. [Текст] / Учебное пособие-хрестоматия. Ч. 1 / М.В. Русакова. Душанбе: РТСУ, 2008. – 352 с.
66. Русский архив, 1865 г. столб. 1011.
67. Саади Ширази. Бустан. [Текст] / Перевод В. Державина. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 451 с.
68. Саидов, Х.С. Республика Таджикистан и российская федерация: стратегическое партнерство в действии: научная монография [Текст] / Душанбе: РТСУ, 2017. – 220 с.
69. Самарин Р.М. Зарубежная литература [Текст] Учебн. Пособие для филол. Специальностей / Сост. М.Р. Волкова; Предисл. А.В. Русаковой; Послесловие Б.Л. Сучкова. – М.: Высш. школа, 1978. – 464 с.
70. Саъдии Шерозӣ. Бӯстон [Матн]. - Душанбе: Маориф ва фаръанг, 2008. – 291 с.
71. Саъдии Шерозӣ. Гулистон [Матн] / С. Сидиков. - Душанбе: Адабиёти бачагон, 2015. –175 с.
72. Славгородский, П.Ф. Литература народов СССР. Книга для чтения в средней школе [Текст] / П.Ф. Славгородский. Издание 2-е, переработанное. - М.: Просвещение, 1966. – 574 с.
73. Стенник, Ю.В. Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века. Русская литература - век XVIII. Трагедия [Текст] / Ю.В. Стенник. - М., 1991.

74. Степанов, Д. О. Статья Мастера слов в литературном жанре [Текст] / Д. О. Степанов. – Минск: Просвещение, 1979. – 135 с.
75. Стори, Ч.А. Персидская литература. Ч. 1. Кораническая литература. Всеобщая история. История пророков и ранний ислам [Текст] / перевел с английского Ю.Э. Брегель. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. 694 с.
76. Тимофеев, Л.И. Теория литературы. Основы науки о литературе. [Текст] / Л.И. Тимофеев. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1948. – 382 с.
77. Тимофеев, Л. Краткий словарь литературоведческих терминов [Текст] / Л.Тимофеев, Н.Венгеров. - М.: Учпедгиз, 1963. – 511 с.
78. Тимофеев, Л. Теория литературы: Основы науки о литературе [Текст] / Л.Тимофеев. – М., 1976. – 548 с.
79. Тихомиров, Д. Н. Петровские преобразования [Текст] / Санкт-Петербург, 1936. - 125 с.
80. Тураев, С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов [Текст] / С.В.Тураев, Л.В.Тимофеев. – М., 1974. – 509 с.
81. Фозилов, М. Фаръанги зарбулмасал, макол ва афоризмҳои тоҷикию форси [Текст] / М. Фозилов. – Душанбе: Нашри Камол, 2014. – 638 с.
82. Хафиз Ширази. Диван [Текст] / Сост. А.Ш. Шахвердов. – М.: ТОО Летопись, 1998. – 524 с.
83. Ходжибаева, Б. Пушкин и Восток [Текст] / Б. Ходжибаева, М. Мирзоюнус. - Худжанд, 1999. – 186 с.
84. Холов, Х. История и особенности перевода лирических стихотворений А.С. Пушкина на таджикский язык. [Текст] / Х. Холов. – Душанбе: Бухоро, 2012. – 227 с.
85. Цицилия, Б. Б. «Литературоведческие замыслы» [Текст] / Б.Б. Цицилия. Баку: Литература, 1947. – 85 с.
86. Чегалиани, Д. С. О басне, как жанре литературного произведения [Текст] / Д. С. Чегалиани. - Тбилиси: Культура, 1980. – 114 с.

87. Чернец, Л.В. Введение в литературоведении. [Текст] Учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; под ред. Л.В. Чернец. – 40-е изд., испр. и доп. – М.: Академия, 2011. – 720 с.
88. Чулков, С. И.А. Крылов. Басни [Текст] / С. Чулков. - М.: Художлит., 1983. – С. 2-245.
89. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. [Текст] Учебное пособие / Н.М. Шанский. - Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 12 с.
90. Шмелёв, Д.Н. «В мире басен, сказок и пословиц» Пляда [Текст] / Д.Н. Шмылев. – Минск, 1991. – 85 с.
91. Шукуров, М. История культурной жизни Советского Таджикистана (1917-1941). Ч.1. [Текст] / М. Шукуров. – Душанбе, 1970. – 496 с.
92. Шукуров, М. Культурная жизнь Таджикистана в период развитого социализма [Текст] / М. Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 240 с.
93. Щерблыкин, И.П. История русской литературы (XI-XIX вв.) [Текст] Учебник для нефилол. фак-тов вузов / И.П. Щерблыкин. - М.: Высш. шк., 1985. – 511 с.
94. Ясиновская, А.В. Крыловский вечер в школе. [Текст] / Под. ред. А.В. Ясиновской. – М.: Детлит., 1969. – 142с.
95. Чоми А. Бахористон. [Матн] / Тахиягари матна. Афсаҳзод. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, - 2008. – 204 с.

Б) Диссертации, авторефераты:

96. Артемьева, Н. А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: [Текст] автореферат дисс... канд. филол. наук: 10.01.10 / Н.А. Артемьева. - Смоленск, 2012. – 22 с.
97. Бобоалиева, З. П. Творчество Чингиза Айтматова в контексте таджикско-кыргызских литературных связей (проблемы перевода): [Текст] дисс... канд. филол. наук: 10.01.03 / З.П. Бобоалиева. – Душанбе, 2016. – 178 с.

98. Гиёев, А.Х. Нравственное воспитание студентов педагогического вуза на занятиях русского языка: [Текст] автореферат дисс... канд. пед. наук: 13.00.01 / А. Х. Гиёев – Душанбе, 2015. – 25 с.
99. Гуломова, С. Н. Влияние традиций персидско-таджикской литературы и коранических реалий на русскую литературу: на примере творчества И.А. Бунина: [Текст] дисс...канд. филол. наук: 10.01.03 / С.Н. Гуломова. – Душанбе, 2018. – 157 с.
100. Даминова М.З. Сопоставительный анализ парных синонимов русского и таджикского языков: [Текст] дисс...канд. филол. наук: 10.01.20 / М.З. Даминова. – Душанбе, 2015. – 150 с
101. Ильин, О.А. История развития «восточной повести» в русской литературе XVIII века: [Текст] автореферат дисс... канд. филол. наук.10.01.03 / О.А. Ильин. - М., 1989. – 24 с.
102. Мирзоева, С.А. Марина Цветаева и таджикская литература (особенности переводов поэзии М. Цветаевой на таджикский язык) [Текст]: автореферат дисс... канд. филол. наук: 10.01.03/ С.А. Мирзоева – Душанбе, 2019. – 26 с.
103. Монахов, С.И. Трехсложные размеры в истории русской литературы [Текст]: автореферат дисс... канд. филол. наук: 10.01.01/ С.И. Монахов. – Санкт-Петербург, 2008. – 26 с.
104. Муллоев Ш.Б. Русская культура и литература в контексте таджикского просветительства конца XIX-начала XX веков [Текст] диссер... канд. филол. наук: 10.01.03 / Ш.Б. Муллоев. – Душанбе, 2001. – 141 с.
105. Мурувватиён, Дж. Становление филологического романа в таджикской литературе XX века (на примере романа «Фирдоуси» Сотима Улугзаде) [Текст]: дисс... канд. филол. наук: 10.01.08 / Дж Мурувватиён. – Душанбе, 2018. – 175 с.
106. Рахманов, Б.Р. А.А.Бестужев-Марлинский и персидско-таджикская литература (проблема перевода и влияния) [Текст]: автореферат дисс... канд. филол. наук: 10.01.03 / Б.Р. Рахманов. – Душанбе, 2006. – 26 с.

107. Рахмонов, Б.Р. Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. [Текст]: дисс... док. филол. наук: 10.01.03 / Б.Р. Рахманов. – Душанбе, 2018. – 342 с.
108. Рустамова, Г. Р. Русско-таджикские литературные связи в XX (в контексте творчества Льва Толстого [Текст]: дисс... док. филол. наук: 10.01.03 / Г.Р. Рустамова. - Душанбе, 2017. – 246 с.
109. Тагоймуродов, Р. Х. Метрика газелей Амира Хусрава Дихлави [Текст]: автореферат дисс... канд. филол. наук. 10.0103 / Р.Х. Тагоймуродов. - Душанбе, 2006. – 28 с.
110. Холботурова С.С. Особенности перевода поэзии Александра Блока на таджикский язык [Текст]: диссер... док. филол. наук: 10.01.08 / С.С. Холботурова. – Душанбе, 2019. – 173 с.
111. Холов, Х.Р. История и проблемы перевода лирических стихотворений и прозы А.С. Пушкина на таджикский и персидский языки: [Текст] дисс... док. филол. наук: 10.01.03 / Х.Р. Холов. – Душанбе, 2015. – 291 с.
112. Хочаёров, Н.Ф. «Метрика поэзии Нима Юшджа» [Текст]: дисс... канд. филол. наук: 10.01.16 / Н.Ф. Хочаёров. - Душанбе, 2000. – 181 с.
113. Шарофиддинов, С.С. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории и культуры таджикского народа IX-XV вв. [Текст]: дисс...канд. истор. наук: 17.00.02 / С. Шарофиддинов. – Душанбе, 2014. – 161 с.

В) Статьи, опубликованные в периодических изданиях:

114. Абдулатипов, Р.Г. Послание Президента РТ Эмомали Рахмона Маджлиси Оли // Народная газета. -2016. -20 января;
115. Азиатский вестник. -1826. - № 4. – 260. С
116. Аминов, А. С. Компаративистика и проблемы управления качеством перевода [Текст] / Ш.Б. Муллоев, А.С. Аминов // Вестник РТСУ. - Душанбе, 2016. - №2 (53). - С.142.
117. Анненкова, Е.И. Жанровое новаторство басен И. А. Крылова//Русская литература. XIX век. От Крылова до Чехова [Текст] / Сост. Н.Г. Михновец. - Санкт-Петербург.: Паритет, 2001. - С.7-17.

118. Артемьева, Н.А. Образ читателя-адресата в баснях И.А. Крылова. [Текст] / Н.А. Артемьева // Статья научного журнала Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. - Санкт-Петербург, 2008. - С.34-39.
119. Афанасьев, В.В. Плащ волшебника (Иван Андреевич Крылов) [Текст] / В.В. Афанасьев // Свободной музы приношение. Литературные портреты. Статьи. - М.: Современник, 1988. - С.30
120. Ашмарина, Л.В. Перевод русских нейтральных и национально окрашенных фразеологизмов на таджикский язык. [Текст] / Л.В. Ашмарина // Материалы научной конференции. - Душанбе: РТСУ, 2009. - С.47-50.
121. Буслакова, Т.П. Иван Андреевич Крылов. [Текст] Буслакова Т.П. Русская литература XIX века. М.: Высш. шк., 2001. - С.5-20.
122. Горшков, А.И. Язык предпушкинской прозы [Текст] / А.И. Горшков // Книга для студентов и аспирантов филологических специальностей. - М. 1982. - С.149 - 152.
123. Гусейнова, Т.В. О методической концепции преподавания русского языка в средней школе [Текст] / Т.В. Гусейнова // Русский язык и литература в школах Таджикистана. - 2009. - №5. - С.53-60
124. Ильин, О.А. «Каиб» И.А. Крылова как пародия на «восточную» повесть. [Текст] / О.А. Ильин // Материалы научно-теоретической конференции «Проблемы писательской критики». – Душанбе, 1987. - С.155-158.
125. Кашталева, К.С. «Подражания Корану» А.С.Пушкин и их первоисточники [Текст] / К.С. Кашталева // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР, т.5. - Л.,1930. – С. 243-270.
126. Кочеткова, Н.Д. Сатирическая проза Крылова [Текст] / Н.Д. Кочеткова. Иван Андреевич Крылов: Проблемы творчества. - Л., 1975. - С.103-106.
127. Крылов, И. А. Каиб. Восточная повесть // Русская литература XVIII века. Хрестоматия. [Текст] / Сост. Г.П. Макогоненко. – Л.: Просвещение, 1970. – С. 596-609.

128. Крылов, И.А. Похвальная речь в память моему дедушке; Каиб. Восточная повесть; Трумф, или Подщипа; Почта духов [Текст] / И.А. Крылов // Русская литература последней четверти XVIII века / сост. В.А. Западов. – М., 1985. - С.331-360.
129. Кубачёва, В.Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII - начала XIX века [Текст] / В.Н. Кубачева. Сборник 5. М.-Л..1962. С.295-315.
130. Лебедева, О.Б. Пародийные жанры в творчестве И. А. Крылова (1769-1844) [Текст] / Лебедева О.Б. // История русской литературы XVIII века. М.: Высш. шк., 2003. - С.309-327.
131. Ломидзе, Г. Дружба народов [Текст] / Г. Ломидзе // Литературная газета. - 1972. - 15 марта.
132. Ольденбург, С.Ф. «Связи Запада с Востоком старинные...» [Текст] / С.Ф. Ольденбург // Восток - Запад. - М., 1982. - С.3 - 8.
133. Раджабова, И.С. «Тысяча и один день. Персидские сказки» в русском переводе. Восток и взаимодействие литератур [Текст] / И.С. Раджабова. - Душанбе, 1987. - С.112-115.
134. Рустамова, Г. «Особенности русско-персидско-таджикских литературных взаимосвязей» [Текст] / Г. Рустамова // Вестник Педагогического университета. – Душанбе. - 2015. - №1 - С.337.
135. Самадова, И.Н. Современные требования общества к качеству подготовки специалистов – учителей русского языка в национальной школе. [Текст] /И.Н. Самадова// Актуальные проблемы филологии. Материалы научной конференции. - Душанбе. - 2009. - С. 57-62.
136. Сидоренко, К.П. Басни И.А. Крылова как объект интертекстовой лексикографии. [Текст] / К.П. Сидоренко // Журнал ВАК Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова. Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск. - 2016. - С.354-356.
137. Спектор, А.Л. Русская филология в Таджикистане периода независимости. [Текст] / А.Л. Спектор // Материалы научной конференции. – Душанбе. - 2009г. 29-30 октября. - С.217-218.

138. Тихомирова, В.А. Отражение этнокультурных различий восприятия текста в баснях [Текст] / В.А. Тихомирова // Ярославский педагогический вестник. - 2011 №4. - С.209-211.
139. Тынянов, Ю.Н. О пародии [Текст] / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. - М. - 1977. - С. 80-95.
140. Уфимцев, А. Д. Связь русской культуры с персидской литературой [Текст] / Уфимцев, А. Д. // Туркестанские ведомости № 3. - 1908. – 16 с.
141. Холов, Х.Р. Характеристика перевода избранных стихов Пушкина в Иране [Текст] / Х.Р. Холов // Вестник Педагогического университета Душанбе. - 2014. - №4. - С.351-352.

Д) ИНТЕРНЕТ – ресурсы:

142. Белинский, В.Г. Разделение поэзии на роды и виды. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://knigolubu.ru/russian_classic/belinskiy_vg/razdelenie_poezii_na_rodyi_i_vidyi.1509/?page=13.
143. Беркович, Т.Л. «Орел под небесью летал...» (Диалектизмы в баснях И.А. Крылова) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarus.com/orel-pod-nebesvu-letal-dialektizmy-v-basnyah-i-a-krylova>.
144. Гончарик, А. В. Проблема переводимости в художественном тексте. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://works.doklad.ru/view/1DkXdoZEY5w/all.html>
145. Дегтерев, Н. Как использовать парафраз в научной статье и избежать плагиата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/information/kak-ispolzovat-parafraz-v-nauchnoj-state-i-izbezhat-plagiata/>
146. Карадагский, Г. Материалы из википедии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: - <https://russianwiki.com/index.php/>
147. Каримов, М. У. К вопросу об изучении политико-правовых взглядов Саади Шерози в Западной Европе, России и Иране. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-izuchenii->

- politiko-pravovyh-vzglyadov-saadi-sherozi-v-zapadnoy-evrope-rossii-i-irane/viewer.
148. Ковалевская, О. Крылов, И. Удивительный библиотекарь. Статья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kostyor.ru/archives/5-08/library.php>
149. Крицкая, Н.В. Своеобразие переводов басен И. А. Крылова Д. Лонгом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-perevodov-basen-i-a-krylova-d-longom>
150. Крылов, И.А. Критические статьи. баснописец. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krilov.ru/criticalarticles/>
151. Крылов, И.А. Обед у Медведя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rvb.ru/18vek/krylov/01text/vol3/02fables_dubia/251.htm
152. Крылов, И. А. Энциклопедия «Вокруг света» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vokrugsveta.ru/encyclopedia/index.php?title=%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BB%D0%BE%D0%B2%2C_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%8
153. Лебедева, О. Б. Традиции русской сатирической публицистики в «Почте духов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа:// <http://poisk-ru.ru/s29312t6.html>
154. Магомедзагиров, Р.Г. Методы и принципы поэтического перевода. Переводческие преобразования при переводе поэзии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-printsipy-poeticheskogo-perevoda-perevodcheskie-preobrazovaniya-pri-perevode-poezii>
155. Макибаева, А.М. Перевод как одно из форм литературных взаимосвязей (на примере перевода поэзии Гёте). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:// <https://articlekz.com/article/23669>
156. Мусабеева, Р.Р. Трансформация при переводе художественного произведения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-pri-perevode-hidozhestvennogo-proizvedeniya>
157. Мюрид (Перевод В. Думаевой-Валиевой) Тукай доньясы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gabdullatukay.ru/rus/works/prose/1906-god-prose/v-gostyah-u-medvedya-perevod-v-dumaevoj-valievoj/>
158. Нагуманова, Э. Ф. «Непереводимое» в переводах стихотворений татарских поэтов начала XX века на русский язык. [Электронный ресурс]. – режим доступа http://kpfu.ru/staff_files/F1861017664/Nagumanova.EF._NEPEREVODIMOE_.V.PEREVODAH.pdf
159. Непереводимость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Непереводимость&oldid=99090706>
160. Сидоренко, К.П. Басни И. А. Крылова как объект интертекстовой лексикографии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/basni-i-a-krylova-kak-obekt-intertekstovoy-leksikografii>
161. Сироткин, Д. Крылатые выражения из басен Крылова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://burido.ru/razvitie-i-obuchenie/342-frazeologizmu-i-a-krylova> на сайте Буридо
162. Слепынин, О. Иван Крылов. 200 лет актуальности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://omiliya.org/article/ivan-krylov-200-let-aktualnosti-oleg-slepinin.html>
163. Федосеева, Т.В. Художественная функция иронии в «Восточной повести» И.А. Крылова «Кайб» // Филологические науки. – 2005. – №5 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://library.rsu.edu.ru/p6200/>
164. Фонвизин, Д.И. // Каллисфен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/247.htm>
165. Фунт, И. Иван Крылов. Мужичский самородок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://omiliya.org/article/ivan-krylov-200-let-aktualnosti-oleg-slepinin.html>.

166. Хабибуллина, А.З. Жанровые стратегии в русской и татарской литературе: Басня и масал. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovye-strategii-v-russkoy-i-tatarskoy-literature-basnva-i-masal>
167. Хитёва, Ю.С. Первые знакомства Н.В. Гоголя с творчеством И.А. Крылова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervye-znakomstva-n-v-gogolya-s-tvorchestvom-i-a-krylova>
168. Чалисова, Н., Смирнов А. Подражания восточным стихотворцам: встреча русской поэзии и арабо-персидской поэтики. Часть II. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iph.ras.ru/~orient/win/publictn/text/vstr_nd2.htm.
169. Шергалин, Е. Э. Иван Андреевич Крылов и птицы // Рус. орнитол. журн. 2017. №1539. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ivan-andreevich-krylov-i-ptitsy>.
170. 5 цитат о Крылове. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://godliteraturv.ru>

Е. Зарубежные публикации

171. *History of the Graeco-Latin Fable*, Francisco Rodríguez Adrados, Leiden 1999, vol 3, p.161, available at Google Books «شعر معروف «روباه و زاغ» واقعاً» <https://books.google.com/books?id=...> «سرودة کیست؟». آبان ۱۳۹۱ ۲۹ /ایسنا. Book 1.17, lines 50-1
172. *The Satires of Horace in Latin and English*, Rev Philip Francis, London 1746; *Satires II.5, line 56*. [Books.google.co.uk](https://books.google.co.uk/). 1753. Retrieved 2011-12-09.
173. *The Fables of Odo of Cherington*, John C. Jacobs, Syracuse University Press 1985, pp.149-50; there is a limited preview in Google Books
174. The translation here and for Phaedrus are supplied in John Vernon Law's lecture on the fable
175. *Fifty Fables of La Fontaine*. Retrieved 4 October 2014.

176. von Mucke, Dorothea (1991). *Virtue and the Veil of Illusion: Generic Innovation and the Pedagogical Project in Eighteenth-Century Literature.* Stanford University. pp. 26–30. ISBN 978-0-8047-1865-3.
177. Ghosh, Amalananda (1989). *Encyclopaedia of Indian Archaeology. 1.* New Delhi. p. 83. ISBN 9004092641.
178. R. K. Pruthi, "Indus Civilization: Part 9."
179. ۹۷۸-شابک. تهران: سازمان سمت. (اصول فن ترجمه (فرانسه به فارسی). کمالی، محمدجواد ۹۶۴-۵۳۰-۳۱۰-۳.
180. The score appears in John Metz, *The Fables of La Fontaine: A Critical Edition of the Eighteenth-Century*, Pendragon Press 1986, p. 44
181. "Offenbach Fables de la Fontaine Fox and the Crow". YouTube. Retrieved 4 October 2014.
182. "See "The Fox and the Crow" section". Vlib.us. 1944-06-06. Retrieved 2011-12-09.
183. "The Crow And The Fox, Illustration After The Fable By Jean De La Fontaine". 1st-art-gallery.com. 2011-10-26. Retrieved 2011-12-09.